

Владимир Ильич Контровский Колесо Сансары

Криптоистория Третьей планеты – 1



http://zhurnal.lib.ru/k/kontrowskij_w_i/essekclip2.shtml
«Колесо сансары»: Северо-Запад Пресс, АСТ; СПб, Москва; 2007
ISBN 978-5-17-042182-4, 978-5-93698-356-6

Аннотация

Погибшие в небе Земли возвращаются. Они воплощаются в людях разных исторических эпох - от Карфагена до наших дней. Они ищут друг друга, и их ищут эски, желая вернуть потерянных в свои Миры. На фоне драматических событий реальной истории переплетаются судьбы, и мерно вращается круг перерождений...

Владимир Ильич Контровский

Колесо Сансары

*Медленно мелет мельница богов,
медленно вращается Колесо Сансары...*

ПРОЛОГ

ОТКРОВЕНИЕ ТРЕТЬЕ ИЩУЩИЕ.

- Ты, наверно, желаешь знать, Мудрая, зачем я призвала тебя?
- Да, Королева.
- Селиана, ты видела очень многое - ещё тогда, когда ты была Главой фратрии Птицы. И потом, когда ты перешла к Мудрым, Копящим Знание...
- Да, Королева.
- Ты помнишь ещё те времена, когда я была Ученицей, когда мы столкнулись с

Каменнолапыми, и когда мои отец и мать...

- Да, Королева.

- Селиана, я хочу отыскать их. На мне Долг, и я желаю, чтобы Тазона и Коувилл снова сошли в Круг Бытия здесь, в моём домене, в Объединении Пяти. Мне ведомо, что та область Тонкого Мира, куда ушли их Души, сцеплена с довольно обширным районом Привычного Мира Галактики - прежде всего с системой Жёлтой звезды - и с целой гроздьё Смежных Реальностей. Тайна реинкарнации - Предельная Тайна, отслеживать вновь и вновь инкарнирующуюся Сущность невероятно сложно, но ведь... не безнадежно?

- Да, Королева. Мы не знаем и не можем знать, где и когда Сущности, бывшие некогда Королевой Тазоной и Соправителем Коувиллом, воплотятся и обретут телесные оболочки снова - такое нам неподвластно. Мы знаем - примерно - ограниченную область Познаваемой Вселенной, где их очередная инкарнация возможна и вероятна, но точное время и место...

- А просмотр ленты воплощений?

- Королева, в секторе вероятности несколько десятков обитаемых Миров, населённых Разумными на разных ступенях развития. Носителей Разума в этих Мирах миллиарды и миллиарды, мы не сможем просмотреть всех, даже если этим займутся все Маги Объединения. И потом, разница в скорости бега времени. Пока мы смотрим, бесчётное число людей и не-людей умрут, и такое же несметное количество их родится. Нет никакой гарантии, что искомые нами Души не окажутся в процессе перехода в момент нашей проверки.

- Но как же быть, Мудрая? Что ты предлагаешь? Пойми, я не отступлюсь. Те, в ком воплотятся Души моих родителей, должны оказаться здесь. Здесь они умрут, окончат свой Круг с тем, чтобы вернуться вновь - туда, где им только и должно быть. И это отнюдь не дочерний долг, Селиана, - такое понятие для нас, эсков, малозначимо, - это жизненная необходимость. Сущности Натэны и Эндара обязаны возвратиться в свои Миры. Ты понимаешь меня, Мудрая? И я хочу знать, как это можно сделать.

- Есть всего лишь один путь, Королева. Если выделять только совершенные Души, круг наших поисков резко сузится. Но и тогда будет существовать возможность ошибки. Воплотившиеся Сущности должны проявить себя. Как мы можем помочь им в этом?

Первое - мы способны дать Предполагаемым магическую защиту от случайностей, протекающих из естественных законов того Мира, где они находятся на данном отрезке времени. Заметь, Королева, только такую защиту. Если они столкнутся с последствиями воздействия магии, - неважно какой магии, местной или привнесённой, - то тогда защита вполне может дать сбой. Но всё-таки мы дадим Предполагаемым возможность осознать себя и реализоваться. А уж тогда мы сможем просмотреть их ленты воплощений и убедиться, те ли это, кого мы ищем, или же нет. Только так, Королева.

И ещё - местные носители магии, пусть даже магии примитивной, стоящей на изначальных ступенях развития чародейства, способны почуять воплощённые Сущности такого уровня. И тогда эти местные смогут подсказать - заметь, Королева, только подсказать, намекнуть, не более. Но это может помочь Предполагаемым понять, кто же они есть на самом деле. Правда, местным чародеям-самоучкам придётся платить за сделанную ими подсказку - пусть даже невольную, - и дорого платить. Этот Закон не обойти.

- Если это Закон - пусть платят. Наш Поиск слишком важен.

- Да, Королева.

- А если так, то действуйте, Мудрые. За любой возможной помощью ты можешь обращаться ко мне в любое время, Селиана, - и Звёздная Королева прервала мыслеразговор.

Красивая статная женщина - ну кто из обитателей Юных Миров сказал бы, что она прожила в этом воплощении больше семисот стандартных лет (двадцать две тысячи солнечных кругов по меркам времени Третьей планеты) - слегка склонила голову (внешние атрибуты почитания не важны для эсков) и удалилась, растаяла в воздухе.

Магиня-Хранительница Эн-Ризнанта (когда-то носившая детское имя Энна) осталась

одна. Мысли Звёздной Владычицы не слишком долго занимало порученное Главе Синклита Мудрых Пяти Доменов - у Королевы было очень много и других дел, и тоже очень важных.

А на Третьей планете системы Жёлтой звезды неспешно тянулось...

ВРЕМЯ КРОВАВЫХ БОГОВ

Северная Африка, 146 год до н.э.

Дрожащий на стенах свет масляных светильников бессилен разогнать ползущую изо всех углов темноту. Храм заполняет почти осязаемая тьма, и облик Танит различим смутно. За стенами же храма - жрица богини знает это - мрак ночи начисто съеден пламенем многочисленных пожаров. Огонь уже затопил почти всю Мегару и подступает к укреплениям Бирсы. После двухлетней осады латиняне ворвались наконец в городские кварталы, и теперь на улицах гибнут последние защитники некогда великого города. Он и остался великим, но лишь по своим размерам, а не по силе и влиянию на жизнь населяющих берега Моря народов. Семьсот лет, миновавших с тех пор, когда бежавшая из Тира царица Элисса основала на удобном месте - на выдающемся в море мысе, прикрытом с суши озером, - новый город, были наполнены взлётами и падениями, победами и поражениями.

Сыны Кар-Хадташта всегда более уповали на хитрость, нежели чем на грубую воинскую силу. Недаром, как гласит легенда, сама земля для нового города была приобретена Элиссой у местных племён за бесценок, с помощью хитрой уловки. Старейшины ливийцев согласились продать ей клочок суши, который можно покрыть бычьей шкурой. Хитроумная же предводительница финикийцев разрешила шкуру на тончайшие ремни, связала их вместе и окольцевала получившейся верёвкой весьма значительный участок - на нём хватило места для постройки Бирсы (само слово это означает "содрванная шкура"): акрополя и центра будущего поселения.

Так это было или нет, но жители Кар-Хадташта хорошо запомнили и полностью согласились с известным изречением царя Филиппа, отца Александра Македонца: "Через стены укрепленного города не перепрыгнет боевой конь, но легко перешагнёт осёл, нагруженный золотом". Город рос и богател за счёт торговли и ростовщичества, хотя его сыны умели держать меч, успешно совмещали мирный товарообмен с открытым пиратством и не стеснялись применять оружие, если это сулило им выгоду. Сильное войско, составленное из наёмников, - они хорошо дрались, пока им хорошо платили, - и особенно флот, в состав которого входили первые пятипалубные корабли-пентеры, легко топившие триеры греков и триремы римлян, обеспечивали процветание державы. С ней считались на берегах Моря: и этруски, и эллины, и латиняне, и племена Африки и Азии, и иберийцы, и даже жители далёкого Оловянного острова.

Страшные боги великого города - Ваал-Хаммон, бог Солнца, и Танит, его женская ипостась, богиня Луны и плодородия, - внушали ужас окрестным народам. Богов у Юных Рас множество: одни лучше, другие хуже; одни сложнее, другие примитивнее. Страх же, который испытывали люди перед именем Ваала и Танит основывался на том, что боги эти алкали человеческих жертвоприношений. И перед их алтарями убивали не только захваченных пленников - с наибольшим удовольствием боги вкушали кровь младенцев-первенцев самих обитателей Кар-Хадташта. Мальчики умирали на тофете - специально отведённом для кровавого ритуала месте - во славу Ваала-Молоха, жизни девочек посвящались богине ночи Танит. Тела убиенных укладывали в специальные сосуды, которые плотно устанавливали один к другому. Когда чудовищный колумбарий заполнялся, весь слой могильных кувшинов засыпали землёй, а поверх начинали выстраивать новые их ряды. Шли века, и один страшный ярус сменялся следующим...

В храме царила полная тишина - шум сражения не проникал под каменные своды. Но там, в городе, льётся кровь, и умирают люди, и, в конце концов, волна битвы вкатится в святилище, и алтари рухнут. Если не удастся воззвать к Танит... Если жрица не дозволится Владычицы Ночи, или если богиня не ответит, тогда останется только смириться и

склониться перед Неизбежным. Надежда слаба, она трепещет, подобно язычку пламени, дрожащему на тонкой нити растительного фитиля, плавающего в заполняющем бронзовую чашу светильника масле. Но надежда есть - ночь безоблачна, и серебристый лик Танит вот-вот появится над горизонтом. А дальше всё (или почти всё) зависит от неё, от жрицы, от её сил и способностей. Богиня не может отвернуться от своих детей, преданно поивших её тёплой жертвенной кровью в течение веков, - надо лишь суметь докричаться до Всемогущей.

Темнота храма живая - призраки ушедших столетий пляшут на жрицу из углов, шепчут что-то еле слышное, жалуются и увещевают. Жрица, женщина с именем ночной птицы, не слушает бесплотных голосов. Что они могут ей сообщить полезного? Великий город, столица великой державы, обнимавшей некогда весь южный берег Моря и его острова, ныне умирает - это ясно. Кровавая агония близится к завершению, Кар-Хадташт умрёт, - если не случится чудо. На чудеса уповать трудно, но что ещё остаётся делать. Мечи сынов Нового Города уступили мечам пришельцев; войны, продолжавшиеся с перерывами более ста лет, сломали хребет державы моряков и торговцев.

В первой войне поначалу удача благоприятствовала внукам Тира - корабли Кар-Хадташта владели Морем и опустошали набегами италийские берега, привозя золото и рабов. Но потом произошло что-то непонятное - великолепный флот потомственных мореходов был разбит, разгромлен наспех построенными галерами северян с неумелыми и необученными командами. Новый Город оставил победителям богатейшие острова Моря, но не оставил планов отмщения.

Вторую войну удалось принести к самому порогу гордого Рима, и надменные латиняне трепетали при одном упоминании имени Ганнибала сына Гамилькара Барки. Великий полководец досыта упился вражьей кровью при Тразиментском озере и при Каннах, и долгие годы римляне боялись встретиться с ним на поле брани лицом к лицу. Но всё меняется; Кар-Хадташт проиграл и эту войну, а гонимый Ганнибал на чужбине вынужден был испить чашу с ядом - только так он смог уйти от беспощадной мести победителей.

Третья война пришла к воротам Нового Города. Да и не война вовсе, а скорее расправа, добивание некогда могучего хищника. Катон Старший каждую свою речь в сенате заканчивал словами "Delenda est Carthago!" - "Карфаген должен быть разрушен!". Он твердил это как заклинание, и римские сенаторы благосклонно кивали в ответ на эти его слова седыми, лысыми и бритыми головами. И армия Сципиона Эмилиана высадилась в Ливии и больше двух лет грызла клыками таранов и катапульт городские стены. Жители и войско Гасдрубала защищались с отчаяньем обречённых, обрушивая на головы атакующих камни и заливая римские "черепахи" - сомкнутые манипулы, укрывшиеся щитами, - кипящей смолой из громадных чанов. Молох и Танит могли быть довольны - столько крови никогда не текло вблизи их святилищ.

Но вот стальные легионы Севера продолбили камень внешних городских укреплений, вонзились в живое тело Кар-Хадташта беспощадными клинками, опустошили предместья - Утику и другие, - выжгли Мегару и загнали уцелевших защитников в Бирсу. День и ночь в стены акрополя мерно бьют тараны, и зубцы башен дробятся в щедро смоченную кровью щебёнку под пущенными из мощных катапульт тяжкими каменными глыбами.

Жрица Танит знает - час судьбы близится. Тишина храма обманчива - она готова смениться лязгом оружия, яростными воплями и предсмертными стонами. Женщина с именем ночной птицы в святилище одна, больше здесь нет никого, все остальные ушли на стены акрополя. Но жрице никто и не нужен - она всё сделает сама. Или не сделает вовсе...

Знания жрецов велики. Корни их теряются во мраке веков и тысячелетий, уходят к мудрости халдеев Вавилона и колдунов Та-Кемт и ещё дальше, к почти утраченным чародейным умениям Посвящённых из той страны, которая сгинула в волнах Внешнего Моря, что за Столпами Мелькарта. Юные Расы выбирают путь, они собирают любые знания по крупицам, и магия для них не пустой звук, каким он сделается для их далёких-далёких потомков, отринувших *необъективное* и уверовавших в строгий язык интегралов и научно доказанных истин.

Пора. Жрица чувствует волну лунного света, легко пронизывающего камень храмовых стен. Танит явилась, она бесстрастно взирает на залитый багровым светом пожарищ город и слушает крики и хрипы умирающих. Сейчас к ней можно обратиться, сейчас - или уже никогда.

Жрица опускается на колени на каменные плиты пола, чёрное одеяние обнимает её тело с головы до пят. Статуя Танит - прекрасная крылатая женщина, в красоте которой сквозит нечто страшное, - в двух шагах от своей жрицы. Глаза Танит закрыты, но это не имеет значения. Богиня услышит - если захочет услышать, и если женщина с именем ночной птицы сумеет сделать свой зов доступным слуху богини ночи...

* * *

Шотландия, II век н.э.

Ночная трава может быть предателем. По густой и мягкой траве в ночной темноте хорошо валяться в обнимку с девушкой своего племени, сбежавшей от бдительного надзора родителей. Тогда эта трава словно нарочно создана для того, чтобы быть любовным ложем. Так сладко втягивать расширенными и трепещущими ноздрями её ароматы, перемешанные с дразнящим, горячим запахом молодого тела подружки. Трава ласкает вас обоих нежными прикосновениями, а если она достаточно высока, то и укрывает от ненужно-любопытных взглядов.

Но вот когда скрадываешь зверя или, как сейчас, подбираешься к сильному врагу, который не спит и внимает шорохам и теням ночи насторожёнными ушами и острыми глазами бдительных часовых, вот тогда трава помеха. Как бы осторожно ты ни передвигался среди её упругих стеблей, как бы по-кошачьи мягко ни ставил ногу, трава рождает шорох. Особенно опасен голос травы, когда ночь безветренна, а в темноте идут сотни и сотни людей - кто-нибудь да и сделает неосторожное движение. И тогда настоящий воин сразу поймёт, что в ночи кто-то есть. А те, кто скрываются за бревенчатым частоколом укрепленного лагеря (они всегда строят такой лагерь, какова бы ни была усталость после тяжёлого дневного перехода), - воины настоящие. Недаром перед их мечами склонился почти весь мир. Весь мир - но только не мы, дети Зелёного острова.

Из-за невысоких лесистых холмов наползает утренний туман, ночь светлеет. Туман - это хорошо, влага смочит травы, и они станут не такими шумными. И ещё: туман не хуже мрака ночи скроет нас от ищущих взглядов дозорных из лагеря. Немного отсыреют тетивы луков, но это не так страшно - воду из них выжмут первые же натяжения тугого оружия. А волглая одежда - можно и потерпеть, не к лицу воину горного клана обращать внимание на такую мелочь

Мы ждём, ждём сигнала и приказа вождей. Частокол близок, рукой подать, а уж достать стрелой или даже брошенным сильной рукой дротиком и подавно. Раньше мы пытались взбираться на брёвна по ремённым петлям, заброшенным на острия, но потом прекратили подобные попытки. Враг слишком опытен и внимателен - смельчаков, карабкающихся на частокол, быстро замечали и беспощадно резали. Сейчас мы попробуем по-другому.

Ночь давно переломилась и движется к утру; нам надо правильно выбрать момент, когда нас самих, затаившихся в густой траве, ещё не видно, а неподвижные фигуры солдат уже прорисовываются над гребнем деревянного вала. Вот тогда их надо быстро и точно снять меткими стрелами, затем вышибить ворота заранее припасённым бревном, топоры в руки - и вперёд, пробивать черепа полусонным. Так придумали вожди, а вот как оно выйдет на самом деле...

Нет, я совсем не сомневаюсь в мудрости старейшин, отведавших вкуса и запаха вражеской крови ещё тогда, когда я не покинул материнского чрева, но всё-таки... Если бы нам противостояли такие же, как мы (только из другого клана, ведь всем известно, что чужак

- это враг), тогда сомнений не было бы (как не было бы, впрочем, и укрепленного лагеря, возникшего на зелени вересковых холмов словно по воле злой магии). Однако солдаты владеющей миром Империи - противник куда более серьезный, это понимаю даже я, для кого этот бой первый, и кто ещё не взял жизнь своего первого врага. Нет, конечно, я умею многое, и лучше многих моих сверстников, - недаром отец учил меня всему, что знает сам, а он один из вождей клана, - но пока мои стрелы укладывали на землю только зверя, а не воина чужого народа. И именно потому, что отец научил меня многому, я знаю, насколько опасны те, за частоколом.

Империя пришла к нам больше ста лет назад. Её одетые в железо воины высадились на берега Зелёного острова с огромных, богато изукрашенных лодок с несколькими рядами длинных вёсел и двинулись в глубь нашей земли. Племена сопротивлялись, они любили войну и умели сражаться, но дрались каждый сам по себе. А строй солдат Империи походил на единое разумное чудовище, укрытое толстой шкурой панцирей и щитов и щетинившееся колючей шерстью копий и мечей. Дракон этот подминал своими тяжёлыми лапами толпы воинов свободных кланов и полз всё дальше и дальше, оставляя за собой в покорённых областях дороги и каменные строения, новые, непривычные нам городища и укрепленные валы с клыками сторожевых башен, пока не дополз до наших предгорий. И вооружены пришельцы были куда лучше - такой бронёй и такими мечами среди нас могли похвастаться только воеводы (как знаком отличия и принадлежности к знати), а у них так снаряжён любой простой боец.

И поэтому войска Империи разметали и потоптали копытами тяжёлой конницы жадные до боя, но беспорядочные скопища племён равнин, и боевые колесницы вождей сделались добычей победителей. Но здесь они остановятся, обязательно остановятся - в наши горы им не войти. Пусть огораживают уже захваченное кольцом оборонительных валов, мы переберёмся и за эти валы, и наши топоры попробуют крови врага. Так возвестили друиды, а всем известно, что они умеют провидеть будущее. Да, друиды... Их знания и могущество велики, но и страшны. Их древняя магия основана на крови, человеческой крови, и когда ветви омелы не удаётся омочить в крови пленников, подойдёт и кровь соплеменника. Если бы не отец...

Но о таком перед боем лучше не думать.

* * *

Центральная Америка, 1519 год

Санта-Мария и святые апостолы! Ну когда же это кончится? Под ногами гнусно чавкает, меж древесными стволами, поросшими мохоподобной мерзкой дрянью, ползёт липкий туман. В чаще истошно вопят какие-то невидимые твари - то ли птицы, то ли обезьяны, то ли вообще исчадия Ада. Оставленные сапогами глубокие вмятины в зелёном мокром ковре тут же заполняет густая бурая жижа, в которой кишмя кишат пиявки и прочая водяная гадость. По кочкам текут-переливаются скользкие узорчатые змеиные тела в руку толщиной, в воздухе натужно гудят мириады мелких крылатых кровососов. Тело под панцирем зудит и чешется так, что хочется содрать с себя вместе с доспехами и саму шкуру. А запах! Тянет удушающей болотной вонью, смрадом болота, которое затопило сто лет нечищенный хлев!

Аркебузы и фальконеты отсырели, так что если кому взбредёт в голову пустить в нас из-за лиан отравленную стрелу, нам и ответить-то нечем. Да и не видно в зарослях ничего. Трясинные провалы хуже волчьих ям, солдата в полном вооружении вмиг затягивает с головой, стоит только шагнуть в сторону с узкой тропы. И кричать - если успеешь - бесполезно: пока соседи разберут, что стряслось, да пока разглядают несчастного, да пока сумеют придти на помощь... А этим смуглокожим дикарям (назвать их людьми есть оскорбление Божьего промысла!) всё нипочем. Почти голые, они шагают себе через

джунгли, как по ровному, как будто нет здесь ни змей, ни москитов, ни острых шипов-колючек.

Солнцу не под силу пробиться через сплошную кровлю широких листьев, оно не проникало сюда, надо думать, с Сотворения мира. То, что сейчас день, а не ночь, можно определить только по тому, что кое-что вокруг глаза всё-таки различают, да ещё жарко, жарко и влажно. Сагајо! Нет, это не место для доброго христианина! Дрова в этой мокрой преисподней горят плохо, на привалах толком не обсушиться, а расчёсы от укусов насекомых быстро превращаются в кровоточащие язвы.

Всадникам легче - их несут кони, хотя самим лошадям тоже несладко. Но Эрнандо молодец, он держится уверенно, уверенность сквозит в каждом его движении, и это помогает нам переносить все тяготы пути, который уже начинает казаться бесконечным. Его девчонка (вот что значит намётанный глаз истинного идадьго - заметил и разглядел под уродливой туземной одеждой настоящую красавицу, способную украсить собой избранное общество в любом из кастильских замков, даже при дворе его королевского величества) оказалась сущей находкой. После того, как её отмыли, приодели, и наш святой отец нарёк её Мариной (взамен прежнего дикарского имени, которое и не выговоришь), она не отходит от Кортеса ни на шаг, словно сделалась его второй тенью. Она умна, сообразительна (даже странно для нехристианской души), многое знает о той дикой стране, по которой мы идём. И красива, чертовски красива - Эрнандо можно позавидовать. Ничего, с помощью господней доберёмся до цели нашего пути, а там я добуду себе такую же, или нет, лучше двух. Думаю, это не будет слишком уж тяжким грехом. И золото, золото, золото - ради этого стоит терпеть!

Конечно, если бы не Марина и туземцы-проводники, нам нечего было бы и думать пускаться в путь через джунгли. Сначала многие боялись, что индейцы заведут нас куда-нибудь не туда, откуда нет дороги назад, и где гнить нашим костям до Судного дня, однако нет, обошлось. Дикари ведут нас правильно и при этом подобострастно кланяются Кортесу и бормочут что-то о детях их отвратительных языческих богов, которые наконец-то вернулись. Что всё это значит, удалось выяснить через Марину: оказывается, у дикарей бытует легенда или предание о рослых белокожих и бородатых богах (или что-то в этом роде), давным-давно ушедших на восход солнца, но обещавших непременно возвратиться. И возвратились - мы. Именно поэтому туземцы в том самом первом попавшемся на нашем пути прибрежном городе не стали хвататься за копья и усаженные обсидиановыми осколками дубины, а совсем даже наоборот - принесли нам и хлеб, и мясо, и диковинные плоды. И вообще - перешёптывались между собой боязливо, и бросали на нас благоговейные и исполненные почитания и суеверного страха взгляды, и выглядели готовыми исполнить любое наше желание.

Вот там-то мы и нашли первое в этой стране золото. Точнее, его и искать не надо было - дикари принесли драгоценный металл сами, в слитках и в виде всевозможных изделий и утвари. У многих тогда загорелись глаза, и слова Эрнандо о том, что мы пойдём дальше, к сердцу страны, перед которым первый увиденный нами город индейцев не более чем захолустная деревенька перед великолепием Мадрида, мы встретили с полным пониманием и согласием. Разве настоящий испанский идадьго откажется от приключения, которое сулит ему золото, много золота? Да и нести погрязшим в язычестве туземцам свет истинной веры есть дело богоугодное - в том и состоит первейший долг верного сына матери нашей святой католической церкви. Ведь именно так шли когда-то предки наши против неверных сарацин крестовыми походами освобождать гроб Господень. А для упорствующих в ереси заблудших душ - тут Сааведра прав - добрая кастильская сталь и очистительное пламя костра лучшее средство. Господь наш милосерд, только язычники не всегда это понимают - вот и приходится объяснять им подходчивее...

Идти тяжело, но никто не ропщет. В конце концов, перспектива разбогатеть куда лучше беспросветного нищенского существования в обшарпанном отцовском замке, который давно уже утратил былое величие времён Реконкисты, или службы в королевской армии за пару песо с очень высокой вероятностью сложить голову в каше европейских войн - дома нет, да

никогда и не было сколько-нибудь долгого и прочного мира. Я не против войны, но сражаться без выгоды неинтересно. А здесь - здесь хоть знаешь, за что рискуешь (особенно после того, как видел местное золото собственными глазами)! И если уж угодит в лицо камень из пращи или стрела с кремнёвым наконечником, так на всё воля Всевышнего. Пока же Провидение к нам благосклонно, и остаётся надеяться, что так будет и дальше. Вот только скорее бы кончился этот проклятый лес...

* * *

Армия сынов Ромула по праву считалась лучшей армией Древнего Мира. Впитавшая в себя боевой опыт множества народов, спаянная жёсткой дисциплиной, имевшая наиболее совершенное для своего времени наступательное оружие и оборонительное снаряжение, именно она сделала город на Тибре столицей всей Ойкумены. Солдаты Рима были обучены сражаться где угодно: в чистом поле, в сомкнутом и в рассыпном строю, на стенах и под стенами крепостей, на улицах городов и на качающихся палубах галер, в лесных дебрях и в теснинах горных ущелий. Против легионеров не выстояли ни сплочённые шеренги македонской фаланги, щетинившейся длинными сариссами; ни нестройные толпы варваров, сильных только лишь своей отвагой; ни опытные в военном деле наёмники городов-государств на островах и побережье Моря. Любой народ владел, как правило, какой-то одной привычной для него тактикой - тактика легионов была разнообразной и соответствующей конкретным условиям сражения. И латиняне сумели первыми в кровавой истории войн создать пехоту, имеющую оружие и ближнего, и дальнего боя.

Сближаясь с противником на расстояние нескольких десятков шагов, солдаты по команде центурионов дружно метали в неприятеля град *пилумов* - копий с гранёными наконечниками из плохо прокованного железа. Большая часть копий вонзалась в щиты, наконечник гнулся, и древко копья волочилось по земле. Извлечь вражеское оружие времени уже не оставалось, - легионеры переходили с шага на бег и кидались в атаку, - а прикрываться щитом, в котором застряла двухметровая жердь, не слишком-то сподручно. Оставался единственный выход - бросить щит, резко повышая тем самым свою собственную уязвимость. А мечи легионеров - *гладиусы*, с длиной лезвия в локоть, - являлись идеальным инструментом для того, чтобы рубить, колоть и резать в душной тесноте рукопашной схватки.

Стяжавшая славу непобедимой, армия Рима шла от триумфа к триумфу, быстро забывая горечь временных поражений (но не забывая извлечь из них уроки). Остановить победное шествие легионов смогли только подвижные лёгкие конные стрелки-парфяне, уклонявшиеся в песках от боя грудь в грудь и засыпавшие медлительную пехоту Красса ливнем страшных, пробивающих доспехи стрел. После разгрома знаменитый римлянин наконец-то утолил сжигавшую его всю жизнь жажду богатства: отрубленную голову полководца победителя бросили в чан с расплавленным золотом - пей! Но до этого ещё далеко...

А сейчас, увенчав штурмом почти трёхлетнюю осаду, легионы идут по горящим улицам Кар-Хадташта, ступая по лужам крови и оставляя на камнях кровавые следы грубых солдатских калиг. Отчаянное и безнадёжное сопротивление жителей города уже ничего не решает: ну выиграют ещё час, ну ещё день перед тем, как умереть или надеть ошейник раба. Да и трудно неумелым и слабым женщинам и немощным старикам с палками и камнями сопротивляться панцирям и мечам вышколенной тяжёлой пехоты латинян.

Некогда великий город пожирает пламя пожаров. Огню всё равно, что станет для него пищей: роскошный дом аристократа или лачуга бедняка - горят они одинаково весело. Рушатся стены, укрывавшие от дождя, ветра и зноя; рассыпаются золой столы, за которыми ели; превращаются в пепел ложа, на которых спали, любили и рожали детей. Улетают в небо чёрным дымом надежды и чаяния, несбывшиеся мечты и неосуществлённые желания. Город

горит...

Зависть к накопленному Кар-Хадташтом богатству, к его силе и влиянию; страх, проникший в души сынов Лациума после разгрома при Каннах, когда дорога на Рим была открытой для нумидийской конницы Ганнибала; стремление завладеть чужим достоянием - всё это слилось и переплавилось в горниле властолюбия в обжигающую ненависть. И теперь ненависть эта выплеснулась наружу и потекла на гибнущий город.

Укрепления Бирсы ещё держатся, но долго ли они простоят? Хорошо ещё, что акрополь выстроен на холме (знала Элисса, какое место обвести ремнём из бычьей шкуры): тараны установить почти негде, осадные башни не придвинуть, да и катапультам труднее швырять тяжёлые камни высоко вверх. Но осаждающие упорны, они лезут на стены по приставным лестницам навстречу копьям и топорам защитников.

У обороняющихся кончается камень, они сбрасывают на головы врагов статуи и куски мраморных колонн, всё, что может, упав с высоты, размозжить и смять хрупкую человеческую плоть. А внизу павших сменяют другие, и снова багровые в свете пожарниц мускулистые тела оттягивают лапы метательных машин и раскачивают подвешенные на цепях громадные брёвна таранов.

За стенами акрополя удалось укрыться немногим - слишком мало места, да и времени не хватило. Большинство детей Кар-Хадташта остались вне спасительного - до поры до времени - каменного кольца. И сейчас, когда волна нападающих уже затопила город, почти все они или погибли, или доживают последние минуты, или бредут в невольничьих толпах к кораблям победителей, подгоняемые безжалостными ударами бичей.

Сражение не затихает ни днём, ни ночью. Когорты римлян сменяют друг друга в привычной кровавой работе, давая возможность уставшим передохнуть и перевязать раны. Богу Солнца Мелькарту надоедает за день смотреть на то, что творится на земле, в его городе, и он отправляется на ночлег до следующего утра. И тогда на тёмном небе проявляется лик Танит.

Полнолуние - богиня ночи обретает полную силу. И её жрица, женщина с именем ночной птицы, хорошо знает это. Именно сегодня она сможет вознести свою обращённую к Владычице запредельную молитву, и именно сегодня мольба эта может быть услышана. Сегодня - или уже никогда.

* * *

Да, жрецы-друиды... Хранители знаний и мудрости веков и тысячелетий, ревнители законов и заботливые воспитатели души народа... Лекари и учителя, поэты и звездочёты, толкователи и прорицатели... Очень трудно, почти невозможно определить, что же весомее на совете кланов: лязгающее боевым железом слово военного вождя или скользкая, словно ядовитая змея (и слишком часто столь же смертоносная), речь верховной жрицы - той, кого зовут Женщиной-Без-Возраста.

...Этот запах я помню с детства. Конечно, детям не место на совете, но никакие запреты старших не могут помешать подросткам прятаться в зарослях под пологом укрывающей темноты за спинами взрослых, собравшихся в круг и внимающих. Далеко, но кое-что всё-таки можно разглядеть посверкивающими глазами и подслушать по-звериному чуткими ушами. А запах - кислый запах мокрой шерсти и меха шкур, в которые одеты воины, перемешанный с металлическим привкусом оружия, - струйками ползёт по земле, путаясь в густых травах. И вязкий дух *Волибы* ...

Моя мать - я помню её, хоть и был совсем мал, когда она ушла к предкам, - была и осталась для меня идеалом женской красоты. Высокая, стройная, светловолосая, с дивными глазами цвета первой весенней листвы... Мое мнение о ней как о самом совершенстве ничуть не изменилось даже тогда, когда я повзрослел и стал смотреть на девушек глазами мужчины. Мать была красивее их всех. И ещё она умела колдовать.

Она предсказывала погоду и урожай, владела даром исцеления, ведала тайны рун и законы бега звёзд. Но самое главное - она знала, на что способны Великие Артефакты: меч Калибурн, кубок Брана, кольцо Гортигерна, волшебная палочка Маса, арфа Кераунноса, доски жизни Гвендолаи, камень Фала, чаша клерика, посох времен года, зеркало Атму, копье Лугха, котел Керидвен, плащ Падаэна. Ей было известно даже, что предметы эти не были созданы людьми Зелёного Острова, но достались им в наследство от мудрецов Сгинувших, народа, чья земля утонула в волнах Западного Моря, не выстояв перед гневом богов.

Великое знание опасно само по себе, а если к этому добавить человеческую зависть к владеющему этим Знанием, злобу и жадность, - и жажду власти, - то опасность эта возрастает вдвойне. По праву матери надлежало бы занять достойнейшее место в кругу носящих небесно-голубые или белые одежды бейрдов или собственно друидов, или даже владеть скипетром и дубовым венком и облачиться в златотканое одеяние *Bard ynys Pryadian*, но Женщина-Без-Возраста (говорили, - шёпотом! - что она познала страсть самого Херна, бога-покровителя леса и охоты, разделив с ним любовное ложе), возвысившись от серпа и рога изобилия до яйца змеи и ветви омелы, победила. И мать похоронили в зелёном платье овиддов¹.

...Мать заболела и умерла, когда я встретил всего лишь шестую весну. Но отец был уверен, что она стала жертвой злой магии (или попросту была отравлена), однако доказать этого не смог. Он верил - нет, не *верил*, а *знал*! - в переселение душ и в бессмертие Души, но не мог надеяться снова встретить свою Настоящую Женщину в этой жизни. Воин и вождь воинов, он хранил внешнюю бесстрастность, но под этой ледяной бронёй бушевало пламя. И свои планы мести отец связывал именно со мной. Вот только, похоже, Женщина-Без-Возраста догадывалась об этом - или даже больше, чем просто догадывалась...

Перед всякой большой битвой - а тем более перед битвой с *таким* врагом - положено вопрошать волю богов. А чтобы боги благосклоннее отнеслись к вопрошающим, их надо умиловить жертвоприношениями. Дети лесов, лугов и предгорий обычно приносят в жертву богам и духам природы цветы и плоды растений, реже животных, но перед кровавым пиршеством боя боги алчут человеческой крови.

Ритуал отработан веками - жертвам или перерезают горло серпом, или умерщвляют их стрелами, или сажают на кол, или связанных сжигают внутри больших чучел из веток и тонких древесных стволов. Для жертвоприношений предназначают преступников или пленённых воинов из чужого рода, но иногда, перед судьбоносными сражениями, в жертву приносят лучшего воина или красивейшую девушку из числа соплеменников. Верховная друидесса взрезает золотым серпом грудь обречённого и дарит его сердце Солнцу. Кровь жертвы - это плата племени за победу, которую боги даруют ему в грядущей битве, это выкуп за право и дальше жить на этой земле.

Мать говорила, - я очень хорошо помню это, - что кровавые жертвы несовместимы с Истинной Магией Жизни, что обычай этот привнесён извне Мировым Злом, что кровь жертв рано или поздно падёт на головы заблудших и приведёт к гибели всех друидов и к угасанию трепетного пламени магических знаний, которые они унаследовали. Её слышали и слушали, - её уважали, женщин наш народ вообще почитает как дарующих жизнь и хранящих очаг, тем более женщин мудрых, - но слушали по-разному. Та, чьё имя я не хочу произносить, Женщина-Без-Возраста, прямо обвинила мать в том, что она пренебрегает волей богов и древними обычаями, а это неизбежно погубит весь наш род. Дело дошло до суда, но мать сумела доказать, что она вовсе не желала и не желает зла своему племени, а подчинить себе

¹ Овидд, или оваты, - первая ступень в иерархии друидов, бейрды (барды) - вторая ступень. Высшие друиды - интеллектуальная элита - носили белую одежду, а глава ордена - *Bard ynys Pryadian* - владел скипетром и дубовым венком, символами власти. В цветовой гамме друидов, древнейшего магического сообщества Мира Третьей планеты, наследников мудрецов Погибшего Острова, сочетались цвета Дарителей и Хранителей Жизни - зелёный и голубой, и белый цвет - цвет свободной мудрости. Символами низших ступеней посвящения служили серп и рог изобилия, высших - яйцо змеи и ветвь омелы.

её сознание верховная друидесса не смогла - мать не уступала ей в магии. В тот раз Женщина-Без-Возраста отступила, но не признала своё поражение и ничего не забыла.

...Весенние состязания среди молодых воинов племени, встречавших своё первое лето как полноправные мужчины, всегда один из самых больших праздников наряду с праздником урожая и месяцем свадеб. Я победил, я был невероятно горд, ощущая на себе завистливые взгляды юношей и восхищённые взгляды девушек. Я так гордился собой, что меня даже не смутил огонёк тревоги в глазах отца, огонёк, заметный даже под его густыми выцветшими бровями. Отец всё понял сразу.

Гроза разразилась над моей головой после совета вождей кланов, на котором было решено объединить все наши топоры. Женщина-Без-Возраста молчала, пока предводители воинов обсуждали военные подробности предстоящего совместного удара по врагу, но когда вожди пришли наконец к согласию и уже потребовали было пива, она вдруг встала и подняла руку. Она имела на это право.

– Слушайте меня, воины народа холмов и лесов! Враг, стоящий перед вами, силён и очень опасен. Я не сомневаюсь в силе ваших рук, в остроте копий и в меткости ваших стрел, в храбрости ваших сердец. Но солдаты Империи испили слишком много крови нашего народа, и эта кровь укрепила их. Одолеть магию этой пролитой крови может только другая кровь - кровь нашего рода, отданная богам нами же самими. Боги примут эту жертву и даруют нам победу. Я изрекла волю богов!

Стало так тихо, что было слышно, как потрескивают сучья в костре, как шелестит под слабым ночным ветерком листва священного дуба, как разрезают воздух мягкие крылья ночных птиц. Стало так тихо, что, казалось, слышен звук лунного луча, падающего с тёмного неба. На памяти всех без исключения присутствующих не бывало ещё требования Большой Жертвы, хотя об обычае этом, конечно же, знали. Я почувствовал, как по спине пополз липкий холод, ибо понял, *кто же именно* будет принесён в жертву, но тут тишину взмахом клинка разрезал голос отца.

– Вожди кланов, братья! Слово вождя и воина нашего народа крепче железа и камня. Ему верят не только люди, но и духи, и боги! Здесь и сейчас, перед этим священным огнём, под ветвями Отца Нашего Дерева с венками омелы на них, я даю клятву, что за победу в завтрашнем бою я принесу в жертву сердце предводителя врагов или же - если не смогу сделать этого - отдам своё собственное. А в знак готовности отдать свою кровь...

Меч с шорохом покинул ножны, отец вытянул над огнём костра ладонь и полоснул по ней остро отточенным для битвы лезвием. Густые капли горячей алой крови сорвались одна за другой с его запястья и с шипением исчезли в пламени. На какой-то краткий миг пламя изменило цвет. Боги приняли клятву.

Женщина-Без-Возраста метнула на отца взгляд змеи, из-под самых клыков которой выскользнула добыча. Отец выдержал этот взгляд, не моргнув, - недаром он столько лет делил кров и ложе с колдуньей, - только на скулах его вздулись тугие желваки. Верховная друидесса опустила глаза. Она умела смиряться с неудачами, - временно - но никогда не отступала окончательно от своих намерений. И она ничего не прощала...

Тишина отпрянула под кроны деревьев вспугнутым зверем. Запенилось в чашах и кубках пиво, зазвучал смех и хриплые голоса рогов и волюнок. А я сидел и слушал, как колотится моё сердце, силясь проломить тесную клетку рёбер, только сейчас осознавая в полной мере, от края какой пропасти оттащил меня отец.

* * *

Оас

Вот это город! Конечно, он совсем не похож на города Кастилии (а мне довелось повидать и Толедо, и Севилью, и портовый Палос, и даже Мадрид), но если говорить хотя бы о размерах, то... Да и не в размерах дело. Город стоит на озере - туземцы называют это озеро

Тескоко, - на острове, точнее, на многих островах, соединённых между собой и с берегами озера дамбами. Причём часть из этих островов искусственные, сооружённые из донного ила, который обитатели города на озере терпеливо, долгие годы, черпали из воды. Корни растений переплели и скрепили эти острова, образовав надёжную опору домам.

Самый большой остров - центр города - пересечён каналами, через которые перекинuty мосты. Мосты эти легко снять, и тогда каждый квартал превратится в крепость внутри крепости, тем более что дома здесь каменные (правда, крыши тростниковые или соломенные, так что гореть будут). Но всё равно, брать этот огромный город приступом - дело ох как непростое, да и жителей в нём - как муравьёв в муравейнике. Понятное дело, наши мечи куда лучше их дубин, и лукам со стрелами далеко до пушек, но вот хватит ли у нас пороха и пуль перебить всех индейцев... Уж больно их здесь много - прямо оторопь берёт. Сцепишь пальцы на рукояти шпаги, вроде как спокойнее делается...

Но штурмовать Теночтитлан нам не пришлось. Мы вошли в него, как почётные гости императора Монтесумы - так зовут правителя ацтеков (сами же они называют себя теночки - отсюда и название столицы). Вошли по главной дамбе (она сложена из больших камней, прочно скреплённых цементом, и так широка, что по ней могут проехать рядом - стремя в стремя - десять всадников в полном вооружении), с юга, в строгом походном порядке: впереди кавалеристы с самим Кортесом во главе, затем три с половиной сотни испанских пеших солдат. Потом носильщики несли пушки, боеприпасы и другие грузы. Замыкали колонну несколько тысяч тлашкаланских воинов. Ацтеков они ненавидят люто, и Эрнандо прозорливо поступил, сделав из тлашкаланцев своих верных союзников. Эти дикари хорошо дерутся (это мы испытали на собственной шкуре), они в несколько раз увеличили численность нашего войска, и их не жалко бросать на самые опасные участки битвы. Чего жалеть язычников, поклоняющихся каменным идолам, пьющим человеческую кровь, - пусть бьют друг друга!

...Чертовски приятно чувствовать себя сыном бога (пусть даже какого-то там Кецалькоатля!). За деревянным подъёмным мостом, у городских ворот с башнями нас встретил сам Монтесума - невиданная честь для горстки дерзких пришельцев! Местный король прибыл на паланкине - владыке не пристало ходить пешком, словно простому смертному. Он и на землю-то не ступал, не касался подошвами своих золотых сандалий грешной тверди. Перед ним сановники торопливо расстилали драгоценные ткани, и главный вождь идолопоклонников неспешно шествовал по этим тканям.

Ему, совсем нестарому ещё человеку в роскошном плаще и в причудливом головном уборе из зелёных птичьих перьев с золотыми украшениями, беспрекословно повинуются громадная страна с миллионами и миллионами жителей. Теночки покорили множество соседних племён, те платят им дань и дают воинов. Если бы десятки (если не сотни!) тысяч индейцев навалились бы на нас где-нибудь на равнине (где такой несметной массе людей можно развернуться, окружить врага и напасть со всех сторон), ещё на дальних подступах к столице, мы бы и часа не продержались. Не помогли бы ни кони, ни латы, ни аркебузы! Задавили бы толпой и разорвали бы на части голыми руками - ацтеки храбры, и умирать в бою умеют бестрепетно...

Монтесума предоставил нам громадный (в нём без труда разместились все семь тысяч человек нашей экспедиции) дворец своего покойного отца Ахаякатля. И даже не дворец, а множество одноэтажных каменных строений (лишь в центре расположено двухэтажное), обнесённых сплошной толстой стеной с массивными башнями. Это обстоятельство весьма обрадовало Эрнандо! Нас ждали столы, уставленные разнообразными яствами и напитками, но Кортес сначала расставил фальконеты и часовых (пригрозив, что за самовольную отлучку с поста повесит собственноручно), а уж потом разрешил начать пиршество. И спали мы так, как давно уже не спали (а некоторым и вовсе не доводилось) - на мягких матрацах, на пуховых подушках, под лёгкими, но тёплыми одеялами...

Нам разрешено всё - ну, или почти всё. Нам постоянно и в изобилии поставляют еду, нам дают людей для выполнения любых работ. Например, с помощью местных лесорубов и

плотников мы в течение нескольких недель выстроили две бригадины для плавания по озеру (правда, это случилось позже, когда Кортес умудрился сделать Монтесуму своим добровольным пленником и начал от его имени фактически править всей страной). Император ацтеков принимает нас в своём дворце и устраивает в нашу честь роскошные пиры - я впервые в жизни попробовал шоколадный напиток (в Европе его ещё не знают). Монтесума одаривает нас богатыми подарками, да ещё какими - золотом!

И всё же местные жители есть исчадия адовы! Они приносят в жертву своим дьявольским богам человеческие сердца, которые вырезаются прямо из живой груди пленников. Их жрецы, худые, бритоголовые, с отрешёнными лицами, похожие в своих чёрных одеяниях на громадных здешних птиц-падальщиков, весьма поднаторели в этом сатанинском умении. И ещё у них в ходу обычай, явно заимствованный у обитателей преисподней: они вдыхают дым и выпускают его потом изо рта и ноздрей! Я видел своими собственными глазами, как после обильной трапезы Монтесуме подносили резную деревянную трубку, набитую какими-то сухими листьями. Листья поджигали, и король дикарей глотал дым с видимым удовольствием. Выдыхаемый дым расплзается причудливыми кольцами и змеями, и мне поначалу показалось даже, что дым этот пахнет серой. Хотя на самом деле запах его приятен...

Зато индейские женщины куда как хороши: со смуглой кожей, с загадочно поблескивающими тёмными глазами и с ниспадающими на плечи (по местной моде) густыми чёрными волосами. И они очень чистоплотны - ежедневно купаются! У нас дома далеко не каждая знатная сеньора к такому приучена. Помнится мне, её королевское величество Изабелла (да простятся мне не слишком верноподданнические мысли, не очень приличествующие истинному идалго!) около тридцати лет назад, во время осады Гранады, вообще не мылась и не меняла сорочки, пока испанские войска не взяли эту последнюю твердыню мавров на нашей исконной земле и не завершили Реконкисту. А эти дикарки похожи на цветы, которые так приятно мять грубыми руками, привыкшими держать меч. И я не отказываю себе в этом удовольствии...

* * *

Жрица с именем ночной птицы медленно закрыла глаза. Теперь её не отличить от статуи Владычицы Ночи: такая же отрешённость, точно так же спадают скрывающие фигуру тяжёлые складки темного одеяния, те же длинные волосы (во мраке, затопившем храм, каменные пряди выглядят точь-в-точь как живые), то же неподвижное прекрасное - и страшное в своей красоте - лицо...

Сознание и память жрицы распахнуты - это часть ритуала, - и медленно всплывают перед мысленным взором причудливые видения, следы реально случившегося когда-то...

...Холмистая местность, граница песков пустыни и предгорий. Слепящий свет жгучего солнца - песок кажется расплавленным. Дрожит над барханами пелена зыбкого марева, размывая их жёлтые контуры, и скользит-струится по склону живой металлической лентой пружинистое змеиное тело.

Девочка в рваной накидке неопределённого цвета сидит на корточках на склоне песчаного холма (на коленки опуститься нельзя, песок сожжёт кожу) и внимательно следит за змеей. Не надо бы ребёнку отходить далеко от селения на берегу Моря, опасности стерегут на каждом шагу, хотя вокруг, насколько можно разглядеть, не видно никого и ничего. Но любопытство, даже нечто большее, чем простое любопытство, влечёт дочь людского племени с непреодолимой силой.

Змея поднимает голову, и взгляд её желтых немигающих глаз встречается с взглядом серых глаз девочки. Змея удивлена - человеческое дитя не боится. Хотя кто может прочесть мысли, ползущие в покрытой чешуёй узкой голове...

Секунды растягиваются до пределов вечности, когда две пары глаз - человеческих и

змеиных - встречаются и смотрят, смотрят друг на друга...

Песок скрадывает звук, и поэтому фигуры четырёх всадников возникают на гребне бархана бесшумно, подобно ночным призракам. И слишком поздно девочка замечает их...

Она взмётывается испуганным зверьком, кубарем скатывается вниз и бежит - только песок разлетается под быстрыми и тонким, но крепкими её ногами. Однако свистящая петля волосяного аркана оказывается быстрее...

Грязная тряпка во рту, и режет запястья грубая верёвка, и очень неудобно висеть вниз головой поперёк лошадиного хребта. Частые и злые слёзы каплют на горячий песок, и тут, словно в ответ на эту боль и обиду, над пустыней виснет хриплый крик, полный смертной муки...

И девочка видит (не глазами, нет), что произошло. Разбойник - тот, который забросил трепыхающуюся живую добычу на пропахший конским потом чепрак, не заметил змеи. Наверно, он наступил на неё - ведь змеи не нападают на человека. Да, конечно, он не заметил ползучую смерть и случайно поставил ногу не туда, куда следовало. И змея - наверно, она чисто случайно ударила его сзади под колено. Придись удар чуть выше, в край грубоотканой одежды, гадина не дотянулась бы до тела, а чуть ниже её зубы встретили бы прочную кожу сапога. Но две кривые ядовитые иглы с убийственной точностью вошли в мягкую плоть в самом уязвимом месте...

И девочка видит, как на губах катающегося по песку человека выступает пузырящаяся зеленоватая пена, как он выгибается дугой и застывает неподвижно. Видит она и страх, проступивший на лицах медленно пятящихся к своим лошадям кочевников. А змеи - змеи не видно, словно тварь зарылась в песок. Что ж, змеи умеют зарываться в песок...

И это был тот самый первый раз, когда девочка видела *не глазами* и почувствовала дыхание и присутствие *Неведомого* ...

Шатры среди финиковых пальм, люди, верблюды, лошади, ослы... Толстый человек в узорчатом халате с широким матерчатым поясом, за который заткнут изогнутый бронзовый кинжал. У него злые глаза привыкшего отдавать приказы. Девочка не знает языка племени песчаных дикарей, но она понимает, чего хочет этот человек: затащить её в свой шатёр, повалить на ворох ковров и грубо овладеть ею. В груди она чувствует жжение, словно там, возле сердца, разгорается маленький, но жгучий костёр. И ещё чувство гадливости и бессилия...

Другой человек, в длинной одежде, с пронзительными горящими глазами на высохшем костистом лице... Он прерывает того, с кинжалом, прерывает резко и властно, словно имеет на это право. Предводитель разбойников не уступает, в его гортанном голосе прорезаются визгливые нотки, но тут он встречается взглядом с глазами маленькой исцарапанной пленницы в рваной накидке и замолкает, словно проглотив язык, - потому что глазами девочки на него смотрит сама *Смерть*. Потом девочка узнает, что всего через два восхода солнца на этот лагерь нападут соседи из другого разбойничьего рода, - шакалы дерутся даже из-за обглоданных костей, - и первая же прилетевшая с вершины вон того холма стрела найдёт жирное горло вожака песчаных рабителей...

А сейчас она покорно следует за взявшим её за руку худым и высоким человеком, подчиняется, потому что чувствует *Силу* этого старика. Через много лет она узнает, что служитель Бога не ведал жалости, он всего лишь выполнял свой Долг. Слуги Бога, простёршего свою охраняющую длань над Отцом Городов Тиром, искали Отмеченных Печатью среди всех окрестных народов, и жрецу было важно, чтобы девочка пришла в храм Владычицы Ночи девственницей...

Подземелье, блики факелов пляшут на каменных стенах, вырезая на них причудливые тени... Тягучая завораживающая музыка, и плывут в такт этой музыке стройные и гибкие обнажённые тела девушек, окрашенные отсветом пламени в цвет горячей бронзы... И она среди них, среди танцующих Танец Посвящения, а за границей очерченного трепещущим багровым светом круга качаются, повторяя движения танцовщиц, чёрные змеиные головы на уходящих во тьму длинных телах. Музыка убыстряется, в неё вплетаются ритмичные голоса

бубна и маленького барабана, бронзовокожие фигуры изгибаются и кружатся всё быстрее и быстрее; и подползают из темноты змеи, и приподнимаются на хвостах, словно вырастая из каменных плит пола...

Короткий вскрик, и тут же следом за ним другой. Две девушки заступили за край светового круга, вошли во тьму, и беспощадные ядовитые зубы тут же отыскивали их ничем не защищённые тела...

Резкий голос медного гонга обрывает музыку. Будущие жрицы богини Танит - нет, уже ставшие ими, - застывают в причудливых позах. Пламя факелов разом вспыхивает ярко-ярко, граница света стремительно наступает, освещённый круг ширится, и змеи торопливо уползают во тьму...

Несколько тёмных фигур в плащах и с закрытыми лицами уносят тела непрошедших таинство. А затем пламя разгорается ещё ярче, и в круг багрового света вступает жрец, изрекающий волю богов. Он медленно поднимает вверх руки, одновременно разводя их в стороны. И за спиной жреца проступает из мрака фигура Владычицы Ночи. Глаза богини закрыты, но все в подземелье ощущают Её взгляд. Чувствует этот взгляд и она, ставшая Её жрицей, отдавшей Танит всю себя и вкусившей Её силы. Нет больше девочки, похищенной из маленького селения на берегу Моря, а есть служительница Богини, женщина с именем ночной птицы...

И разгорается возле сердца маленький, но жгучий костёр...

И это был второй раз, когда она *видела* .

Скрипят вёсла, и плещет за деревянным бортом гаулы вода Моря. Корабль держит путь в Кар-Хадташт, и жрица Танит плывёт на этом корабле. Такова воля Владычицы: отныне место жрицы там, в Новом Городе, сыне Тира.

Сияющий Мелькарт поднялся над горизонтом; и высветились башни и стены Кар-Хадташта, и берег, и гавань, забитая кораблями. Жрица стояла на носовой палубе и смотрела на город, которому волей Танит назначено быть ей домом. Жрице не было никакого дела до мыслей других людей на борту гаулы. Впрочем, она хорошо знала, что в этих мыслях нет ни капли непозволительного, а есть только лишь боязливое почитание той, которая является служительницей Богини Ночи. Никто не посмел бы взглянуть на женщину с именем ночной птицы как на *просто* женщину. Танит, женская ипостась Ваала-Молоха, не потерпит такого святотатства, гнев её будет ужасен и настигнет дерзкого в любом месте Ойкумены и даже за её пределами...

Жрица убивала. Сама она не считала это убийством, она просто выполняла волю Владычицы и приносила ей то, что требовала богиня - дымящиеся человеческие сердца, вырезанные кривым жертвенным ножом из груди подаренных Танит. Жрица не запоминала лиц гибнущих на тофете - ей это было безразлично. Танит должна пить горячую кровь, тогда Её сила не оскудеет; и не иссякнет плодородие жён Кар-Хадташта; и на смену одной принесённой в жертву девочке родится десять других.

Но приходили сны, и в этих снах женщина с именем ночной птицы была другой. Не было кровавого алтаря, не кричали в страхе убиваемые на этом алтаре, не капала алая кровь с потемневшего бронзового лезвия. Наоборот, под руками женщины из камня прорастали цветы, птицы безбоязненно садились на ладонь, и пушистые зверьки тыкались ей в ноги и смотрели на неё доверчивыми круглыми глазами. И цвет одежды был другим: чёрные тона ночи сменялись то изумрудной зеленью юной листвы, то голубизной весеннего неба...

Женщина просыпалась в страхе, падала на колени перед статуей Танит и взывала о прощении, обращаясь к холодному лунному лику, медленно и безмолвно плывущему по ночному небу...

Жрица великолепно умела управлять своими мыслями и чувствами. Она хранила верность и преданность Танит и знала - Владычица Тьмы рано или поздно вознаградит её за это. Она не спрашивала себя, откуда взялось это знание, просто ей было известно, что это именно так. Вот и сейчас, в напряжённой темноте пустого и гулкого храма в осаждённой Бирсе, она была уверена в том, что богиня услышит её; и что-то должно произойти...

До слуха жрицы докатился отзвук далёкого глухого удара, и каменный пол под её коленями ощутимо дрогнул. Женщина с именем ночной птицы *увидела* : огромный кусок стены, подточенный жалами таранов, медленно и грузно осел, разваливаясь в клубах пыли. Крики людей заглушил яростный лязг оружия - враг ворвался в акрополь, в сердце Кар-Хадташта.

Жрица вздрогнула, но тут же взяла себя в руки и с нарастающей радостью ощутила внутри себя, у сердца, разгоравшееся пламя маленького, но жгучего костра. Горячая волна стремительно затопляла всё её существо, жрица распростёрлась на плитах храма перед статуей богини, беззвучно повторяя:

– *Танит, Танит, Владычица Сущего! Я слышу тебя...*

* * *

Отец молчит, но я чувствую, что он хочет сказать мне что-то очень важное. Мы сидим в стороне, у мощного ствола огромного дуба, достаточно далеко от костров, вокруг которых всё ещё поют и пляшут, несмотря на глубокую ночь. Густые заросли надёжно укрывают нас от посторонних взглядов (если кому-то вдруг взбредёт в голову подглядывать), а шорох ветвей приглушит негромкие слова, которые будут сказаны. И отец начинает говорить - медленно, взвешивая каждую фразу.

– Я знаю, тебя интересует, почему я так поступил, сын?

– Да, отец.

– Я вовсе не обижу тебя, если скажу, что для вождя клана из народа лесов и вересковых холмов благо его клана - и всего племени - гораздо важнее судьбы его сына, пусть даже единственного и рождённого единственной его Настоящей Женщиной. Я уверен, что ты правильно поймёшь меня, сын.

– Я пойму тебя правильно, отец.

– Мы жили с твоей матерью долго и счастливо, хотя... - голос отца при этих словах почти неуловимо дрогнул, -...мне хотелось бы прожить с ней всю эту жизнь, до самого заката...

Отец говорил правду. Люди кланов вообще правдивы, а уж в разговоре с родным сыном, да ещё на столь важную тему... После смерти матери так и не появилась та, которая смогла бы её заменить и стать мне и моим сёстрам новой матерью. Да, у отца бывали случайные женщины, и многие из них очень хотели сделаться настоящей, а не временной женой вождя, но он в этом вопросе оставался твёрд, как скала. Кстати, такое поведение знатного воина выходило за рамки общепринятого, и друиды не раз и не два прямо говорили отцу об этом, но он лишь отмалчивался.

– Ты дорог мне не сам по себе, а прежде всего как память о Ней. Но даже ради этого я не пошёл бы поперёк древнего закона и против воли верховной друидессы. Она враг мне и тебе, но не враг всему нашему народу, и она по-своему заботится о его благе - так, как она это благо понимает. Нет, всё гораздо серьёзнее, сын.

Я весь обратился в слух. Никогда раньше отец не говорил со мной *так*, хотя я знал, конечно, что он прям в словах и в делах, что он меня любит, и ощущал его заботу о себе - именно заботу, а не мелочную опеку и желание укрыть детёныша от любого свежего ветерка.

– Так вот, сын, всё дело в тебе - в тебе самом.

– Я не понимаю тебя, отец...

– Объясню. Когда-то очень давно, многие тысячи лет назад, там, - отец указал на закат, - среди волн Великого Моря был огромный остров, населённый могущественным народом. Мудрецы этого острова владели многими тайнами Мира, в том числе тайнами магии. Но однажды с небес упал громадный камень, посланец Мирового Зла (так гласят предания), который погубил и сам этот остров, и всех его обитателей. Точнее, почти всех - кое-кому удалось спастись. Спастись - и унести с собой часть древнейшего Знания. И крупницы этого

Знания сохранились до наших дней, сохранились благодаря усилиям таких, как твоя мать.

– Я знаю об этом предании, отец.

– Было бы удивительно, если бы сын Хранящей не знал об этом, - сурово произнёс отец. - Так вот, мать *знала*. Она знала очень многое, такое, что неведомо даже Женщине-Без-Возраста - законы Круга Перевоспелений, например. Вскоре после того, как ты появился на свет, матери было видение. Она проснулась среди ночи, разбудила меня и долго не могла успокоиться. И это были не пустые женские страхи - ими её было не напугать...

И это тоже было правдой - мать была куда крепче сердцем, чем многие мужчины. А отец продолжал.

– Неподальёку жил в лесу отшельник-одиночка. Из бардов. Говорили, что он самый лучший прорицатель из всех, которые появлялись на Зелёном острове за несколько последних поколений. Не знаю, может это и так. Как бы то ни было, мать решила обратиться к нему, дабы проверить смысл увиденного ею.

Отшельник выслушал её очень внимательно и сказал, что младенца - то есть тебя - нести к нему не нужно, бард сам к нам придёт. Уже одно это было необычным, и я насторожился. И твоя мать тоже насторожилась - а я привык ей верить и знал, что она не будет тревожиться без серьёзных на то причин.

Отшельник пришёл к нам той же ночью. Он был очень стар - я помню его глубоким стариком с той поры, когда я сам был ещё ребёнком, - но ходил легко и пружинисто, словно волк на охоте. Он бросил на тебя один-единственный быстрый взгляд - и пошатнулся. Краска отхлынула от его лица, он повернулся к матери и сказал ей несколько слов на неизвестном мне языке. Выслушав старца, мать побледнела тоже - а пугливой её никто и никогда не посмел бы назвать. А затем отшельник ушёл, не прощаясь, но до своего обиталища не добрался - утром его нашли в лесу. Мёртвым. Остановилось сердце. Это никого особенно не удивило: ведь всё-таки друид был древним стариком. Никого - кроме твоей матери...

Отец замолчал, и я не смел прервать его молчание. Помолчав, он снова заговорил.

– Она так и не передала мне точного смысла сказанного ей старым прорицателем. Сказала только: "Бывает смертельно опасное знание - оно убивает. Поэтому-то и умер старый бард. Я не хочу, чтобы такая же судьба постигла бы и тебя. Тебе надлежит знать одно - наш сын очень важен для будущего. Сохрани его любой ценой, если ему будет грозить опасность". И вчера я выполнял волю твоей матери, сын.

Я молчал, потрясённый услышанным.

– И ещё, сын, - добавил отец. - Я спас тебя от непосредственной, явной угрозы. Но Женщина-Без-Возраста никогда не оставляет задуманного на полпути, и смерть твоей матери - вернейшее тому подтверждение. Верховная друидесса способна наложить на тебя заклятье, - если уже не сделала этого, - которое проснётся неведомо когда и сработает неизвестно как. Будет осторожен, сын. Помни о том, что ты сегодня узнал.

– Я буду осторожен, и я буду помнить, отец.

– Тогда иди, - он положил мне руку на плечо. - Я сказал тебе все, что хотел сказать, и что надо было сказать. Ночь коротка, - особенно когда ты молод, - и Реган (вот уж не думал, что отец знает про мою девчонку!) уже вся извелась, ожидая тебя среди вереска. Не обмани её ожиданий, - отец усмехнулся по-доброму, - но помни, что послезавтра, нет, уже завтра - бой. Твой первый настоящий бой, сын.

* * *

Верёвка, которая стягивает мне запястья, врезалась в кожу. Голова гудит, и перед глазами плавают разноцветные пятна. Здорово же меня огрели палицей... Если бы не шлем, обсидиановые шипы, которыми усажены боевые дубинки теночков, наверняка пробили бы мне череп. Хотя, быть может, оно было бы и к лучшему - умер бы сразу и не мучаясь. А теперь, очень даже на то похоже, мне предстоит нечто гораздо более неприятное...

Почти девять месяцев (думаю, у многих местных женщин успели родиться от нас дети) мы были хозяевами Тенчтитлана, да что там Тенчтитлана - всей страны! Кортес убедил-заставил Монтесуму переселиться к нам, во дворец Ахаякатля, под "защиту" испанских пушек. Эрнандо и не думал, конечно, защищать этого закоренелого язычника, кичащегося своим мнимым величием. Просто пока эта священная для всех ацтеков особа находилась в наших руках, мы могли делать здесь всё, что нам вздумается - его же именем.

Когда в столицу прибыл касик, виновный в нападении на испанцев в Вера-Крусе, Монтесума не стал даже слушать его объяснений, - мол, Малинцин (так теночки звали Кортеса) сам во всём разберётся. И Эрнандо разобрался - касика и семнадцать его военачальников без лишних проволок сожгли на костре. Причём во время казни на повелителя ацтеков надели оковы - знак рабства и позора. И ничего, сошло, - огромная толпа людей, присутствовавшая при сожжении несчастных, стояла тихо и покорно...

А во дворце мы обнаружили замурованную дверь, которая вела в тайную комнату, битком набитую сокровищами. Монтесума хранил свою казну во дворце отца! И вот эти поистине несметные богатства оказались у нас! После делёжки (пусть даже и не слишком справедливой, Эрнандо себя не обидит) все мы стали богачами. Некоторые из наших изготовили для себя (с помощью местных ювелиров) из захваченного золота массивные цепи и надели их под панцири. Всевышний уберёт меня от такого опрометчивого шага, ибо все, которые так поступили, уже мертвы, и их тела обглаживают раки этого проклятого озера...

Золото сослужило нам добрую службу. Этот недоумок Веласкес, губернатор Кубы, послал сюда Нарваэса с большим отрядом и с приказом доставить на Кубу Кортеса - закованным в цепи. Ну и что из этого вышло? Эрнандо вышел навстречу отряду и попросту перекупил солдат Нарваэса ацтекским золотом (правда, без небольшой драки не обошлось), захватил каравеллы, снаряжённые Веласкесом за свой счёт, и увеличил нашу армию до тысячи трёхсот человек, из которых почти сотню составляли всадники. Теперь-то мы поговорим с этими поклонниками кровавых богов по-другому!

Но пока мы отсутствовали, Альварадо, оставленный Кортесом своим заместителем и командиром гарнизона в Теночтитлане, наломал дров. Золото - оно имеет свойство ослеплять, и жадность едва не сгубила Альварадо и всех его людей. А дело было так.

Ацтеки ежегодно, в мае, проводили празднества в честь своего грозного бога войны Уицилопочтли (того самого, которому приносили человеческие жертвы). Поскольку храм этого бога находился по соседству с дворцом Ахаякатля, где жили испанцы, то ацтеки испросили у Альварадо разрешения устроить праздник во дворе Большого Теокалли - самой главной пирамиды города. И заместитель Эрнандо разрешил - при условии, что собравшиеся не будут иметь при себе оружия.

Шестьсот ацтеков из самых знатных родов, пышно разодетые и украсившие себя драгоценностями, собрались на праздник. Никто из них не обратил внимания на группы испанских солдат во дворе храма - все давно привыкли к тому, что испанцы никогда не расстаются с оружием и доспехами и принимали их за зрителей. А зрители - по сигналу - обнажили шпаги и ринулись резать безоружных.

Альварадо толкнула на это обыкновенная алчность - ему хотелось завладеть золотыми украшениями и не делиться при этом с Кортесом. Теночки не могли сопротивляться голыми руками, к тому же их ошеломила свирепая внезапность нападения. Солдаты Альварадо перебили всех - вся лестница храма оказалась залита кровью. И эта глупость заместителя Кортеса переполнила чашу терпения - на следующий же день тысячные толпы индейцев атаковали дворец.

Ацтеки шли и шли, как одержимые, не считая убитых и презирая смерть. Поголовная гибель всего нашего гарнизона в Теночтитлане была бы неизбежной, если бы не Монтесума. Ему удалось уговорить наступавших отойти, так как если они будут продолжать атаку, то белокожие пришельцы неминуемо убьют его, Монтесуму. Императора послушались - в последний раз.

Мы вернулись в Теночтитлан, но обстановка резко переменилась. Никто уже не спешил

доставлять нам еду, женщин и драгоценности - казалось, что даже дома, улицы и мостовые столицы сочились-истекали ненавистью к тем, кого ещё совсем недавно обожествляли. И новая атака, гораздо лучше организованная, не заставила себя ждать.

Наши пушки косили индейцев, как траву, но они лезли и лезли. Всё новые и новые тела добавлялись к грудам трупов, но не заметно было, чтобы это хоть как-то охладило пыл теночков. Мы продержались весь день, падая к вечеру с ног от усталости и ран.

На следующий день Кортес решил атаковать сам, поджечь город и раздавить непокорных - сидя в осаждённом дворце, мы все в конце концов просто перемерли бы от голода и жажды.

Однако уличные бои не принесли ожидаемого успеха. Индейцы сбрасывали с крыш громадные камни, которые плющили солдат в кашу вместе с панцирями. В тесноте между домами конница утратила наступательный порыв, а артиллерия оказалась гораздо менее эффективной. Ацтеки несли огромные потери, но они могли позволить себе менять сотню своих за одного нашего - подкрепления подходили к возглавившему восстание принцу Куаутемоку, племяннику Монтесумы, непрерывно. В толчее боя в городе всё наше войско растаяло бы без следа, словно комок ила в быстром горном ручье. И Эрнандо приказал отступить.

Зажечь город не удалось - дома стояли друг от друга на значительном расстоянии, да ещё эти проклятые каналы. А когда Эрнандо выпустил брата Монтесумы Куитлауака и других знатных ацтеков, взятых нами в заложники, то они не только не стали уговаривать соплеменников сложить оружие, но сами приняли самое деятельное участие в восстании. А запасы пороха всё убывали - ведь мы палили неустанно.

Оставался последний козырь - Монтесума. Он уже спас испанцев однажды, может быть, спасёт снова? И верно, шум боя мгновенно стих, как только император появился на зубчатой стене дворца. Всё-таки его ещё почитали, несмотря ни на что. Но он сам испортил всё дело одной-единственной фразой, назвав испанцев "друзьями" и "гостями", которые-де удалятся с миром, если его народ их выпустит. Это была роковая ошибка короля - ведь друзья и гости не убивают хозяев. И в Монтесуму полетел град стрел и камней.

Монтесума умер - его голову проломил камень из пращи, а тело пронзили несколько стрел. Но умер он оттого, что не хотел больше жить, а вовсе не от ран. Человек в нём не смог пережить конца императора...

Не спасло положения и взятие нами - ценой немалой крови! - Большого Теокалли и свержение с пьедестала статуи Уицилопочтли. Индейцы не впали в отчаянье, видя гибель своих богов - наоборот, они бросились на нас с ещё большим остервенением. Оставалось одно - уходить из Теночтитлана, и уходить немедленно, коль скоро мы хотим спасти свои сердца от жертвенного камня. Обещания индейцев - отнюдь не пустая угроза, их оскорблённые боги жаждут мести!

...Ночь выдалась тёмная, холодная и дождливая. Поначалу всё шло гладко: мы тихо выбрались из ворот дворца, стараясь не нарушать тишину звяканьем оружия и конским всхрапом. Мы несли с собой заранее приготовленный переносной мост, чтобы перебраться через проломы в тлакопанской плотине (о них Кортес знал) и перевести лошадей и пушки. Мы осторожно продвигались по главной улице, не видя ни единой живой души вокруг, и уже ликовали оттого, что нам удалось так ловко одурачить этих проклятых дикарей.

Но оказалось, что не мы их, а они нас перехитрили. Индейцы зорко следили за нами из темноты, и они просто дали нам отойти от дворца достаточно далеко, чтобы сделать наше возвращение под защиту его мощных стен невозможным. А как только мы стали наводить мост через первый пролом, отделявший улицу от дамбы, внезапно раздались звуки труб, и загудел барабан. И началось...

Поверхность озера вмиг покрылась сотнями и сотнями пирог с воинами, устремившихся к дамбе со всех сторон, а из тьмы в нас полетели тысячи стрел и копий. Дорога же обратно была отрезана - скрывавшиеся в домах воины ацтеков перекрыли улицу завалами из дерева и камней.

Я раздавал удары налево и направо, не слишком заботясь о том, кому они достанутся - врагу или другу. Мне важно было продвигаться вперёд, к мосту, и я шёл. Я успел перебраться через мост как раз перед тем, как сотни тянувшихся к нему рук вцепились в хлипкое сооружение и перевернули его вместе с бежавшими по доскам людьми.

Двигаться можно было только на ощупь. Темнота вокруг кричала, стонала, выла. Чья-то рука вцепилась мне в ногу - я рубанул наотмашь, брызнула кровь. По панцирю скользнула стрела; вокруг меня с плеском падали в воду тюки и ящики, лошади и люди. И всё-таки я продрался через толпу за мостом и побежал по дамбе дальше, ориентируясь по редким вспышкам факелов и по сочной кастильской брани, казавшейся мне музыкой.

У второго пролома мы застряли. Нашего переносного моста больше не было, его захватили индейцы. Пришлось заваливать пролом всем, что для этой цели годилось - мешками, повозками, тушами коней и трупами солдат. Мы приканчивали носильщиков-тлашкаланцев - пусть послужат нам в последний раз! - и спихивали их в зияющую брешь в дамбе вместе с поклажей, которую они на себе волокли...

Не знаю, сколько нас выбралось на последний участок плотины. У меня в ушах до сих пор звенят истошные крики тонущих в озере. Доспехи - это не самая лучшая одежда для купания, а если к тому же ты нагружен золотом (перед выходом Эрнандо раздал всем желающими сокровища Монтесумы - берите, кто сколько унесёт), то становится понятным, что крики эти раздавались недолго. Кроме того, на вопли утопавших спешили пироги теночков, и милосердный удар палицы помогал бедолагам без ненужного промедления свести счёты с жизнью.

Третий пролом оказался самым широким. За ним спасение, но преодолеть его можно было только вплавь. Думаю, что никому из солдат Нарваэса такое не удалось - уж они-то хапали сокровища сверх всякого разумного ограничения. И коннице, и пушкам - всему этому тоже конец. Однако я не слишком забивал себе голову ненужными размышлениями - надо было спасаться. Меч я потерял в хаосе схватки у второго пролома, получив камнем по локтю, но шлем остался при мне. И тут мне показалось, что на шлем этот упало бревно.

Свет погас.

* * *

Каменные веки статуи Танит ожили, дрогнули, затрепетали и медленно-медленно приоткрылись. Горячая волна затопила всё существо служительницы богини - женщины с именем ночной птицы, - поднимаясь от жарко полыхавшего у сердца костра и растекаясь по всему телу. Владычица Ночи услышала её! О Танит, разящая и смиряющая, повелевающая и всемогущая!

Мягкий зелёный свет наполнил тьму святилища, оттесняя мрак и загоня его в дальние углы, где темнота съёживалась и таяла, словно впитываясь в холодный камень стен. "Почему зелёный? Ведь лик Танит, скорее, рождает мертвенно-серебряный, голубоватый свет...". Робкая мысль эта явилась в сознании жрицы и пропала - пути Богов неисповедимы. И тут перед внутренним взором женщины в чёрном потекла череда ярких, осязаемых видений.

...Трава, трава, трава - густая, сочная, зелёная трава до той самой границы, где земля перетекает в небо. Трава шуршит под ногами, шепчет, ласкается, а небо залито светом, и ослепительный золотой диск царит в голубизне небес. "Почему солнце? - подумала жрица. - Танит и Ваал поделили Мир, и у каждого свой час... Хорошо, пусть будет так, ведь Ночная Царица никогда не ошибается. А как тепло, и как приятно слушать песню трав...".

...Огромные круторогие звери. Они плывут живыми глыбами сквозь волны травы, спокойные и уверенные в себе: кто может стать на их пути? Ведь даже валуны, округлые лбы которых кое-где островами торчат над зелёной гладью травяного моря, похоже, рассыплются песком под их тяжкой поступью...

...Переливчатый пронзительный крик виснет над зеленью густых трав. Существа, -

совсем маленькие по сравнению с медлительными гигантами, хозяевами саванны, - похожие на обезьян, длиннорукие, сутулые и густо поросшие шерстью, выпрыгивают из травы, что-то кричат и размахивают зажатými в передних лапах камнями и палками. Нет, камнями, закреплёнными на концах узловатых дубин - каменными топорами! Люди - или звери, но очень похожие на людей?

Серокожие исполины поднимают рогатые головы, прерывая свою неспешную трапезу. Они не то чтобы встревожены, они несколько удивлены. Дым - запах дыма... В руках-лапах мохнатых и кривоногих существ, выскочивших из переплетения толстых и высоких - чуть ли не в человеческий рост - мясистых стеблей, появляются сучья, истекающие сизым дымом. И на концах сучьев танцуют почти невидимые при ярком солнечном свете бледные язычки огня. Пахнет дымом...

Громадные звери всхрапывают-всхрюкивают - тонкий и совсем не вяжущийся с их монументальностью звук - и плывут-перемещаются по зелёному морю подальше от пугающего запаха. Титаны эти хорошо знают, что такое степной пожар, особенно в период засухи, когда трава делается сухой и ломкой. Тогда огонь бежит по ней быстрее самого проворного хищника, быстрее кривоклювой птицы с изогнутыми крыльями, падающей с неба.

Трава послушно расступается перед грузными телами. Стадо направляется к голубой ленте реки, пересекающей широкой полосой зелень трав - звери знают, что красный враг остановится перед водой и не перепрыгнет через синюю преграду. А зверолюди упорно следуют за ними, однако не слишком приближаясь, - такие маленькие и хрупкие по сравнению с живыми громадами длинноногих хозяев саванны.

Трава обманула. Большая часть стада обтекла холм, нарушивший монотонность равнины, слева; но несколько гигантов взяли правее. И там под ногами идущего первым огромного животного земля вдруг расступилась, лопнула, и тяжкая туша рушится вниз, оглашая саванну утробным рёвом.

Стадо переходит с шага на бег, оставляя за собой широкую вытоптанную просеку, но двуногие не преследуют зверей: они споро и проворно окружают глубокую яму, на дне которой ворочается попавшая в хитрую западню груда мяса. Вниз летят увесистые каменные обломки, с тупым хряском врезаются в рогатую голову, а зверь не может даже приподняться, встать на подогнувшиеся в коленях колонноподобные ноги - несколько глубоко вкопанных в земляное дно заострённых брёвен с обожжёнными на огне концами пропороли ему брюхо, разодрав кишки и вонзившись в позвоночный столб...

...Высокое пламя огромного костра. Огонь разгоняет сгущающуюся вечернюю тьму - день уходит, и наступает время Танит, - и отражается в глазах собравшихся вокруг него полузверей-полулюдей. Жарятся на костре куски истекающего кровью мяса, и трещат, сгорая, капли жира, падающие на рдеющие багровые угли...

...Шуршит под ногами трава. Костёр и сидящие вокруг него на корточках существа всё ближе - ты видишь их напряжённые спины, но они не замечают тебя, женщину в одеждах цвета жидкого изумруда. Ты протягиваешь вперёд руки - ладонями вниз, - и с твоих пальцев струится мягкий и тёплый зелёный свет, свет, окрашенный цветом Жизни. Изумрудная дымка растекается, окутывая пологом фигуры у огня; и ты знаешь, что одновременно десятки и сотни таких же, как ты могущественных Сущностей посылают незримую волну чародейства на тысячи полулюдей, сидящих у десятков и сотен костров, разожжённых по всему лику этого Мира. Творится Великая Волшба...

- *О Владычица Ночи!* - мысленно вопрошает жрица. - *Я не понимаю того, что явила мне воля твоя ...*

- *Внимай, дочь магии,* - приходит беззвучный ответ.

...Земля тёплая, и трава мягкая, и так приятно раскинуть усталое тело на этом роскошном ложе. Ты сделала своё дело, Зелёная Мать, твои силы живыми каплями истекли в этот Мир. Трансмутация запущена, и через несколько поколений - ничтожнейший отрезок Всемогущего Времени - полулюди станут людьми. Выпрямятся спины, черты лиц примут

законченность и совершенство, дремлющий Разум проснётся и начнёт долгий-долгий Путь Восхождения. Ты свершила Предназначенное, Дарительница Жизни, оплодотворяющая Сущее, и теперь можешь уйти с лёгким сердцем.

Звенят еле слышные хрустальные колокольчики, и смежаются веки, и сладко засыпать, погружаться в баюкающую истому с осознанием Исполненного...

– *Смотри, смотри дальше,* - звучит в сознании женщины с именем ночной птицы.

...Острые камни, острые, словно зубы дракона. Впереди каменная осыпь вздыбливается, вздымается вверх скальным монолитом, и от утёса веет Злом, злом и разрушением. *Гнездо* - имя, пахнущее Смертью. Ты не одна, рядом другие, и ваша цель - Гнездо - перед вами. Поток голубых молний врежется в скалу, пахнет горелым камнем, сыпятся обломки, и летят расплавленные брызги, и дрожит горячее марево над утёсом - ставшая видимой защита Вечных Врагов.

Каменную шкуру подёргивает сеть мелких трещин. Трещины растут, пересекаются между собой, углубляются; и вдруг с рвущим слух грохотом лавина камней обрушивается, - содрогается твердь, - обнажая чёрный купол, таящийся под гранитными пластами.

Ты летишь над землёй, и голубой клинок в твоей руке, и горячит кровь предвкушение битвы. Чёрный купол раскрывается-распахивается, словно взрезанный диковинный плод, чудовищные лепестки опадают, и навстречу течёт мрак - не ночная темнота, сулящая покой и отдых (и любовь!), а Извечный Мрак, стремящийся поглотить Свет. И в сердце мрака проступают чёрные фигуры - ещё более чёрные, нежели породившая их тьма. Несущие Зло - и чёрные лезвия поднимаются, и оживают, и светятся багровым...

...Две волны магии сшибаются, и вздрагивает Мир, до основ своих потрясённый схлестнувшимися Силами. Кровь, горячая алая кровь сочится между твоими пальцами, сжавшими древко чёрной стрелы, впившейся тебе под левую ключицу. Яд - чёрный яд, - и ты силишься превозмочь его злую мощь, подчиняющую и подавляющую. И разгорается у сердца жгучее пламя, и ширится, и расползается. Убежать в смерть, пока не стало слишком поздно, пока не состоялось Обращение, пока оно не затронуло Душу...

...Гаснет свет, и последнее, что ты успеваешь заметить - алый росчерк, пронзивший небо неведомого Мира. Мстители пришли на помощь, и можно уйти бестревожно: Гнездо рухнет, Маги-Воители не бросают начатого на полпути...

– *Что это было, Царица Тьмы?*

– *Минувшее. Твоё минувшее.*

– *Зачем? Я взывала к тебе с мольбой спасти Кар-Хадташт ...*

– *Город обречён, как обречены - все и всегда! - припавшие к стопам Кровавых Богов. Но тебе уже нет до него дела, сестра. Искупление закончилось. Иди ко мне. Чёрный Яд покинет твою Душу - за прошедшие года мы многому научились ...*

– *Я не понимаю, Мать Ночи ...*

– *Ты ошибаешься: я не Танил. Ничего, ты скоро всё поймёшь. И вспомнишь...*

* * *

Светает. На фоне светлеющего на восходе неба заострённые верхние концы брёвен частокола кажутся зубами исполинского чудовища, забравшегося в наши края и разинувшего пасть в ожидании кровавой трапезы. Ничего, мы вырвем зверю эти зубы...

Предрассветная сырость забирается под одежду; мех звериных шкур, в которые мы закутаны, сделался серебристым от множества капелек росы. Лезвия топоров и наконечники копий мокры - что ж, скоро их обильно смочит совсем другая влага. Меня пробирает лёгкая дрожь, и вовсе не от утреннего холодка. Ничего, так и должно быть: истинный воин не тот, который не боится, а тот, который не позволяет страху завладеть собой.

Над частоколом чуть шевельнулась человеческая фигура в латах, древко копья легло на брёвна. Я знаю, что сейчас чувствует враг - усталость и расслабленность. Самый лучший

воин не может находиться в состоянии напряжения и готовности к битве долгие часы, тем более ночные. Особенно тогда, когда всё вокруг тихо и спокойно, когда ничто не предвещает опасности, и ничто не говорит о том, что совсем рядом, в густых травах, неподвижно таятся сотни и тысячи вооружённых людей, изготовившихся к броску. Нападать всегда легче, чем обороняться - нападающий выбирает время и место атаки, а обороняющийся вынужден предугадывать действия противника или защищать все свои уязвимые места. В первом случае тому, на кого нападают, нужно быть или величайшим полководцем, или магом; во втором - располагать поистине несметным войском. Так что...

Троекратный крик сойки. Сигнал! Тело само - как будто я долгие-долгие годы ничем другим и не занимался - делает единственно правильные движения. Стрела - я держал её в зубах - падает на тетиву; лук пружинит, подчиняясь вздувшимся мускулам; миг - и тонкий росчерк оперённого древка пересёк человеческий силуэт на бревенчатом валу.

За моей стрелой быстрыми птицами порхают другие, воздух наполняется гудением тетив и щёлканьем врезающихся в дерево гранёных наконечников. Но именно моя стрела - я вижу это - впивается солдату под самый подбородок, разрезав ремешок шлема-каска.

Луга вокруг укрепленного лагеря ожили. Живая человеческая волна, пропитанная блеском железа, катится к частоколу. Молча - время боевых кличей ещё не наступило. Зачем будить спящих в палатках - пусть их сон незаметно сделается вечным!

Но они всё-таки проснулись - не все пущенные нами стрелы безошибочно нашли цель. Кто-то из уцелевших часовых поднял тревогу, и теперь там, внутри, за рвом и оградой, нарастает шум и лязг оружия. Быстро же они спохватились...

Лавина воинов в клепаных шлемах и волчьих шкурах с разбега бьётся в частокол. Ров не стал преградой - его в несколько мгновений завалили заранее припасёнными вязанками хвороста. Арканы чёрными змеями захлёстывают верхушки брёвен, и по ним, упираясь в бревенчатую стену ногами, уже проворно карабкаются самые проворные и самые отчаянные. Но главный удар направлен по воротам - по обоим сразу (в полевых лагерях солдат Империи всегда двое ворот - в передней и в задней стене укрепления).

Тяжеленное бревно - ствол могучего дуба, освобождённый от ветвей и разогнанный соединёнными усилиями нескольких десятков сильных воинов, - врежется в полотнище ворот. Настоящие крепостные ворота, окованные для прочности железными полосами, выдержали бы удар нашего самодельного тарана, но эти - эти не устояли.

Полководцы могучей Империи хорошо усваивают кровавые уроки. В следующий раз они будут гораздо осторожнее выбирать места для своих стоянок и уж, во всяком случае, выжгут траву и кусты на два полёта стрелы от воздвигаемого частокола, но сейчас мы захватили их врасплох. Привыкшие побеждать варваров, дошедшие от пролива до наших холмов, они забыли одно из основных правил войны: "Никакого врага не следует недооценивать, тем более врага, с которым сталкиваешься впервые".

...Железный лязг, треск щитов, вопли дерущихся и крики раненых. К небу рвётся дикий воинственный клич моего народа - теперь время кличей пришло. Мы валим шатры и протыкаем копьями шевелящиеся под тканью тела. Но большинство солдат успели всё-таки вооружиться - хорошие воины! - и встречают нас клинками. Хорошо ещё, что в латы успели облачиться немногие, да и в проходах между палатками не построились. И ещё - солдат врага почему-то меньше, чем должно бы быть, если судить по количеству шатров. Что-то тут не так...

...Этот воин оказался достойным противником - наверно, он видел много битв. Свистящее лезвие меча обдало мне щеку холодным ветром, пролетев от неё на расстоянии пальца. А я - я не промахнулся, мой топор вошёл солдату точно между глаз. Так я взял жизнь моего второго врага...

Мы давим, берём яростью напора. И числом - врагов действительно оказалось гораздо меньше, чем предполагали вожди, научившиеся оценивать силы противника по размерам их укрепленных лагерей. И мне это очень не нравится, хотя я всего-навсего простой воин (к тому же впервые познавший бой), а не предводитель войска и даже не вождь клана, как отец.

И тут я вижу его - отца. Он стоит в плотном кольце потрясающих оружием ликующих воинов, и я не сразу могу разглядеть то, что лежит у его ног. Лицо отца всё в крови, правая щека разрублена так, что видны зубы, но глаза его светятся весёлым бешенством. А перед ним на земле тело в серебряных доспехах военачальника Империи. Тело с развороченной грудью, в луже парящей крови... И я тотчас понимаю, что за кровавый комок сжимает левая ладонь отца, и почему боевой топор в его правой руке залит кровью до конца рукояти. Он исполнил клятву, данную накануне богам нашего народа. Кровавым богам...

Кое-где клубами вздымается к просветлевшему небу чёрный дым; гонят пленников, собирают доспехи и оружие. Люди холмов расшатывают и обрушивают наземь брёвна частокола - вырывают драконьи зубы. Я пытаюсь протолкаться сквозь бурлящую толпу распалённых боем и победой людей к отцу - мне непременно надо оказаться сейчас рядом с ним!

И в это время над полем виснет хриплый рёв букцин. Холодея, я как-то сразу понимаю, что наша победа - кажущаяся победа - вот-вот может обернуться поражением.

* * *

Храм бога войны Уицилопочтли я уже видел. Ещё в самом начале нашего пребывания здесь мы ходили по городу и глазели по сторонам (в основном, конечно, не праздного любопытства ради - Эрнандо прикидывал, как сподручнее будет биться в этом лабиринте домов, улиц и каналов, когда дело дойдёт до мечей). Вот тогда-то мы и посетили главную святыню Теночтитлана - пока ещё в качестве гостей.

Теокалли - это ступенчатая усечённая пирамида, точнее, пять пирамид, водружённых друг на друга. Высота всего сооружения на глаз раз в двадцать выше человеческого роста, а ширина у основания примерно сто пятьдесят шагов. На вершине последней пирамиды и устроен храм кровавого бога.

Нас сопровождал сам Монтесума, и Кортес попросил у него (тогда он ещё просил) разрешения осмотреть храм внутри. Монтесума, посоветовавшись со жрецами, такое разрешение дал, и мы вошли в святилище.

Первое, что мы увидели - это исполинского каменного истукана мерзкой формы, с отвратительным до тошноты ликом. В правой руке каменное чудище держало лук, в левой - пук золотых стрел. Живот идола опоясывала змея, искусно сделанная из жемчуга и драгоценных камней, а на шее Уицилопочтли висели золотые человеческие маски и цепь, составленная из золотых же и серебряных сердец - любимым блюдом бога были человечесьи сердца.

На специальном камне, установленном подле статуи, жрецы приносили ему в жертву людей из числа пленников, рабов и жителей покорённых стран. Они вспарывали обсидиановым ножом грудную клетку, выдирали ещё трепещущее сердце и подставляли его лучам солнца. Дьяволово отродье! Меня мороз продрал по всей спине при виде этого камня и этого поганого идола!

Эрнандо тогда взялся было убеждать Монтесуму, что это не боги, но суть демоны, что храм сей надлежит разрушить, а вместо него соорудить католическую церковь, но обычно уступчивый к требованиям детей Кецалькоатля император на этот раз остался непоколебим.

Второй раз я побывал тут, когда мы штурмовали теокалли (уже после смерти Монтесумы), доведённые до бешенства градом стрел и камней, сыпавшимся на наши головы с его уступов днём и ночью. Ничего не скажешь, во второй раз путь до храма потребовал куда больше времени и сил! И жизнью - сорока пяти. На моих глазах погиб Гонсало, мой старый товарищ, с которым мы хлебнули всякого. Какой-то обезумевший фанатик обхватил его поперёк туловища и рухнул вместе с Гонсало вниз, на гладкие каменные плиты, не обращая ни малейшего внимания на проткнувший его тело меч славного идадьго. Сам Эрнандо едва избежал смерти в яростной схватке на вершине пирамиды.

Тогда мы свергли кровавых языческих богов с их пьедесталов, а статую самого Уицилопочтли сбросили с вершины Большого Теокалли - она раскололась на куски. Мы надеялись, что сердца индейцев дрогнут при виде такого зрелища, но ошиблись - ацтеки сделали ещё злее. Думал ли я тогда, что совсем скоро попаду сюда, на вершину пирамиды, в третий раз - и, надо думать, в последний...

Я не один - рядом со мной десятки моих товарищей по несчастью. Избитые, изодранные, покрытые грязью и кровью. Связанные, как и я сам. Глаза у всех без исключения обезумевшие - и вовсе не от того, что они пережили этой ночью. Все - и я в том числе - знают, что именно нас ожидает. Пресвятая Мадонна, спаси и сохрани...

Пирамида выстроена хитро - ведущие к вершине ступени разделены на участки так, что подняться на следующий уступ можно, только обогнув предыдущий, по противоположной стороне. "Испанцы не устают!" - гордо ответил Эрнандо во время нашего первого визита на вопрос Монтесумы, не утомил ли гостей столь долгий путь до храма бога войны. Понятно, Кортес продолжал тогда играть роль сверхъестественного существа, наделённого необычайными способностями... Хм, интересно, что бы он сказал сейчас, поглядев на своих бывших сподвижников - точнее, на то, во что они превратились. А ведь на сей раз мы не шли сюда сами - нас волокли.

Хотя неизвестно, выжил ли Кортес в ночной бойне (и остался ли в живых кто-нибудь вообще). С вершины Большого Теокалли хорошо видна вся главная дамба, она сплошь усеяна людьми - живыми и мёртвыми. Индейцы снуют по ней туда-сюда, собирая оружие и подбирая убитых и раненых. Своих-то они будут лечить (лекари у этих кровопийц искусные), а вот наших приволокут сюда (или же просто добьют на месте, если пленник уже еле жив от ран). Но почему-то мне кажется, что Эрнандо пережил Noche Triste², и не просто пережил, но и вышел из страшной битвы, в которой погибла почти вся его армия и все до единого союзники-тлашкаланцы, цел-невредим. У него удивительное умение выпутываться из самых безнадёжных положений...

Но что мне до этого! Если Кортес и вырвался из смертельной западни, которую ему устроил Куаутемок, то сил для ещё одного сражения у него в любом случае не осталось. Он не вернётся сейчас назад и не спасёт нас. Чудес не бывает.

...Какая-то напряжённая возня на последней лестнице, выходящей к верхней площадке теокалли. А, вот в чём дело - индейцы затаскивают наверх двух захваченных лошадей. Задача непростая, но уж чего-чего, а упорства ацтекам не занимать. Они похожи на муравьёв, тащащих двух жирных гусениц. Скоро эти муравьи нас всех сожрут...

Деревянное строение храма мы после взятия Большого Теокалли сожгли, а статую Уицилопочтли расколотили, однако жертвенный камень остался. Тот же самый, или теночки успели принести сюда новый - какая теперь разница!

Я слышу невнятное бормотание - кто-то из моих товарищей по несчастью молится. Самое время, хоть я сильно сомневаюсь, что молитва нам поможет...

Тем временем индейцы подтащили к жертвеннику первую лошадь. Бедное животное брыкается спутанными ногами и жалобно ржет, словно понимает, что с ним собираются делать. Индейцы боялись лошадей и поначалу, пока не убедились в том, что лошади тоже смертны (как и дети Кецалькоатля), принимали их за живых богов, беспощадно убивающих всех врагов белых людей. Вот и мстят теперь за свой былой страх...

Ржание оборвалось, его сменили дикие вопли ацтеков, вопли кровожадной радости. По моему лицу стекает что-то тёплое. Кровь. Брызги её долетели даже сюда. Впрочем, мы не так далеко от жертвенника - всего-то десяток-другой шагов.

Вторая лошадь поделила судьбу первой, и индейцы вновь разразились криками торжества. Теперь подошла очередь людей.

² Noche Triste (исп.) - Ночь Печали. Так конкистадоры называли ночь отступления из Теночтитлана, ночь, во время которой погибло свыше восьмисот испанцев, и пропала вся захваченная ими добыча.

Тлашкаланцев приканчивают быстро и без особых затей, одного за другим. Каменный жертвенник сплошь залит кровью, она струйками стекает вниз и собирается в лужицы на плитах, выстилающих вершину теокалли. Чёрные одежды жрецов тоже заляпаны кровью, что делает палачей похожими на вампиров. В груди холодеет, и одновременно я вдруг ощущаю возле сердца жар, как будто там, внутри, разгорается маленький, но жгучий костёр... Что это со мной? Я вижу...

...Звёзды, звёзды, звёзды... Звёзды без счёта... Алые всполохи и слепящие белые вспышки... Ощущение Силы, переполняющей всё моё существо, Силы, способной гасить эти звёзды...

На жертвеннике умер первый из испанских солдат, но мне это почему-то безразлично - абсолютно безразлично. Я словно вижу всё происходящее со стороны, как будто оно меня ни в малейшей степени не касается.

– Тебя это и не должно касаться, - раздаётся вдруг в моей голове, - что тебе до них. Это просто маленький Мир, один из великого множества Миров, в котором ты проходишь Испытание...

Предсмертные крики убиваемых и ликующие вопли дикарей сливаются в один монотонный шум. Сильные руки подхватывают меня и тащат к жертвеннику.

– Держись! - в неведомом голосе явно слышится тревога. - Держись! Хоть немного продержись, мы придём за тобой!

Меня валят на залитый липкой горячей кровью камень, выгибая спину. Грудь выпячивается вверх, навстречу окровавленному обсидиановому ножу в руке жреца. Но ведь...

...я почти всемогущ... (откуда я это знаю?). Ну что мне стоит разорвать путы, взлететь и одним движением мысли превратить в пепел всех этих прислужников кровавых богов... Я и не на такое способен, вот только зачерпнуть Силы...

Нож медленно-медленно падает мне на грудь. И я вдруг понимаю, что это я задержал смертоносный разбег каменного лезвия.

– Держи-и-и-сь!!! - кричит мысленный голос.

На забрызганном кровью лице жреца неприкрытое изумление, пробившее маску его привычной бесстрастности. Служитель Уицилопочтли не понимает, что происходит. И тут я чувствую волну чужой злой магии, которая гасит маленький костёр подле самого моего сердца.

...А Силы нет - ни капли... - думаю я (или не я?). - Я когда-то уже испытал такое, падая с огромной высоты - где-то здесь, поблизости... И рядом со мной была... Неужели та самая девчонка, что стояла на пирсе в Палосе и провожала взглядом нашу уходящую в Новый Свет каравеллу? Неужели?! Да, это она! А голос, доносящийся из невероятного далека, звучит всё слабее и тише: "Держи-и-и..."

Каменный клинок впиывается в моё тело, я слышу, как хрустит разрезаемая плоть, как обсидиановое жало раздвигает рёбра, хотя боли почему-то нет.

Господи Всемогуший, прими мою душу грешную...

* * *

Темноту и тишину храма разорвал свет факелов и лязг мечей: латиняне. Танит смежает веки - во мраке, отползающем под натиском трепещущих языков пламени, остаётся только каменная статуя богини...

Сервилий первым ворвался под гулкие своды: центурион не любил прятаться за спины солдат, тем более сейчас, когда он явственно ощущал страх, закравшийся в их сердца. Ещё бы! Ему самому не слишком уютно в недрах этого злого храма, стены которого сочатся проклятиями пунических богов. Ничего, их сила отступит перед богами Рима точно так же, как военная мощь детей Ваала уступила силе мечей сынов Ромула.

Двоих безумцев с изогнутыми клинками Сервилий одолел легко, - только кровь испятнала каменную кладку, - однако третий, вывернувшийся из-за угла, успел вогнать бронзовый кинжал в шею бежавшего за центурионом легионера прежде, чем быть зарубленным.

— Вперёд! - хрипло выкрикнул римлянин, заметив мгновенное замешательство своих солдат. - Факелы!

Сопящее дыхание и звяканье доспехов в полутьме. Поворот узкого прохода - в нагрудник бьёт пущенная откуда-то из темноты стрела и с треском переламывается. Не останавливаться, иначе в этих крысиных норах их запросто перестреляют невидимые враги. Удар тяжёлым по голове - вскользь, спасает добрый шлем, - взмах со свистом рассёкшего воздух меча и валящееся под ноги обмякшее тело. Не останавливаться!

Кишка прохода внезапно обрывается. Перед воинами громадный зал, очертания которого теряются во мраке - полтора десятка факелов не в силах разом пожрать всю тьму, затопившую святилище. Но всё-таки темнота отступает, и тогда Сервилий видит статую из чёрного камня посередине зала - и фигуру в чёрном перед ней. Фигура поворачивается, обозначается светлое - оттенённое окружающей тьмой - лицо и длинные волосы. Женщина. Наверное, жрица местных богов-кровопийц (Сервилий слышал жуткие рассказы о том, что пленных пуны закалывали на алтарях). Пришла расплата - кровь жертв падёт на головы убийц... Кто-то из его солдат с силой мечет в жрицу дротик.

Лёгкое копьё пронизывает воздух, но жрица чуть поводит рукой - и дротик бессильно отлетает в сторону и звякает о каменные плиты пола. И тогда Сервилий прыгает вперёд, вытягивая руку с мечом, чтобы пронзить это порождение Эреба. Опытный воин чувствует всем своим существом - ещё миг, и его испытанные легионеры побегут с воплями, бросая оружие. И тут же центуриону кажется, что он оказался в воде - и не в воде даже, а в густой липкой патоке, в которой вязнут руки и ноги.

...Тело медленно плывёт по густому воздуху, словно способность вновь коснуться стопами пола утрачена навек. Рука с мечом тянется, тянется - и никак не может дотянуться до проклятой фигуры в чёрном. От жрицы течёт голубое сияние, оно обволакивает Сервилия, и сотник не в силах разорвать пути. Его тащат на заклание, под кривой жертвенный нож, а он, молодой и сильный мужчина, сейчас бессильней новорождённого младенца. Проклятье богам!

Однако в глазах женщины возле статуи Танит нет злобы, нет предвкушения кровавого торжества: она смотрит на Сервилия спокойно, даже чуть-чуть грустно. Чёрное одеяние соскальзывает с её плеч, по которым живой волной рассыпались густые, длинные и пышные волосы, и с отчётливо слышимым в упавшей на храмовый зал тишине шорохом спадает на камень плит. Мрамор обнажённого прекрасного тела - римлянин видит его неуловимо-краткое мгновение - окутывает голубая ткань, и цвет этой ткани - точь-в-точь цвет того *липкого*, которое сковало движения воина. А за спиной жрицы разворачиваются огромные сильные крылья, крылья громадной ночной птицы.

Голубая женщина взмывает вверх. Ветер, рождённый взмахом могучих крыл, пронесётся по святилищу - пламя факелов трепещет, бьётся, словно охваченное паническим страхом. Лязг железа - воины роняют мечи и копья, закрывая глаза ладонями и падая на колени. На колени - они, неустрашимые солдаты гордого Рима!

Сервилий тоже падает - незримые пути распались, - едва успев инстинктивно принять на выброшенные вперёд руки (меча он не выпустил) тяжесть тела в панцире и сильно ударившись при этом лицом о подножие статуи богини Танит. Шлем слетает с его головы - ремень лопнул - и со звоном катится в темноту.

Не теряя времени - солдат Рима всегда солдат - центурион поднимается. Голова чуть кружится, однако Сервилий бросает быстрый взгляд вверх - никого и ничего.левой рукой латинянин убирает упавшие на лоб слипшиеся от пота пряди волос, машинально касается щеки - на пальцах остаётся кровь. Солдаты ещё не пришли в себя, и в их остекленевших глазах отражается дрожащее пламя факелов. Язык с трудом ворочается во рту, цепляясь за

зубы, но Сервилий, пересиливая подкатившую дурноту, выталкивает из себя:

– Огня! Не оставим здесь камня на камне! *Delenda est Carthago!*

На ногах стоять непросто - слабость ещё не покинула тело, - и римлянин опирается ладонью о камень статуи. На каменном одеянии Танит остаётся кровавый след: Владычица Ночи в последний раз испила тёплой крови в святилище Кар-Хадташта...

...Шагая по горящим улицам, центурион думал о том, что случилось в храме Танит, и о том, кому он расскажет об этом по возвращении в Рим. Ему есть, кому рассказать: Марку и, конечно, Лукреции - в храме Весты наверняка заинтересуются. Великий Рим собирает не только богатства и оружие поверженных врагов - он подбирает и крупницы Знания. А словам патриция поверят - поверят, даже если ему нечем их подтвердить!

Но центурион Гай Сервилий никому ничего не рассказал. Уже под вечер, когда он со своими солдатами почти выбрался за черту умирающего города и уже предвкушал отдых после целого дня тяжёлого боя, возле развалин виллы какого-то состоятельного пунийца на него прыгнула громадная чёрная собака.

Пёс был страшен, свалившуюся и подпаленную во многих местах шерсть густо испятнали кровь и грязь. Собака метнулась из дымящихся руин - огонь уже умер в них - чёрной молнией и вонзила жёлтые клыки под ухо и в горло человека. Сервилий умер ещё до того, как мечи самую малость замешкавшихся солдат перебили хребет пса. Танит пришла по запаху крови за своей последней жертвой.

Из легионеров, бывших в храме и видевших птицу, в город на Тибре вернулись немногие. Кто остался в песках пустыни, сражённый копьём нумидийца, - наследники Масиниссы недолго хранили верность Риму, - кто захлебнулся в Море, когда перегруженные золотом Кар-Хадташта галеры исчезали в его волнах. Те же, кто возвратились домой, не слишком-то распускали языки - собаку они помнили и боялись мести богов побеждённых. Страх перед Неведомым - самый сильный из всех человеческих страхов. Через много лет кто-то из них, вспоминая последнюю Пуническую войну, гибель великого города в Африке и собственную молодость, говорил о чём-то непонятном, но кто примет на веру старческие бредни, да ещё рассказанные после нескольких чаш неразведённого вина! Ветераны так любят повествовать о небывалом...

* * *

Из-под зелёных крон недалевого леса (ведь там же наши дозорные, неужели их всех так быстро вырезали, что они даже не успели поднять тревоги?) выползает железная змея воинского строя. Голова змеи уплотняется, набухает, раздаётся вширь, и вот уже поперёк луга быстро и слаженно выстраивается неправдоподобно ровная стена плотно сомкнувшихся выпуклых прямоугольных щитов. И стена эта мерно и медленно, но неотвратимо движется к нам, к захваченному и разорённому лагерю.

Я наконец-то встречаюсь взглядом с отцом. В его глазах нет уже бесшабашной радости победителя, в них тревога. За меня. Отец хочет что-то сказать, но времени нет. Долг вождя берёт верх над всеми иными его чувствами.

Растерянность наша длится недолго. Война всегда полна неожиданностей, и опытные воины к ним привычны. Звучат резкие выкрики воевод, и сквозь разбитые ворота, через полуразрушенный частокол на широкий луг выплёскивается толпа людей из горных кланов. Вмиг всё поле покрывается шевелящимся мохнатым живым ковром, словно какой-то могучий колдун заклятьем обратил зелень трав в огромную волчью шкуру. Нас много, очень много! Мы уже победили их один раз, победим и снова!

Я бегу, бегу быстро и легко, крепкие ноги уверенно несут послушное тело. Лук и колчан со стрелами за спиной, плетёный из ивовых прутьев щит на левой руке, а топор, уже испивший сегодня вражьей крови, стал продолжением моей правой руки. Рядом со мной бегут мои соплеменники, я слышу их дыхание и ощущаю привычный с детства запах моего

народа - запах хищного зверя, учуявшего добычу.

Но... со мною что-то происходит. Я словно вижу всё поле битвы с высоты птичьего полёта, охватываю одним взглядом всю массу собравшихся здесь и нацеливших друг на друга смертное железо людей. Я вижу всех - и каждого по отдельности. Мое сознание разделяется, я - это уже не только я, но и какой-то другой человек. Или... *не-человек* ? Я вижу...

...Звёзды, звёзды, звёзды... Звёзды без счёта... Алые всполохи и слепящие белые вспышки... Ощущение Силы, переполняющей всё моё существо, Силы, способной гасить эти звёзды...

Мне совсем не страшно. Стена щитов впереди - уже совсем близко - теперь не кажется такой несокрушимой в своей бездушной механической мощи. Ведь...

...её же можно превратить в ничто одним движением руки, и не руки даже, а мысли. Например, Цепной Молнией... (откуда это?). Вот только зачерпнуть Силы... Силы...

Вдоль строя врагов пробегает слитное движение. Все солдаты одновременно отводят назад правые руки с зажатыми в них древками метательных копий с блестящими остриями. Поднявшееся уже солнце превратило длинный ряд наконечников в цепочку ярких огней.

— *Осторожнее!* - раздаётся вдруг в моей голове. - *Мы слишком поздно заметили тебя - мы не успеваем до тебя дотянуться!*

У меня почему-то *ничего не получается*. Я не могу *нащупать Силу*, шарю и шарю вокруг, словно ищу в темноте откатившийся в сторону и потухший факел. Остаётся только бежать вперёд и уповать на добрый боевой топор в моей руке да на такие же точно топоры в руках воинов моего народа, что бегут со мною рядом.

— *Топоры, мечи и стрелы не спасут,* - звучит в моём сознании. - *Друиды обречены, как обречены все приверженцы любых Кровавых Богов. Пройдёт не так много времени - даже по меркам этого Мира, куда ты попал, - и их сообщество рухнет. Великие Артефакты придётся прятать вне Времени, чтобы до них не дотянулась до срока неосторожная рука. Жаль, для Носителей Разума Третьей планеты будет утрачена возможность овладеть и воспользоваться магическим Знанием...*

До строя врагов осталось всего ничего, каких-то три десятка шагов, и тут солдаты Империи дружно мечут копьё. Развернувшаяся железная змея выбрасывает в нас сотни и сотни своих смертоносных жал. Удар в грудь - я на бегу отвлёк чуть в сторону щит. Совсем чуть-чуть...

Перед моими глазами внезапно появляется лицо Женщины-Без-Возраста, и на лице её неприкрытое торжество. Она довольна - очень довольна...

— *Мы не смогли помочь тебе,* - в неведомом голосе слышна скорбь. - *Наверно, мы и не могли сделать этого - пока не свершилось твоё Искушение. Значит, всё начнётся сначала. Найди её, обязательно найди! Вы должны вернуться вместе!*

Её? Лик Женщины-Без-Имени тает, и вместо него появляется лицо совсем другой женщины, прекрасное и совершенное в своей красоте. Мать? Ведь это она была и осталась для меня прекраснейшей! Нет, это кто-то другой... Это... Это... Неужели? Я вспомнил! Да, да, да! Это Она!!!

...Молодой кельтский воин, сын вождя клана и колдуньи, воин, встретивший свою первую - и последнюю в этом воплощении - битву, упал на сочную зелёную траву и умер. Четырёхгранный наконечник римского пилума, брошенного умелой и сильной рукой, вошел ему в левую сторону груди чуть выше соска и достал сердце. На упавшего почти никто не обратил внимания - до того ли в пылу сражения! Наземь валились и другие тела, а легионеры когорт, явившихся переломить ход боя, уже вырвали из ножен гладиусы и бросились в атаку, дабы смять, изрубить, искрошить и истребить нестройные толпы варваров из народа вересковых холмов.

Нидерланды, 1572 год

...Сколько мне лет, я и сама уже не знаю. Точнее, не помню. Знала, но забыла. Я видела ещё чуть ли не самые первые корабли, уносившие отчаянных храбрецов навстречу приключениям и опасностям только что открытого Нового Света. А теперь его острова и берега исхожены и заселены, и вереницы пузатых галеонов пересекают океан, неся в своих объёмистых трюмах золото и серебро, кофе и табак Света Нового для Света Старого.

Я видела очень многое в этой жизни. Я любила и была любимой, я рожала детей (где они теперь!) и нянчила внуков (у которых уже, наверное, родились их собственные дети - мои правнуки). Дети выросли, перестали нуждаться в моей помощи и опеке и разлетелись по всему свету. Что я для них сейчас! И сетовать бесполезно - таков Закон Жизни: молодость торопится и спешит, и не задумывается о том, что когда-нибудь и к ней придёт старость.

Как хочется пить! Но встать с моего убогого, покрытого драным тряпьем ложа и добрести до стоящего на полке в углу моей лачуги глиняного кувшина с водой для меня так же трудно, как вплавь пересечь океан, разделяющий Новый и Старый Свет. И где только шляется эта дрянная девчонка! Наверно, опять заигрывает с молодыми подмастерьями или с вернувшимися с лова сельди рыбаками!

Зря я так... Марта хорошая девочка - единственный близкий мне человек в этом неуютном Мире. Единственный, оставшийся мне близким - из всех, кого я встречала в своей жизни и с кем делила радость и горе. Даже мои собственные дети (не говоря уже о мужчинах - впрочем, этих-то я наверняка пережила всех), и те... Ладно, у них своя судьба...

Марте семнадцать, и из маленького исцарапанного заморыша, которого я подобрала в развалинах (это случилось вскорости после того, как воды Северного моря в очередной раз прорвали дамбу, защищающую жителей Низовых Земель от его ярости, и натворили немало бед), она превратилась в крепкую румянощёкую девицу. Мужчины теряют шляпы, оборачиваясь ей вслед... А когда она входит в дом, то моё покосившееся жилище словно наполняется светом. "Как ты, тётушка Тесс?" - ласково спросит она и заботливо поправит на мне вечно сползающее ветхое одеяло.

Потом быстро всё приберёт, приготовит еду, накормит меня, постирает, если нужно, вымоет тарелки-чашки, а потом сядет на низенькую скамеечку напротив моей постели, подперев кулачками хорошенькое личико в белом чепце, и будет обстоятельно рассказывать. О том, что одноногий Клаус, старик, которого редко кто видит трезвым, в очередной раз так нагрузился, что свалился в канал, и его оттуда еле вытащили; что толстуха Марго (не помню, имя это её или прозвище), жена молочника, принесла двойню; что гуляку и щёголя Гийома с благочестивой Гертрудой застукал её супруг (причём отнюдь не за чтением псалмов), и отделал парня палкой так, что тот уже неделю лежит пластом; что... В общем, перескажет и все остальные, не менее интересные новости. А вечером она уснёт на своей постели напротив меня, свернувшись калачиком, как набегавшийся за день котёнок.

И ещё Марта зарабатывает деньги (причём вовсе не так, как иные девицы, бесстыдно задирающие юбки перед моряками!). Нет, Марта продаёт цветы, и их у неё покупают даже знатные господа. Люди любят цветы, и это хорошо... Марта зарабатывает достаточно, чтобы прокормить и меня, и себя. Девочка умеет быть благодарной - ведь я её спасла когда-то... Жаль, скоро она влюбится, выйдет замуж и забудет обо всём на свете (в том числе и обо мне). Хотя я, скорее всего, до этого просто не доживу...

Сквозь прохудившуюся во многих местах крышу пробиваются солнечные лучики, и на полу танцуют тёплые пятна. Хорошо, когда тепло... Вот если бы ещё не так хотелось бы пить... Оловянная кружка у моего изголовья (Марта поставила перед тем, как уйти), но она уже пуста. Ничего, я потерплю, девочка ведь скоро уже вернётся...

...Я не люблю воспоминаний - что толку ворошить ушедшее безвозвратно. Но есть одно воспоминание, очень-очень яркое, которое греет меня до сих пор. Я тогда была совсем ещё девчонкой, и ни один парень ещё не сорвал поцелуя с моих губ. Я жила в тёплой стране на юге и очень любила приходить в порт и смотреть на корабли, белыми птицами

уплывающие на закат. А в тот день меня влекло к причалам с невероятной силой...

Корабль был очень красив, хотя паруса ещё не подняли, и гребные судёнышки оттаскивали каравеллу от пирса. На берегу толпилось множество народа, и это понятно - ведь корабль уходил к островам Вест-Индии, к сказочным землям, таящим несметные богатства. Я разглядывала корабль и людей, заполнявших его палубу. И тут вдруг сердце моё словно взорвалось, огонь полыхнул внутри меня и растёкся волной по всему моему телу.

Он стоял у борта, небрежно опершись рукой о планширь, и о чём-то беседовал с другим идальго в камзоле и в шляпе с пером. Ничего особенно, солдат как солдат, один из множества искателей приключений, устремившихся в Новый Свет на душный запах золота по следам адмирала Кристобаля Колона. Но мне показалось, что земля уходит из-под ног, что весь мир рушится, и что я сейчас непременно умру, если не брошусь в воду и не поплыву вслед за каравеллой. Мне казалось тогда, что на меня горной лавиной обрушилось то, что называют любовью, обрушилось, смяло и поволокло, несмотря на мои жалкие попытки сопротивляться этой лавине. Но потом, много позже, когда я эту самую любовь извела (и не единожды!), я поняла, что это было нечто совсем другое.

Он не смотрел в мою сторону, а я не отрывала от него глаз, *заставляя* его взглянуть на меня. И наши глаза встретились...

Корабль был уже довольно далеко от берега, но я ясно различила, как расширились изумлённо глаза этого человека (я как сейчас помню их выражение!), и как его лицо сравнялось цветом с белизной паруса. Он замер неподвижно, прервав на полуслове свой разговор с приятелем, а передо мной дрогнули земля, море и небеса, и я на какое-то время потеряла способность не только говорить, видеть и слышать, но даже думать...

Когда я пришла в себя, корабль уже выходил из порта. Паруса взяли ветер, каравелла чуть накренилась и некоторое время спустя совершенно скрылась из виду. Этот случайный человек исчез из моей жизни - я никогда его более не видела. Наяву.

Несколькими годами позже (прошло, кажется, лет шесть или около того), когда я уже была замужем и готовилась произвести на свет своего первенца, мне приснился очень странный сон.

...Какой-то огромный город, совсем не похожий на наши города; люди, видом своим и цветом кожи разительно от нас отличающиеся; дома и дворцы - совершенно не такие, как здесь...

...Ступенчатая каменная пирамида, и люди на её плоской вершине. Смуглокожие люди с непривычным оружием - с дубинами и копьями, полуголые или в плащах из перьев, и люди связанные - с бородами и белой кожей, хоть и загорелые дочерна...

...И среди тех, которые были связаны, - он. Тот самый идальго, что стоял на борту уплывающей навстречу Судьбе каравеллы. Тот, с которым мы не обменялись ни единым словом...

...А потом его убили - повалили на залитый кровью камень и вырвали из груди ещё трепетавшее сердце. Убили - и я не смогла этому помешать...

Я никогда и никому об этом сне не рассказывала (даже Марте), но с той самой ночи в сердце моем поселилась боль. И всё-таки я жила, и дожила до той поры, когда потеряла счёт прожитым годам...

Кроме Марты и этого воспоминания, есть ещё одно, что поддерживает во мне чуть теплящийся огонёк жизни и придаёт моему затянувшемуся существованию хоть какой-то смысл. Это мои видения. Может быть, видения эти - самое главное из того, что у меня осталось (или даже из всего того, что у меня когда-либо было).

Назвать их просто снами было бы неправильно, поскольку зачастую видения посещают меня наяву, когда я бодрствую. Когда слабеет и отказывается повиноваться тело, разум иногда обостряется. Так получилось и со мной. Я вижу...

...Звёзды, звёзды, звёзды... Звёзды без счёта... Голубые молнии и слепящие белые вспышки... Ощущение Силы, переполняющей всё моё существо, Силы, способной гасить эти звёзды...

Я буквально купаюсь среди звёзд, я пересыпаю их из ладони в ладонь, словно пригоршню драгоценностей (которых у меня никогда и не было). И я - это не та я, которая живёт здесь, в этом маленьком Мире, пропитанном жадностью, завистью и злобой (справедливости ради надо признать, что в Мире этом есть всё-таки кое-что хорошее - например, девочка Марта), а совсем иное *сверхсущество*, перед возможностями которого меркнет всё, на что способен Бог-Отец, чтить коего заставляет мать наша святая католическая церковь.

Я не боюсь таких еретических мыслей (хотя здесь и сейчас, когда добрейший Филипп II, король испанский, прислал в Низовые Земли герцога Альбу Кровавого для искоренения любого свободомыслия костром и мечом, они очень даже могут привести к аутодафе). Мне ли цепляться за земное бытие! Я столько видела и испытала, - и плохого, и хорошего, - что иному человеку с лихвой хватило бы на несколько жизней! Тем более теперь, когда я знаю, что смерти нет.

– *Колесо Перерождений вращается, вращается непрерывно, хотя и медленно - особенно на взгляд того, кто втянут в его вселенское вращение. Искушение закончится, закончится рано или поздно, -* говорит мне неведомый голос, который слышу только я.

Лучше бы пораньше, конечно... Уж больно тоскливо влачить такое жалкое существование после осознания того, кем ты была, и кто ты есть на самом деле...

– *Потерпи, Королева, -* утешает голос. – *Мы обязательно придём и заберём и тебя, и его - вы снова будете вместе, и теперь уже навсегда. Даже если мы не успеем на этот раз, то мы непременно...*

Ну какая я королева! У любой - даже самой захудалой - королевы найдётся хоть одна служанка, чтобы принести её величеству воды... Как я хочу пить...

...Наверно, я задремала: лучи солнца, проникающие сквозь дыры в кровле, из прямых полуденных сделались косыми вечерними. А Марты всё нет, хотя ей давно пора бы вернуться... Несколько раз мне казалось, что я слышу стук её деревянных туфель-сабо на улице, но нет, это мне всего-навсего казалось...

И вдруг сердце мне сжимает такая боль, что даже та, другая боль, моя вечная боль отступает перед этой новой болью и испуганно прячется в самых потаенных закоулках моей души. Я вижу, что произошло, понимаю, что случившееся непоправимо, и от понимания этого мне хочется выть и кататься по полу. Вот только сил на это у меня нет - совсем нет...

Этой жирной свинье - я и имени-то его произносить не хочу! - самое место в Аду, в том самом Аду, которым эти святоши так любят пугать простодушных крестьян и ремесленников. И гореть ему в этом Аду веки вечные! Как же это я, выжившая из ума старая дура, не догадалась предостеречь мою девочку, мою Марту...

Этот похотливый мерзкий боров, нагулявший чресла на обильной церковной жратве и прикрывающий именем Христовым все свои мелкие и крупные пакости, давно уже приглядывался к Марте. Она мне что-то такое рассказывала, я припоминаю, но я тогда слушала её вполуха (опять, наверно, грезил о своём былом) и не обратила на рассказ девочки должного внимания.

Его служки, двое дюжих и тупоголовых парней, схватили бедняжку ещё утром, когда она только ещё шла к рынку, неподалёку от которого и продавала цветы Альберта-цветовода. Сам-то монах идти поостерёгся, проклятая скотина, послал своих наёмников! Знает, что Марту любят, чего нельзя сказать о католических священниках - легко можно нарваться на крепкое словцо или на плевков в рожу, а то и получить булыжником по тонзуре.

Девушку приволокли к нему именем Христовым - поэтому-то её и не отбили по дороге (хотя случись там тот же Людерс или кто-нибудь из гёзов...) - и втолкнули в большую комнату с камином, со столом, ломившимся от вин и снеди, и с пышным ложем. Служители бога обожают умирщвлять плоть...

Служки, повинувшись кивку инквизитора (с недавних пор эта плесень рода человеческого получила право карать и миловать именем Святой Инквизиции), вышли, а бедная моя девочка забилась в угол перепуганным зверьком.

А этот выродок сидел за столом, ел и пил, и время от времени поглядывал на Марту своими масляными поросычыми глазками и почёсывал свое волосатое брюхо (и то, что пониже брюха). Я не знаю, что он ей там говорил (я ведь умею только видеть, но не слышать), но в конце концов (судя по жестам) святоша приказал девушке раздеться, встал с дубового кресла и направился к ней, чтобы помочь ей в этом - если она не поторопится выполнить его волю.

Будь он проклят, этот Мир, населённый такими (и ещё худшими) Носителями Разума! Будь я той, *прежней*, клянусь, я не пожалела бы времени и Силы, чтобы залить его очистительным голубым огнём от горизонта до горизонта! Может быть, когда-нибудь я именно так и поступлю - если вернусь, и если Чаша Терпения переполнится.

А дальше... Марта вдруг увернулась от жадных рук, дикой кошкой прыгнула к столу и схватила широкий и острый нож для дичи. "Не подходи!" - закричала она (это я прочла по её губам). Но монах только ухмыльнулся и снова пошёл на неё - бежать-то бедняжке всё равно было некуда. И тогда Марта в отчаянии неуловимо-быстрым движением чиркнула его лезвием по толстому животу - точнее, чуть ниже.

Наверно, он завизжал так, что любая свинья тут же сдохла бы от зависти. На истошный визг вбежали слуги и остановились у дверей, переводя ошалевшие от полного непонимания происходящего глаза с растрёпанной девчонки с ножом в руке на оравшего от боли толстяка. А тот только зажимал обеими ладонями (меж пальцев так и бежали струйки крови) низ живота и не мог ничего толком объяснить - лишь мотал своей плешивой головой. А потом...

Служки наконец-то сообразили, что надо делать, и кинулись было к Марте, но она вдруг совершенно неожиданно (даже для меня!) полоснула ножом себя по горлу и мягко осела на пол...

Кто бы мог подумать, что у моей маленькой нежной Марты душа истинной Звёздной Валькирии...

— *Воздаяние придёт*, - шепчет голос в моём сознании. - *Те, кто сжигает во имя бога людей на кострах (живём!) ничуть не лучше тех, кто режет их на жертвенниках. Они все обречены - и те, и другие. Воздаяние придёт.*

Я знаю, что так и будет. Величие Испании, воздвигнутое на крови, уже клонится к закату. Пиратские корабли, словно хищные рыбы, год за годом вырывают жирные куски из боков торговых караванов, что косяками тянутся из-за океана. Пылают приморские города Америки; серебро, добытое рабами в норах рудников под плетью свирепых надсмотрщиков, перекочёвывает в другие руки - впрочем, в не более чистые руки. И всего через шестнадцать лет (я вижу, как это будет) гордый флот испанцев - Непобедимую Армаду - расстреляют английские пушки в Проливе. И остовы великолепных галеонов проглотит бурное Северное море. И отсюда, из Низовых Земель, солдат короля Филиппа выгонят поганой метлой. Воздаяние придёт. Но мне-то что до этого? Кто вернёт мне мою Марту, и кто даст мне напиток?

— *Королева, ты должна быть выше всего этого. Ты, существо Высшей Расы...*

— *А я сейчас не Королева!* - беззвучно кричу я в ответ - на беззвучный крик сил у меня ещё хватает. - *Я просто одинокая старая женщина, у которой отняли последнюю радость в жизни - в жизни, которой и осталось-то всего ничего... И я хочу, чтобы те, кто посмели обидеть мою девочку, были наказаны! Здесь! Сейчас! В этом воплощении! И ещё я так хочу пить...*

...Тётушку Тесс нашли мёртвой в своей постели три дня спустя. Соседи заметили, что резвой птички Марты что-то давненько не видно, да ещё надрывно выла собака в соседнем дворе. Старую женщину похоронили скромно, и на маленьком кресте написали только имя и дату смерти - даты её рождения никто не знал.

И ещё некоторое время пищу для пересудов давала странная смерть монаха-инквизитора. В день похорон тётушки Тесс его обнаружили бездыханным, и на посиневшем лице священника застыло выражение непереносимого ужаса. На горле инквизитора остались следы маленьких пальцев, похожих на женские, но невероятно сильных - у монаха оказались

размолоты в мелкую крошку все шейные позвонки. Погибли и оба его прислужника - в тот же самый день. Одного из них искусила непонятно откуда появившаяся и неизвестно куда исчезнувшая бешеная собака, и он испустил дух в страшных мучениях; другой точил топор и умудрился (наверно, по неосторожности) перерезать себе глотку - причём так основательно, что без малого отделил голову от туловища.

Впрочем, эти таинственные смерти не слишком долго занимали внимание горожан - слишком грозные события надвигались. По всей стране всё ярче разгоралось пламя войны - войны лесных и морских гёзов против испанцев.

* * *

Семьдесят два стандартных года тому назад, II век до н.э.

- *Какая неожиданность! Кто бы мог подумать... Однако успех, пусть даже косвенный, - это всё-таки успех. Мы спасли сестру - выхватили её прямо из-под мечей ворвавшихся в храм Танит солдат. Две магические инкарнации: Зелёная Мать и Звёздная Валькирия. Объединение Пяти Доменов обрело ещё одну Магиню. И какую! Недаром мне показалось поначалу, что это Таэона.*

- *Но твои Мудрые всё-таки ошиблись, Селиана. Почему, кстати? Спасённая - ценное приобретение для Объединения, но...*

- *А вот это вопрос очень интересный, Королева. Мы слишком мало знаем - по правде говоря, вообще ничего не знаем, - о том, что происходит с Первичными Матрицами в Тонких Мирах. Как, в какой форме они там существуют? Как они взаимодействуют между собой и с Мирозданием? Каким неизвестным даже эским законам подчиняются? Есть предположение, что совершенные Души как-то общаются с Сущностями своего уровня Восхождения, и для них время пребывания в Тонком Мире не является просто временем сна или отдыха между очередными инкарнациями.*

На Спасённую мы обратили внимание задолго до последнего штурма обречённого города на берегу Срединного Моря. В её магическом спектре, который мы тщательно просканировали, чётко просматривались следы магии Зелёных Дарителей и следы нашей собственной магии. Более того, мы заметили уникальные нити, присущие магии Первой Королевы - твоей матери, Энна, - мыслеобщаясь с Королевой Эн-Риэнантой наедине, Глава Синклита иногда называла свою воспитанницу её детским именем. - Но Спасённая не была Таэоной! Возможно лишь одно разумное объяснение: она встречалась с Натэной в Тонком Мире и кое-что от неё переняла. Вот и объяснение нашей, как ты выразилась, ошибки.

* * *

Шестьдесят стандартных лет тому назад, II век от Рождества Христова

- *Да, это был он. Нам не удалось забрать его в физическом воплощении или хотя бы перехватить его Душу в момент Ухода. И мы не смогли отвести в сторону метательное копьё - оно пробило грудь этому молодому воину. Заклятье друидессы оказалось слишком сильным... Между прочим, её чародейство - это наследие колдовского умения магов Погибшего Острова.*

- *Погубленного обломком разрушенной нами планеты-убийцы...*

- *Да, того самого острова. Мне до сих пор жаль, что мы допустили такое. Если бы не растерянность, охватившая всех Магов Объединения после гибели Первой Королевы и Соправителя... Не думаю, что сильно ошибусь, если скажу, что весь ход развития разумной расы на Третьей планете мог бы пойти совсем по иному пути. На Острове существовал сильнейший Источник самобытной магии, но он иссяк... Не знаю, окажут ли серьёзное влияние на будущее те редкие капли чародейных знаний, что разлетелись по всему лику*

Третьей после разрушения Колыбели Магии, каковой, по сути, и был Погибший Остров. А Коувилла надо искать снова.

- А Тазона?

- Её достоверных следов пока нет, Королева.

** * **

Около пятнадцати стандартных лет тому назад, XVI век.

Пятнадцать стандартных лет тому назад...

- Воитель всегда остаётся Воителем - он всегда норовит попасть туда, где звенят мечи. Если бы он не был под магией... Хотя нет, вы бы всё равно не успели - слишком поздно обратили внимание на этого искателя приключений. А эта женщина с магическим огоньком - Тазона?

- Да, это были они. Твой отец сумел задержать немного жертвенный нож, но... Влияние мрачной магии Кровавых Богов плюс Закон Искупления. Я не смогла дотянуться до него, и он умер на камне для жертвоприношений.

- А мать? Почему вы не забрали её?

- Закон Искупления - одна из форм Закона Равновесия. За бывшее величие приходится платить. Мы не смогли забрать Первую Королеву, даже когда поняли, что это именно она. Заклятье не выстраивалось, не фокусировалось - искажения оказались слишком велики. Мы не смогли зацепить её, Эн-Риэнанта. Та старая женщина так и умерла в своей лачуге. Правда, последняя её просьба была исполнена - это сделала Спасённая. А забрать... Закон Искупления не обойти. Вот если бы они оба были вместе, рядом, тогда...

- Вместе, - задумчиво произнесла вслух Звёздная Королева. - Рядом... А ведь на этот раз они жили в одно время, и могли встретиться. Может быть, они даже видели друг друга... Значит, воплощения Разыскиваемых всё ближе совпадают по времени? Так, Селиана?

- Так, Королева, - ответила Глава Синклита Мудрых - тоже вслух.

** * **

Три с половиной стандартных года назад, 1900 год.

- Итак?

На сей раз Звёздная Королева пользовалась звуковой речью - в сотворённом чертоге присутствовала не одна Селиана, но весь Синклит Мудрых - ещё четыре Магини и два Мага, готовые дополнить слова своей Верховной. А перед эсками медленно вращался в воздухе голубой шар - точная копия-фантом Третьей планеты.

- Они здесь, - произнесла Глава Синклита с оттенком торжественности.

- Боюсь, я тебя не совсем поняла, - нахмурилась Эн-Риэнанта. - Вы их нашли?

- "Нашли", в конечном смысле этого понятия, - пояснила Селиана, - означает, что и Первая Королева, и Соправитель Коувилл снова пребывают в Мирах Объединения Пяти Доменов - во всей совокупности воплощённой Сущности. Нет, мы не нашли их. Но! Теперь я могу с полной уверенностью сказать, что именно Мир Третьей планеты системы Жёлтой звезды, Мир, убивший Натэну и Эндара, стал для их Первичных Матриц основной точкой притяжения. Сюда они и будут возвращаться раз за разом, пока...

- Пока? - тонкие пальцы Королевы чуть дрогнули.

- Пока Поиск не завершится успехом, - уверенно сказала Мудрая. - Тебе известно, что область Тонкого Мира, ставшая точкой Исхода и Возврата Разыскиваемых, связана с целой системой Сопряжённых Миров, поэтому воплощение этих Душ равновероятно в любом из них. Однако существуют некие доминанты, которые - по крайней мере, для меня, - были определены недостаточно. Мы приобрели бесценный опыт - Маги-эски тоже учатся.

Неведомое, оно...

– Мудрая Селиана, - мягко, но настойчиво перебила её Эн-Ризнанта, - ты всегда была и остаёшься великолепным Учителем, но сейчас мне хотелось бы...

– Извини, я несколько увлеклась. Ты права, оставим теоретизирования. За эти годы мы получили налёты, которые очень помогут в дальнейшем, и выявили закономерности, резко сузившие сферу Поиска.

Первое: Мир Третьей - это то самое место, где Разыскиваемые уже воплощались, и где они воплотятся снова. Конечно, существует вероятность их попадания - случайного - в какой-то из других Миров, но вероятность такого отскока исчезающе мала. Мир, который они спасли, - это теперь их Мир. И за прошедшие с начала Поиска триста лет, - добавила Селиана, предупреждая вопрос Королевы, - в Мире Третьей мы заметили около ста Предполагаемых, тогда как во всех смежных Реальностях - чуть больше десятка.

Второе - Закон Парности. Созданные друг для друга Инь и Янь с непреодолимой силой тянутся друг к другу. Реинкарнации давших тебе возможность воплотиться будут всё ближе совпадать по времени - ты сама это заметила. Значит, мы должны разыскивать сразу двоих, то есть ориентироваться на пару. Я ничуть не удивлюсь, если сейчас они проходят очередной Круг рядом - как муж и жена, например.

Третье: разыскивать Таэону и Коувилла среди занимающих высокое положение в социуме Носителей Разума Третьей бессмысленно. Эндар не будет премьер-министром, а Натэна не явится царицей. Они будут теми, кого называют простыми людьми - правда, наделёнными незаурядными (пусть даже спящими) способностями.

– Почему ты так в этом уверена? - спросила Владычица с некоторым недоверием.

– Закон Искупления, Королева Эн-Ризнанта. Вкусившие Власть - вкусившие в полной мере - в последующих воплощениях отбрасываются на несравненно более низкие ступени любых иерархий, существующих у любых Разумных. Проклятый и благословенный Закон...

"Так вот оно что, - внезапно поняла дочь Таэоны. - Мудрая Селиана... Так вот почему ты никогда не стремилась - и не будешь стремиться! - к верховной власти. Ты знаешь, чем тебе придётся за это платить. Мудрая Селиана...".

– ...который к тому же затрудняет изъятие Разыскиваемых - именно так и получилось с воплощениями твоих родителей пятнадцать стандартных лет назад. И наконец, четвёртое, - закончила Глава Синклита, оставив без внимания мысль Королевы, - магические Сущности тянутся к любым очагам магии, к любым её проявлениям. Генерируется всплеск колдовских способностей, который можно засечь. Так было со Спасённой - жрицей Танит. Магические культы Мира Третьей могут быть для нас своеобразными маяками в ходе нашего Поиска. Но здесь есть одна неприятная особенность, вызывающая дополнительные затруднения. Если Предполагаемые находятся под магией, то их изъятие и защита существенно усложняются. Конечно, наша магия мощнее, однако местное чародейство гораздо ближе к объекту Поиска, и поэтому...

– Понятно. Окажись Разыскиваемые в сфере воздействия колдовства, их легче будет заметить из-за активации их собственных наклонностей, но значительно труднее забрать - и защитить от возможных нежелательных случайностей. Верно?

– Совершенно верно, Королева, - подтвердила Мудрая. - Местная магия вмешалась в судьбу и пронзённого дротиком молодого варвара, и авантюриста, зарезанного на алтаре Кровавых Богов.

– Влияет только местная магия? - спросила вдруг Эн-Ризнанта - А привнесённая?

– Привнесённая? - заметно было, что Селиана задумалась.

– Позвольте дополнить, - вмешалась одна из молчавших, но внимательно слушавших Магинь Синклита. - Привнесённая магия - это почти наверняка наша магия, магия эсков. А её мы всегда можем отследить и нейтрализовать.

Отпустив Мудрых, Королева попросила Селиану остаться - ещё не всё было сказано.

– Разыскиваемые тянутся к магии. Плохо, что здесь, - Эн-Ризнанта кивнула в сторону фантомной копии Третьей планеты, - магия слишком тесно связана с культами Кровавых

Богов. А эти культы...

– ...неизбежно обречены, Королева. Причём суть культа не меняется от того, кто или что выступает в качестве Кровавого Бога: персонифицированный Молох или Уицилопочтли, или религия, во славу которой убивают, или даже идея, во имя которой убивают тоже. Это ничего не меняет, и обречённость остаётся. Кровавые Боги - это косвенные порождения Чёрных Разрушителей, творения Несущих Зло. А может быть, - чем Хаос не шутит! - даже и сгинувших в незапамятные времена Чуждых.

Обе Хранительницы, темноволосая Королева и златокудрая Мудрая, замолчали, следя за голубым шаром. Таким маленьким, - по меркам Мироздания, - но вмещающим в себя так много.

– И ещё, Королева, - нарушила молчание Селиана. - Мне кажется, что на Третьей запущен Эксперимент.

"Когда Маг говорит "мне кажется", это означает, как правило, "я уверен". Тем более если Маг этот - ни кто иной, как Глава Синклита Мудрых Объединения Пяти Доменов, - подумала Эн-Риэнанта. - Ох уж эти ритуальные фразы..."

– На первый взгляд, это не должно оказать серьёзного влияния на наш Поиск, - продолжала Селиана, не отрывая глаз от фантома, - но... Магия Дарителей Жизни зачастую малопонятна другим Магам, - даже этим всезнайкам Серебряным, - равно как и движущие Садовниками мотивы. Ведя Поиск, я и мои Мудрые (можно сказать, случайно) наткнулись на кое-какие странные следы в эгрегорах народов, населяющих Третью, и эти следы вполне могут оказаться следами очень масштабного и долгосрочного, нацеленного в будущее, чародейства Зелёных Колдуний. Причём чародейства, хорошо укрытого от Поисковых Заклятий - прежде всего от наших заклятий и от заклятий Алых Воителей. К чему бы это? Творившие волшбу понимали её запретность и маскировали колдовство сознательно?

– Ещё одна Трансмутация? - отрывисто спросила Королева. - Но зачем? Неужели...

– Именно так, Королева. Превращение человека в эска. Причём превращение какой-то незначительной, отобранной по произвольному - по племенному или расовому, например, - признаку только части Носителей Разума этой Юной Расы, а далеко не всех. И сделать это предполагается искусственно, не считаясь с объективными вселенскими Законами. Ты понимаешь, к чему это может привести?

– Такое карается, Селиана, - жёстко бросила Эн-Риэнанта.

– Карается, - согласилась Мудрая. - Поэтому-то заклетье - точнее, серия заклятий, - и спрятано. А почему я считаю, что мы имеем дело с самодеятельностью... Такого рода сложнейшие системы Великой Волшбы очень редки и требуют совместных усилий многих сотен - если не тысяч - зелёных эсков. Сил одной кроны³ может и не хватить, и тогда последствия окажутся непредсказуемыми. А между тем количественная оценка уровня чародейства показала, что число задействованных для его творения Магов не превышало семи сотен! Я бы на твоём месте поговорила с Дриадой по имени Тллеа.⁴

"С этой своенравной и замкнутой особой, которая постоянно носит защиту, словно находится среди врагов, и держится отчуждённо - слишком отчуждённо даже для Зелёной Колдуньи, которые обычно общаются всё-таки с другими Высшими. И достаточно охотно - особенно если дело касается тантрических контактов. Ну что ж, на своём месте я непременно поговорю с ней, и серьёзно поговорю. Спасибо тебе, наставница".

* * *

³ Крона - одна из структурных единиц иерархии Зелёных Дарителей Жизни. Подробнее об иерархиях эсков-Магов в романах "Страж звёздных дорог" и "Горький привкус власти".

⁴ Об Эксперименте и его последствиях в романе "Вкрадчивый шёпот Демона".

Оригинал фантома - голубой шар Третьей планеты системы Жёлтой звезды вращался и вращался, продолжая свой подчинённый законам небесной механики (а также иным Законам, ещё неведомым Юной Расе этого Мира) бег сквозь чёрный бархат Познаваемой Вселенной. И вращался Круг Перерождений - Колесо Санасары, - вовлекая в себя мириады Первичных Матриц - Бессмертных Душ. И где-то там, среди водоворота взлетающих и падающих Капель Разума, неслись две всё ближе сходящиеся капли - те, что были некогда Натэной и Эндаром (или Тазэной и Коувиллом). В новых воплощениях их будут звать иначе, но ведь совсем неважно, какие имена присвоены физическим оболочкам, сделавшимися временными пристанищами для двух мятущихся Душ - для двух Сущностей, созданных друг для друга.

Но в очередной раз просыпалась накопившая силы Тьма и подползала, готовя удар. Близилось...

ВРЕМЯ ПРИШЕСТВИЯ ЧЁРНЫХ

...не так давно (особенно по меркам Познаваемой Вселенной) - всего около ста земных лет тому назад...

...где-то невообразимо далеко - на стыке многих измерений и Миров. В абсолютных координатах Мироздания - в области, примыкающей к центру Галактики...

...две Сущности, два объёма чистого сознания, не имеющие ни плоти, ни формы, ни цвета (хотя нет, цвет-то как раз присутствует, и умеющий видеть различил бы этот цвет - чёрный)...

...вели разговор (точнее, прямой обмен информацией, происходящий непонятным для человеческого восприятия способом) - очень странный, на неискушённый взгляд, разговор.

Сущности легко могли бы принять обычный для них человекоподобный облик, им так даже легче, но... Чёрные эски-Разрушители пребывают в состоянии вечной войны со всеми разумными во Вселенной, и их ищут, ищут упорно и неустанно. Поэтому никогда они не должны забывать о маскировке Башни - одной из основных своих баз в этой Галактике.

- Я попросил бы тебя, Майор Мегадер, высказаться яснее. Я не совсем уловил общий ход твоих рассуждений. По всем законам Познаваемой Вселенной единичный Носитель Разума Юной Расы - величина исчезающе малая и, следовательно, пренебрежимая. Мне не ясно, каким образом данный абориген может повлиять на успех Проникновения.

- Прошу простить, Полковник Эддарис. Я постараюсь прояснить сложившуюся ситуацию, насколько это мне представляется возможным. Область Мироздания, каковая является операционным районом моего батальона, находится под пристальным вниманием одного из королевств Хранителей - Объединения Пяти Доменов. Королева Эн-Ризнанта оказалась достойной дочерью своей матери, Тазэны; Объединение Пяти - одно из немногих королевств Звёздных Владычиц, сохранившее устойчивость в течение почти пятисот стандартных лет, и при этом...

- Избавь меня от исторических экскурсов, Мегадер. Не вижу связи между этой несомненно достойной правительницей и морским воеводой выбранной нами страны на Третьей планете системы Жёлтой звезды. Напомню, что операционным районом моей бригады является не только данная Галактика и ряд соседних, но и значительное число смежных Реальностей. Здесь организовано несколько десятков очагов Проникновения, и мне несколько затруднительно вникать в детали каждого отдельно взятого случая. Приходится полагаться на добросовестность командиров батальонов.

- Ещё раз прошу прощения, Полковник, но связь имеется: благодаря энергичным действиям вышеупомянутой особы - я имею в виду Эн-Ризнанту - весь контролируемый ею сектор Миров практически полностью закрыт для Проникновений. Любое появление наших сил незамедлительно отслеживается - со всеми вытекающими отсюда последствиями. Нам пришлось перейти к тактике косвенных вторжений, к ментальным воздействиям на эгрегоры. Пришлось даже отказаться - надеюсь, временно, - от рейдов в Смежные Миров в

этой части Познаваемой Вселенной: несколько раз - семь, если быть точным, - мы терпели здесь неудачи, связанные с ощутимыми для нас потерями. План Проникновения на Третью планету появился недавно, и он предусматривает несколько другой подход к решению стоящей перед нами Задачи, нежели ранее используемый.

Мы работаем с Выбранной страной почти полтора года - около пятидесяти туземных лет - короткими стремительными бросками с использованием фантомных копий. Эти наши Тени вносят нужные нам изменения в то, что местные философы называют коллективным сознанием, причём для магического прикрытия приходится задействовать всю совокупную мощь моего батальона.

Мы контролируем ход развития Выбранной страны исподволь, и в сложившейся ситуации - учитывая мощь Объединения Пяти - только так мы можем рассчитывать на успех. Эта страна идеально отвечает условиям Задачи: она обширна, имеет громадный духовный потенциал - надо лишь направить его в требуемое русло. В стране зреет недовольство, и этим обстоятельством можно и нужно воспользоваться.

Позволю себе напомнить, Эддарис, что всё должно выглядеть предельно естественно, то есть укладываться в рамки обычных схем развития социумов Носителей Разума. Только в таком случае мы избежим повышенного и нежелательного для нас внимания к Третьей планете со стороны Звёздных Валькирий. Выбранная страна сейчас находится в состоянии войны с молодой и хищной Островной империей - это естественно и обычно, и описывается стандартными категориями.

Но для осуществления Плана представляется абсолютно необходимым, чтобы Выбранная страна эту войну проиграла - тогда и только тогда мы получим требуемое обострение ситуации. А этот морской воевода, как вы выразились, может быть - как бы это парадоксально не звучало - помехой.

- Ну и что? Неужели настолько трудно погасить это возмущающее влияние? Даже странно слышать такое от Мага!

- Напрямую это не представляет никакой сложности. Но всё дело в том, что как раз напрямую-то мы и не можем действовать. Повторюсь, но произойти всё должно предельно естественно...

* * *

Склянки пробили полночь. Смена вахт - и сменившийся вахтенный офицер уже предвкушает тепло заслуженного отдыха, а перед заступающим лейтенантом четыре томительных часа "собачьей вахты"⁵, когда более всего хочется спать. А за спиной крепость и город, в котором ни огонька; тихий и тёмный внутренний рейд с замершими на нём чёрными громадами броненосцев и крейсеров. Конечно, на мостиках дозорных кораблей бдят, цепко вглядываются в промозглую ночную мглу, но на других надежды, а сам...

Ведь всего два месяца назад, в ночь с 26-го на 27-е января 1904 года, двенадцать японских миноносцев быстрыми тенями возникли на внешнем рейде Порт-Артура и атаковали русскую эскадру, стоявшую там без всяких мер предосторожности - без чётко организованной дозорной службы, без опущенных противоминных сетей и даже с непогашенными огнями.

Результат скоротечного боя оказался печален - торпедами были подорваны два лучших броненосца "Цесаревич" и "Ретвизан" и крейсер "Паллада". Командующего эскадрой вице-адмирала Старка сняли, но инициатива в действиях на море полностью перешла в руки японцев. Русский флот понёс и дополнительные потери - после отчаянного боя днём 27-го

⁵ "Собачья вахта" или просто "собака" - вахта с полуночи до четырёх часов утра на военно-морском (и просто морском) сленге.

января в корейском порту Чемульпо пришлось затопить "Варяг" и "Кореец", а под Порт-Артуром в первые же дни войны подорвались на собственных минах и затонули лёгкий крейсер "Боярин" и минный заградитель "Енисей". После всех этих ошарашивающих событий Тихоокеанская эскадра укрылась на внутреннем рейде Порт-Артура и не высовывала оттуда носа.

А адмирал Хейхациро Того, командовавший японским флотом, и не думал почивать на лаврах. Отряды его миноносцев постоянно хищно кружили вблизи Порт-Артура по ночам, отходя лишь в светлое время суток, чтобы не оказаться под жерлами береговых батарей. Заградители заваливали внешний рейд и подходы к нему сотнями мин, а 11-го февраля японцы предприняли попытку закупорить выход из внутренней гавани брандерами.

Правда, на этот раз противника заметили вовремя. Под ураганным огнём кораблей сторожевого охранения и береговых батарей три гружёных камнем парохода выбросились на берег, а два других затонули вне фарватера. Этот ночной бой был единственным успехом русского флота с начала войны.

Русская эскадра воспряла духом 24-го февраля - после приезда в Порт-Артур нового командующего флотом вице-адмирала Макарова. Так уж сложилось, что в лихую годину Россия всегда нуждалась в "спасителях Отечества", и адмирал оказался той самой козырной картой, которая требовалась управляющим огромной страной для выигрыша в кровавой и страшной игре, ведущейся человечеством с незапамятных времён и именуемой войной.

Этот человек, влюбленный в море и в морскую войну, был тем, кого во все века и лета называли подвижниками. Море и корабли были смыслом его жизни, и за свои прожитые пятьдесят пять лет Макаров успел сделать невероятно много.

"Корабли не должны тонуть!" - сказал он себе после гибели броненосной лодки "Русалка", и появилась теория и практика борьбы за живучесть и непотопляемость (таких и терминов-то раньше не слышали!). Командуя стационаром "Тамань" в Стамбуле, капитан 2-го ранга Макаров, вместо того, чтобы наслаждаться безмятежной стоянкой в иностранном порту и дипломатическими приёмами, занялся исследованиями течений в Босфоре, что никоим образом не входило в его служебные обязанности. Тихоокеанские тайфуны швыряли как щепку корвет "Витязь", неугомонный капитан которого - Степан Осипович Макаров - вознамерился проникнуть в тайны этого океана и сделал это. Стоя в рубке построенного по его проекту ледокола "Ермак", адмирал Макаров слушал скрежет тяжёлых арктических льдов за стальными бортами и думал: "К полюсу - напролом!", ещё не подозревая, что через восемь десятков лет так оно и будет.

Курьёзный случай на артиллерийском полигоне, на который и внимания не обратили, не остался незамеченным Макаровым. Броневая плита, случайно повернутая незакалённой стороной к орудью, оказалась пробитой насквозь - из этого пустяка родился "макаровский наконечник" из мягкой стали; снабженные им бронебойные снаряды легко прошивали доселе неуязвимую гарвеевскую и крупновскую броню. Минное дело и замысел создания тяжело бронированного корабля со значительным числом крупнокалиберных орудий (совсем скоро в волны морей грузно сползут первые дредноуты) - адмирала интересовало все, так или иначе относящееся к войне на море.

Одним из первых он взялся за разработку основ тактики паровых броненосных флотов, пришедших на смену парусным. В России его "Тактика" так и не была издана при жизни адмирала, однако её перевели на другие языки, и способные ученики очень даже нашлись - одним из них был японский морской офицер Хейхациро Того. И первым в мире Макаров применил на практике последнюю военно-морскую техническую новинку того времени - самодвижущуюся мину (торпеду) Уайтхеда.

Позор поражения в Крымской войне, когда русский флот, едва смыв с бортов пороховую гарь Синопа, вынужден был затопиться в севастопольской бухте, бессильный противостоять паровым линейным кораблям англичан и французов, жёг сердца патриотов - и Макарова в том числе. Андреевский флаг, впитавший славу Гангута, Чесмы и Наварина, на двадцать лет был изгнан с Чёрного моря. И поэтому в очередной русско-турецкой войне

1877-1878 годов броненосному флоту турок, состоявшему из выстроенных с английской помощью мониторов, противостояли только быстроходные пароходы Добровольного флота, переоборудованные во вспомогательные крейсера.

Макаров командовал тогда пароходом "Константин" с четырьмя минными катерами на борту. Экипажи углых судёнышек с мужеством камикадзе били в борта турецких кораблей шестовыми минами, а в ночь на 14 января 1878 года спущенные с "Константина" катера "Чесма" и "Синоп" атаковали двумя торпедами стоявший на рейде Батума турецкий сторожевой пароход "Интибах". Обе самодвижущиеся мины попали в цель, "Интибах" затонул, открыв собой длинный - из тысяч и тысяч кораблей и судов - список жертв торпедного оружия, далее непрерывно пополнявшийся в ходе всех войн на море.

И теперь, прибыв на Дальний Восток, адмирал взялся за дело со всей присущей ему энергией. Он организовал траление, разведку и дозорную службу, налаживал взаимодействие флота и берега. Выставлялись линии оборонительных минных заграждений, оборудовались новые береговые батареи, прожекторные посты и посты связи. Всю эскадру изумил поступок Макарова, когда адмирал лично вышел в море на быстроходном небронированном лёгком крейсере "Новик" на помощь к погибавшему в неравном бою миноносцу "Стерегающий"

Макарова отнюдь не гипнотизировало превосходство японского флота в силах, он совсем не считал русскую эскадру неспособной противостоять противнику и намеревался предложить Того генеральное сражение сразу после введения в строй повреждённых 27 января кораблей. А пока командующий русской эскадрой придерживался активно-оборонительной тактики, призванной сорвать переброску японских войск на материк и держать их флот в постоянном напряжении. В море чуть ли не каждую ночь направлялись отряды миноносцев, владивостокский отряд в составе броненосных крейсеров "Россия", "Громобой" и "Рюрик" получил приказ развернуть широкую рейдерскую войну против судоходства противника (для чего, собственно, эти корабли и были построены).

Макаров ясно сознавал, что вся русско-японская война - это прежде всего война на море, и что её исход решит противоборство флотов. Напрочь лишённый сентиментальности, которая так часто мешает военачальнику посылать своих солдат на смерть⁶ (стоит ему только вспомнить, что его подчинённые не просто одетые в форму боевые единицы, но ещё и люди), адмирал считал вполне приемлемыми равные потери в морских боях, поскольку русский флот располагал значительным резервом сил на Балтике.

Возросшая активность русских была немедленно отмечена японцами, но все их действия парировались Тихоокеанской эскадрой. Выставленные на внешнем рейде мины вытраливались, попытки обстрела японским флотом русских кораблей в гавани Порт-Артура встретили решительный отпор. Провалилась и повторная операция по закупорке фарватера брандерами, проведённая японцами 14 марта. Подходящие с моря пароходы своевременно заметила охрана рейда, под интенсивным огнём с моря и с суши два брандера выбросились на берег вблизи Золотой горы, один - у полуострова Тигровый Хвост, а четвёртый затонул на безопасном удалении от входа на внутренний рейд.

Ремонт повреждённых 27 января кораблей продвигался успешно: стоявший в доке крейсер "Паллада" предполагалось ввести в строй в апреле, а заделку пробоин на "Ретвизане" и "Цесаревиче" (к броненосцам были подведены кессоны) завершить в мае. Японский флот блокировал Порт-Артур, но до полного господства на море ему было очень далеко, да к тому же для нейтрализации действий владивостокских крейсеров, причинявших известный ущерб и вызывавших напряжение на коммуникациях, пришлось выделить эскадру броненосных крейсеров адмирала Камимурэ.

Сложилось некое подобие неустойчивого равновесия, и чаши весов могли качнуться в ту или иную сторону - например, в случае своевременного прибытия на Дальний Восток 2-й

⁶ Широко известны ставшие афоризмами выражения С.О.Макарова: "В море - дома!" и "Помни войну!", но ему же принадлежит и следующее: "...военный человек должен свыкнуться с мыслью о смерти, и эта мысль должна казаться ему даже заманчивой...". Достойный противник для самураев Страны Восходящего Солнца!

эскадры с Балтики или в случае падения Порт-Артура и гибели 1-й эскадры до подхода подкреплений. И на первый взгляд малозаметным, но очень важным фактором, способным качнуть равновесие в пользу России, и был агрессивный и энергичный вице-адмирал Степан Осипович Макаров. В конце концов, воюют люди, и одно-единственное действие (или бездействие) облечённой соответствующей властью личности способно вызвать далеко идущие последствия...

* * *

Предводительница боевой семёрки Хранителей Жизни не ожидала столкнуться во время очередного стандартного патрулирования ни с чем из ряда вон выходящим. Здесь, на окраине Галактики, в пространстве Привычного Мира, давно уже ничего не случилось. Ставшие за столетия обыденными визиты кораблей Технолидеров, неумоимо расширявших свою сферу влияния, - вот, пожалуй, и всё. Ни новых агрессивных форм жизни, которые хоть отдалённо напоминали бы приснопамятных Пожирателей Разума или Каменнолапых, ни серьёзных проявлений самобытной магии. Деятельность Несущих Зло - хвала Королеве Эн-Риэнанте! - в этом районе Познаваемой Вселенной сведена на нет; Жёлтые Искатели не приносили никаких беспокоящих сведений о происходящем в Новорождённых Мирах.

Конечно, требовали внимания развивающиеся Юные Расы - таковых насчитывалось несколько десятков в подопечных Объединении Пяти Реальностях, прежде всего в смежных, однако и здесь не происходило чего-либо выходящего за рамки вселенских стандартов Восхождения Разума. Обычные войны, обычные миграции народов, обычные периоды потрясений, сменяющиеся временами спокойствия и благоденствия. Правда, стоило помнить Принцип Равновесия, гласивший, что тишина обязательно будет обманчивой, что-нибудь да стрясётся, но пока...

Звёздные Владычицы испытывали чувство, несколько напоминавшее разочарование - ни одна из здешних рас Привычного Мира не восприняла всерьёз магический путь развития. Технодети могли быть довольны - их путь совершенствования Разумных сделался здесь основным. Похоже, Галактика напрочь игнорировала магию как реальное понятие. Оно и понятно - от добра добра не ищут, так зачем же рыться в полуистлевших манускриптах и разбираться в смутных символах, когда наука и техника год за годом приносят свои вполне осязаемые плоды?

Третья планета системы Жёлтой звезды не являлась исключением. Человеческая раса этого Мира, столетие за столетием, тысячелетие за тысячелетием неспешно переползавшая от бронзы к железу, от одного претендовавшего на власть над миром царства-государства к другому, как-то вдруг проснулась и скачкообразно рванулась вперёд по пути технического прогресса. Накопилась критическая масса знаний, приведшая к своеобразному взрыву. На смену опередившим своё время Архимеду и Леонардо да Винчи пришли сотни и тысячи учёных и инженеров, и первые писатели-фантасты всерьёз предрекали грядущую в не столь отдалённом будущем полную власть человека над природой - во всех её ипостасях.

Мудрые Пяти Доменов предполагали, что к данному явлению приложили руку Технолидеры, ну и что из того? Магия не навязывается никому, к ней приходят сами. Но следить за Третьей надо - по прогнозам всё тех же Мудрых, её обитатели вполне могут за кратчайший (особенно по вселенским меркам) срок заполучить очень мощное оружие, способное прекратить само существование этой расы Носителей Разума.

...Это было, как струя ледяного зимнего ветра среди жаркого летнего дня. Где-то рядом, на стыке Миров и измерений, то ли в гиперпространстве, то ли в реальности, проскользнуло нечто зыбкое и трудноосязаемое. Так бывает, когда поблизости проходит направленная куда-то - причём это место назначения может располагаться невообразимо далеко - фантомная копия-призрак. Не слишком необычно само по себе - в Познаваемой Вселенной миллионы Магов, и вероятность в любом месте и в любое время натолкнуться на

след творимого чародейства достаточно высока. Но отчего-то Предводительнице сделалось тревожно, хотя немедленно проведённое придирчивое (насколько позволяла совокупная сила семи Волшебниц-эскинь) сканирование близлежащих слоёв Мироздания не выявило ничего настораживающего.

Боевая семёрка Звёздных Валькирий уходила в Астрал. Эски доверяют интуиции, и Предводительница решила сообщить о замеченном явлении Главе фратрии. Окрестности системы Жёлтой звезды нелишне просмотреть ещё раз, и не семью, а семью десятками Магов. В конце концов, стремительное развитие гуманоидной расы Третьей планеты само по себе заслуживает внимания, равно как и всё к ней планете относящееся.

Мелочей при охране Жизни не бывает.

* * *

Несмотря на поздний час, адмиралу не спалось. Пересыщенный информацией, перегруженный мозг отказывался отключаться и переходить в состояние отдыха. Звучно тикали судовые часы, этот звук был единственным, нарушавшим тишину, да и он быстро гас в плотной вате царившей в кают-компании полутьмы. Чуть подрагивала под ногами палуба: пары разведены, машины прогреты, и корабль в любой момент готов сорваться с места и понестись туда, куда пошлёт его воля адмирала. Привычные звуки и запахи - с ними командующий флотом России на Тихом океане сроднился за без малого сорок три года службы, с 17 мая 1861-го, когда двенадцатилетний кадет Степан Макаров впервые вышел в открытое море на клипере "Стрелок"

Адмирал командовал Тихоокеанской эскадрой чуть больше месяца, и каждый день требовал от него максимального напряжения. Мало было переломить упаднические настроения, возникшие после первых успехов японцев (причём переломить не словами и призывами "не пощадить живота за Расею и за царя-батюшку", но реальными делами и ощутимыми успехами). Эскадра поверила в своего командующего, но любая вера нуждается в подкреплении. А сейчас, когда два лучших линейных корабля - новейшие "Ретвизан" и "Цесаревич" - застыли беспомощными левиафанами, зализывая нанесённые гарпунами японских торпед раны, выводить корабли в открытое море из-под огневого щита береговых батарей представлялось крайне неосмотрительным.

Противник явно сильнее, к тому же в строй японского флота вот-вот войдут ещё два первоклассных бронированных крейсера, "Кассуга" и "Ниссин", благополучно прибывшие в Японию и уже укомплектованные командами и снаряжением. Да, дипломаты и военные допустили серьёзную ошибку - корабли эти строились в Италии для Аргентины, а потом вдруг оказались выставленными на продажу любому желающему. Пока в Петербурге судили да редили, стоит или нет покупать эти великолепные, оснащённые по последнему слову военно-морской техники суда, да прикидывали, сколько кому из ведущих переговоры персон в результате перепадёт, японцы не медлили и проворно заключили с судостроителями соответствующую сделку. Теперь у Того будет четырнадцать броненосных кораблей против девяти русских (шесть у Макарова в Порт-Артуре и три у Иессена во Владивостоке). Ведь два покалеченных в первый день войны броненосца вернутся в строй ещё не завтра...

И ко всему прочему, общий язык с сухопутными генералами найти никак не удавалось, словно они воевали под разными знамёнами и преследовали абсолютно разные цели. Душная атмосфера зависти, интриг и сплетен, а перед ними враг, и враг умелый и опасный, а не какие-то жёлтые макаки, как любят выражаться в генеральских кругах. Японская армия стремительно продвигалась в глубь Манчжурии, возникла реальная угроза блокады Порт-Артура с суши, а скрипучая и ржавая военная машина Российской империи всё никак не могла раскататься и набрать обороты. А в Петербурге от него, вице-адмирала Макарова, командующего русским флотом на Тихом океане, упорно ждали чуда - вплоть до полного и молниеносного разгрома Того и бомбардировки японских островов.

Макаров верил в победу, но его вера основывалось на точном расчёте соотношения сил противоборствующих сторон. Пока он мог уповать лишь на мины да на ночные рейды миноносцев, высылаемых в море для разведки и, буде возможно, атаки обнаруженных крупных кораблей японцев. Вот и этой ночью восемь миноносцев были направлены к островам Эллиот - имелись сведения, что там сосредоточиваются вражеские войсковые транспорты для десанта на полуостров Гуаньдун. Если японцев удастся обнаружить и атаковать, и атаковать успешно, это будет той реальной победой, которой так не хватает русскому флоту. Слишком много понаделано ошибок и до открытия военных действий, и в начале этой злополучной войны, чтобы вот так запросто переломить ход событий в пользу России.

Адмирал сидел в кают-компании крейсера "Баян", на котором он находился почти постоянно, так что на эскадре привыкли считать "Баян" флагманским кораблём. И это тоже было новым и непривычным - адмиралу положено пребывать на самом мощном корабле и вести за собой флот на сокрушение супостата. Так всегда поступали все флагманы всех стран - в первую очередь адмиралы флота Её Величества, владычицы морей Британии. А Макаров выходил в море на лёгких крейсерах, - и на "Аскольде", и на "Новике", - пренебрегая многовековыми традициями. Он считал, что боем удобнее управлять со стороны, находясь на быстроходном и достаточно защищённом корабле, отсутствие которого в боевой линии лишь незначительно ослабит общую огневую мощь эскадры. Броненосный "Баян" со своими двумя восьмидюймовыми и восемью шестидюймовыми орудиями, прикрытый бортовой и палубной броней и с ходом в двадцать два узла (больше, чем у тяжёлых крейсеров японцев) подходил для этой цели как нельзя лучше. На нём всегда можно оказаться в нужное время в нужном месте, выйти из-под обстрела для спокойного анализа и оценки обстановки, тогда как адмиральский флаг на корабле первой линии притягивает неприятельские снаряды подобно магниту, делая флагманский корабль основной мишенью для всех орудий всего вражеского флота.

Сидя в одиночестве за столом, освещённым переборочными светильниками, адмирал прихлёбывал обжигающий чай. Может быть, для истрёпанных нервов (хотя со стороны вряд ли кто-нибудь мог предположить, что у командующего вообще есть нервы) лучше было бы выпить стакан рома, но не хотелось туманить сознание алкоголем. И так с ним, с сознанием, творится что-то неладное, какое-то отупение и свинцовая тяжесть, от которой хочется лечь и забыть всё на свете...

* * *

Бесплотная Тень проскользила над городом, крепостью и гаванью с замершими там железными коробочками, битком набитыми местными разумными существами. У них ночь, время отдыха их биологических организмов, и ауры людей тоже спят, как закрывшиеся на тёмное время суток цветы. А Тени нужно отыскать одно-единственное существо среди многих тысяч - именно за этим её сюда и послали.

Упругая струя магии поддерживает и питает Тень, и укрывает её от чересчур любознательных глаз. Нет, эти примитивные там, внизу не представляют для Тени никакой угрозы, они и помыслить не могут о самом её существовании. Опасны другие, на которых Тень едва не натолкнулась по дороге. Но, кажется, и тех удалось обмануть - не зря Тень вели восемь десятков сильных Магов.

Задача у Тени проста и однозначна - найти и воздействовать, после чего Тень просто распадётся, и тогда самое изощёренное чародейство не обнаружит ни малейших следов вмешательства. Так, кажется, вот оно, искомое...

* * *

В дверь кают-компания негромко постучали, и адмирал отвлёкся от размышлений. Его офицеры приучены к самостоятельности, и если уж уединение адмирала в столь позднее время нарушается, значит, причина этому весьма серьёзная.

– Войдите!

– Ваше превосходительство, сообщение с канонерской лодки "Бобр", - вошедший флаг-офицер был безукоризненно выбрит, подтянут и свеж, несмотря на глубокую ночь. Образец флотского офицера, гроза женских сердец. Сам Макаров амурными подвигами никогда не увлекался, жена была его единственной женщиной, да и то, скорее, только лишь потому, что человеку положено иметь семью. Сердце адмирала безраздельно занимали две страсти - море и война, и для других увлечений места там просто не оставалось. Поэтому Макаров не испытывал обычной мужской зависти к тем, кто пользовался успехом у прекрасного пола, он просто отмечал это как факт. Лишь бы службе не мешало, а там - пусть их... Так, канонерка "Бобр" - она сегодня в дозоре по охране внешнего рейда...

– И что "Бобр"?

– На подходах к внешнему рейду замечены подозрительные силуэты неопознанных судов, совершающих странные эволюции. Сообщение подтверждено наблюдателями с Тигрового Хвоста, с прожекторной станции.

– Снова брандеры? Или миноносцы нашего отряда? "Хотя нет, соединение Бубнова должно возвратиться не раньше рассвета, да и в любом случае оно не стало бы крутиться на рейде, рискуя угодить под огонь своих же" - подумал адмирал.

– Никак нет, ваше превосходительство. Судя по всему, японцы (адмирал не любил уничижительного "япошки", и его подчинённые хорошо это знали). Попыток приблизиться ко входу на внутренний рейд не отмечено, только манёвры неподалёку от него. Похоже на минную постановку.

Мины... Что ж, противник далеко не дурак. Такое повторяется едва ли не каждую ночь, а потом тральщики под прикрытием орудий крейсеров и берега тщательно утюжат водную гладь, вылавливая смертоносные подарки. Всё как обычно.

И флаг-офицер терпеливо ожидает привычного распоряжения адмирала: открыть огонь с дозорных судов по таинственным силуэтам, развести пары на "Диане" и "Аскольде" (крейсерах поддержки), тральному каравану приготовиться к выходу и так далее - схема реагирования на подобные японские вылазки сделалась уже рутинной.

Но адмирал молчит. Странное оцепенение охватило его: он вдруг ощутил *абсолютную бессмысленность* любых своих действий - ведь против него *сила*, с которой не поборешься. Адмирал помотал головой, отгоняя морок, провёл ладонью по окладистой, разделённой на две половины густой бороде (дань моде и времени) и отдал распоряжение - *но совсем не то, которого ожидал лейтенант*.

– Эскадре к утру быть готовой к выходу в море. Вельбот к трапу - я переносу флаг на броненосец "Петропавловск". При поступлении любых сведений о наших миноносцах сообщать мне немедленно.

– Есть, ваше превосходительство! - флаг-офицер если и был удивлён, то никак этого не выказал. В конце концов, начальству всегда виднее.

...Миноносцы действительно вернулись под утро - вернулись ни с чем. Японские транспорты не только не удалось атаковать, но даже обнаружить. Более того, возвратилось только семь кораблей из восьми - отсутствовал "Страшный", и никто не мог вразумительно объяснить, что же с ним случилось. Погиб ли он, наткнувшись на случайную мину, или просто отстал в ночной темноте - неясно. Во всяком случае, выстрелов или взрывов на возвратившихся миноносцах не слышали, и это вселяло надежду.

Всё прояснилось, когда ранним утром наблюдатели с береговых постов рассмотрели в утренней дымке одинокий русский миноносец, ведущий на подступах к Порт-Артуру отчаянный бой против целой своры японских. Маленький кораблик крутился под выстрелами, яростно огрызаясь, но было очевидно, что ему не устоять - сила соломой ломит.

И не прорваться - зажали со всех сторон.

Получив сообщение о бое, Макаров приказал "Баяну" немедленно следовать на помощь "Страшному". Красавец крейсер быстро проскочил узкость прохода из внутренней гавани на внешний рейд и, набирая ход и вздымая форштевнем белый бурун, понёсся в море. Густой дым из четырёх его труб свивался в одну клубящуюся гриву и низко стелился над водой. Наблюдая за удалявшимся кораблем в бинокль, адмирал пожалел, что он сам не находится сейчас на борту "Баяна". Но сожаление было каким-то мимолётным и быстро исчезло, раздавленное всё тем же непонятным ощущением бессилия перед чем-то неумолимо надвигавшимся.

Макаров встряхнулся, с силой проведя ладонью по лицу - не хватало ещё, чтобы его состояние заметили стоящие на мостике "Петропавловска" офицеры. Что за чушь, он никогда не был суеверным. И сейчас всё правильно, он на флагманском броненосце, здесь его штаб, в составе которого находится великий князь Кирилл Владимирович, да и другие высокопоставленные персоны. Всё идёт именно так, как и должно идти. Военный механизм пришёл в движение, остаётся только правильно им управлять. Бой же от него никуда не денется - эскадра уже развела пары и вытягивается на внешний рейд. В море выходят все боеспособные корабли: броненосцы "Петропавловск", "Полтава", "Севастополь", "Победа", "Пересвет" и крейсера "Аскольд", "Диана" и "Новик" с миноносцами.

Вставало солнце 31 марта 1904 года.

* * *

Когда "Баян" подоспел к месту боя, всё было уже кончено - изрешеченный снарядами "Страшный" пошёл ко дну. Русский крейсер отогнал беглым огнём японские миноносцы и подобрал с воды нескольких уцелевших членов экипажа "Страшного". И это всё, что удалось сделать, - из утреннего тумана, хищно поводя стволами многочисленных пушек, появились четыре японских крейсера: "Йосино", "Такасаго", "Кассаги" и "Читосе". "Баян", отстреливаясь и лавируя, чтобы затруднить врагу пристрелку, начал отходить к Порт-Артуру, навстречу выходящей в море эскадре.

Русские корабли вытянулись кильватерной колонной, задирая вверх жерла башенных орудий. Крейсера шли второй колонной, и "Баян" занял свое место во главе крейсерского отряда. Броненосцы выдохнули дружный бортовой залп, прозрачный утренний воздух дрогнул, разрываемый десятками урчащих стальных заострённых цилиндров, и у бортов японских кораблей вода взметнулась вверх десятками высоченных кипящих гейзеров. Недолёт. Среди вздымавшихся белопенных водяных столбов японцы с похвальной резвостью развернулись и отступили, и тут же справа показался другой их отряд.

Это были старые броненосные крейсера, ветераны войны с Китаем: "Мацусима", "Итцукусима" (под флагом контр-адмирала Катаока) и "Хасидате" с бывшим китайским (а ныне трофейным) броненосцем "Чин-Иен". Ход "старики" имели незначительный, по огневой мощи они ни в коей мере не могли соперничать с русской эскадрой, и Макаров ощутил настоящий охотничий азарт. Ночной рейд не принёс успеха, более того, погиб "Страшный", так что если сейчас удастся на глазах у всей эскадры отправить на дно хотя бы один японский корабль (пусть даже далеко не из лучших), то с противником они будут квиты.

Расстояние до кораблей адмирала Катаока медленно, но верно сокращалось. Двенадцатидюймовые башни русских броненосцев натужно выхаркивали плевики тяжёлых снарядов. Стальные туши со скрежещущим воем ввинчивались в воздух и неслись к цели с тем, чтобы разодрать вражеский борт и лопнуть в корабельных внутренностях огненной смертью. Над палубой "Хасидате" взметнулся широкий пламенный язык и потёк чёрный дым.

— Горит, ваше превосходительство! - голос флаг-офицера полнило торжество.

– Вижу, - коротко бросил Макаров, не отрываясь от бинокля. - Усилить огонь!

Шесть шестидюймовых бортовых орудий "Петропавловска" - четыре башенных и два казематных - присоединили свои голоса к рёву главного калибра. Целый лес всплесков окружал японские крейсера. Глаза наблюдателей отмечали попадания - одно, второе, третье... Ответные снаряды бессистемно падали на значительном удалении от русских броненосцев - чаша весов всё явственней клонилась в пользу Тихоокеанской эскадры. В рубке "Петропавловска" повисло напряжённое молчание, готовое взорваться ликующими криками. Никому из стоявших на мостике флагманского корабля людей в военной форме и в голову не могла придти мысль, что там, среди судовых конструкций, сокрушаемых яростной мощью горячих пироксилиновых газов и рвущих всё и вся зазубренных кусков металла, превращаются сейчас в кровавые ошметки такие же точно существа, как и они сами. Юные Расы - это жестокие дети, зачастую не отдающие себе отчёта в том, что же они творят...

И в это время с другого борта прорисовались серые силуэты больших кораблей, тащивших за собой длинные космы дыма - верный признак полного, форсированного хода. На сцене (где артисты умирают по-настоящему) появились новые действующие лица - главные силы адмирала Того.

Шесть новейших броненосцев, рождённых на британских верфях (услуги английских повивальных бабок были оплачены золотом китайской контрибуции), шли наперерез, намереваясь отсечь русских от Порт-Артура и навязать им бой вдали от береговых батарей крепости. За ними торопились лёгкие крейсера - до десятка, и отряды миноносцев.

Макаров опустил бинокль. Да, это они. Адмирал Того сильнее раза в полтора, и бой в открытом море принимать невыгодно. Холодный расчёт военачальника брал верх над азартом охотника - стволы артурских батарей сводили на нет перевес японского флота, и пренебрегать такой поддержкой было нельзя. Уже впившиеся в добычу клыки приходится разжимать - иначе эти самые клыки тебе запросто могут выбить.

– Поднять сигнал "К повороту!". Возвращаемся, - приказал командующий флотом.

– Есть, ваше превосходительство!

Русская эскадра ложилась на обратный курс.

– Жаль, Степан Осипович, не получилось запечатлеть с натуры весьма эффектное полотно. Мне ещё не доводилось рисовать тонущие боевые суда...

Макаров обернулся на знакомый голос. Художник стоял рядом с ним на мостике "Петропавловска" с кипой листов бумаги, на которых он делал наброски. Адмирал заметил горящие глаза Верещагина - интеллигент сожалел об упущенной возможности лицезреть картину гибели людей (пусть даже врагов) и перенести её на бумагу. Всё мы, в сущности, первобытные дикари, и под тончайшим лаком цивилизованности дремлют кровожадные первобытные инстинкты... Макарову вспомнилась картина Верещагина "Апофеоз войны" - груда черепов на фоне выжженной пустыни. Было в этой картине нечто мистическое, отличавшее её от других творений живописца - от обычных батальных сцен с пороховым дымом и блеском штыков.

– Не стоит сожаления, Василий Васильевич, - успокоил он живописца, - полагаю, что подобных возможностей у вас ещё будет преизрядно. Война только начинается, и ещё очень многим кораблям суждено затонуть.

Очертания береговых сопок делались всё чётче - эскадра приближалась к внешнему рейду. Японцы сбавили ход и отставали - Того уже имел опыт общения с артиллерией Порт-Артура и отнюдь не горел желанием подставлять бронированную шкуру своих линейных кораблей под когти береговых орудий.

"Ничего, - подумал Макаров, - дай срок. Починим "Цесаревича" с "Ретвизаном", и тогда посмотрим, кто кому покажет хвост..."

Артиллерийский огонь прекратился. Расстояние между противниками возросло, и не имело смысла попусту выбрасывать в море снаряды. В узкости прохода во внутреннюю гавань уже суетились шустрые буксиры, готовясь помочь протолкнуть сквозь игольное ушко громоздкие тела броненосцев.

"Не удалось посчитаться за "Страшный"...", - промелькнула мысль и оборвалась, потому что стальная громада "Петропавловска" весом в одиннадцать с половиной тысяч тонн вдруг подпрыгнула под ногами адмирала.

В корабельное брюхо ударил исполинский молот. Броненосец задрожал, словно охваченное смертным ужасом живое существо, окутываясь чёрным дымом и паром из разорванных магистралей. Море, до сих пор служившее опорой корпусу корабля, взбесилось и рванулось во вспоротое днище стаям голодных хищников, спешащих завладеть добычей.

Второй взрыв, гораздо более мощный и сокрушительный, последовал за первым. "Носовые погреба...", - успел подумать адмирал, падая со вставшего на дыбы мостика вниз, туда, где в клочущей воде среди обломков барахтались кричащие люди.

* * *

- Прекрасная работа, Мегадер. Ваша Тень управлялась превосходно. И магическая маскировка - весь домен Хранителей, да что там, всё Объединение Пяти не сможет выявить вмешательства! Ведь всё произошло предельно естественно...

- Благодарю, Полковник Эддарис.

- Не стоит благодарности, Майор. Похвала вполне вами заслужена. Теперь, когда возмущающий фактор устранён, исход войны можно полагать предрешённым?

- Думаю, да. Однако контролировать дальнейший ход событий стоит. Мало ли какие ещё случайности могут возникнуть...

* * *

Весна 1904 года в Санкт-Петербурге выдалась дружной. В апреле как-то разом стаял снег, и под птичий щебет на деревьях набухли и лопнули почки, выстрелив клейкой юной листвой. Хмурую серость петербургского неба сменила внешняя голубизна, в лужах отражалось солнце, и купавшиеся в этих лужах деловитые взъерошенные воробьи дробили его на бесчисленные сияющие капли.

Наташа сидела на скамейке у памятника Екатерине Второй перед Александринским театром и безмятежно жмурилась, слегка приподняв лицо навстречу тёплым и ласковым лучам. С тёплой муфтой девушка уже рассталась, хотя меховую шубку и зимнюю шапочку ещё не сменила на что-нибудь более соответствующее погоде и времени года. Девятнадцать лет - прекрасный возраст, когда все беды кажутся преходящими и несерьёзными, когда небо по-особому голубое, а весенние запахи так щекочут ноздри. Да и о чём она могла особенно беспокоиться? Хорошая, крепкая и обеспеченная семья, где никто никогда ни на кого не повышал голоса. Отец, инженер-путеец, зарабатывал достаточно, чтобы позволить жене заниматься домом и детьми и снисходительно относиться к фантазиям Наташи, мечтавшей о театре, музыке, пении и карьере актрисы. Впрочем, мечты эти были очень размытыми и неопределёнными - так, искания молодой души.

Мама же, напротив, воспринимала устремления дочери очень серьёзно, одобряла их и не считала ребячеством. Именно мама подыскала для Наташи бывшую провинциальную певицу, даму закатного возраста, которая давала девушке уроки вокала и игры на фортепьяно. Анна Сергеевна - так звали бывшую жрицу сцены - видела, что особого таланта у Наташи нет, что вряд ли ей удастся потрясти избалованное петербургское общество, что максимум, чего добьётся девушка - это определённые успехи в домашнем музицировании, но благоразумно держала своё мнение при себе. Зачем обижать кого-то, да ещё рисковать при этом вполне приличным заработком?

И Наташа жила в своём собственном, ей же самой придуманном мире, и все заботы мира большого до неё просто не доходили. Иногда отец начинал говорить за ужином о

забастовках мастеровых и волнениях среди железнодорожников, об общем "нестроении" в государстве российском, но дочь пропускала эти разговоры мимо ушей - её это ни в малейшей степени не интересовало. Даже начавшаяся и идущая где-то далеко, на восточной окраине империи война не занимала Наташу, в отличие от её младшего брата-гимназиста Володи, буквально бредившего сводками с театра военных действий и донимавшего домашних красочными рассказами о побегах одноклассников, одержимых желанием "надавать по сопатке подлым япошкам", на маньчжурский фронт.

Правда, с тех пор, как в жизни Наташи появился Андрей, война приблизилась и сделалась гораздо более реальной. Молодой мичман российского флота служил в Кронштадте, рядом с Петербургом, но такие же точно юноши уже гибли на Дальнем Востоке под японскими снарядами. Чувство симпатии к Андрею - его, это чувство, вполне можно было назвать первой любовью, - повлекло за собой вторжение в уютный внутренний мир девушки чужого и грубого большого мира, который на деле оказался куда более жесток, чем на красивых картинках в журнале "Нива". И всё-таки война была далеко - пока далеко.

Свободное время, на недостаток которого жаловаться не приходилось, Наташа проводила в прогулках по Невскому и вообще по Петербургу. Она любила архитектуру северной столицы, более того, творения зодчих восемнадцатого и девятнадцатого веков вызывали в ней чувство почти религиозного восхищения.

К самой же религии отношение у девушки было несколько странным. Она любила заходить в храмы, особенно в собор Александро-Невской Лавры, но вряд ли её можно было назвать истово верующей - по канонам православной церкви. Она не разделяла вошедших в моду материалистических убеждений, верила, что существует нечто Высшее, поставленное всемогущей Судьбой над людьми, над их страстями и чаяниями, но отнюдь не разделяла догматов христианской веры. Странно, если принять во внимание набожность Наташиной матери и степень её влияния на дочь.

Давно, ещё в детстве, девочке снились странные сны - прекрасный мир, населённый людьми (или богами?) в струящихся одеждах цвета неба, среди которых она чувствовала себя равной меж равных. Она видела...

...Звёзды, звёзды, звёзды... Звёзды без счёта... Голубые молнии и слепящие белые вспышки... Ощущение Силы, переполняющей всё моё существо, Силы, способной гасить эти звёзды...

Потом, по мере взросления, детские сны ушли и сменились куда более земными.

Что искала она внутри церквей? На этот вопрос Наташе трудно было бы ответить. Её угнетал и даже страшил полумрак, суровые лики святых на иконах, запах растопленного воска и ладана - и одновременно манило пламя свечей и пение хора. Скорее всего, её привлекла трепетная нить настоящей веры, дрожавшая под церковными сводами. Или девушка пыталась отыскать что-то своё, безвозвратно ушедшее и затерявшееся в глубинах памяти?

* * *

Пыхтящий пароходик с высокой тонкой трубой, походившей на поставленную стоймя папиросу, входил в устье Невы. Если по заливу пароходик полз без особых затруднений, то для преодоления течения могучей реки ему пришлось напрягать все свои невеликие силы. В Петербурге наступало время белых ночей, и раннее-раннее утро походило на обычный для Питера бессолнечный день.

Публики на борту следовавшего из Кронштадта в Петербург парохода было немного - несколько рабочих, чиновник морского ведомства в мундире с блестящими пуговицами, донельзя довольный своей особой, двое направлявшихся в отпуск боцманматов из Учебного отряда и молодой офицер в звании мичмана.

Андрею Сомову не было никакого дела до своих случайных попутчиков. Молодой

человек целиком пребывал в состоянии приподнятости и одновременно погруженности в собственные мысли. Для обоих этих состояний основания имелись достаточно веские - мичман получил трёхдневный отпуск "для улаживания береговых дел" перед тем, как отправиться к новому месту службы, а именно на достраивающийся броненосец "Орёл", четвёртый корабль серии "Бородино" - новейших и самых мощных кораблей российского военно-морского флота.

Что же касается "береговых дел", то их у молодого мичмана по сути-то и не было. Родственников в Петербурге Андрей не имел, но это его только радовало - всё свободное время, свалившееся на него неожиданно-негаданно, он мог посвятить той, по которой успел уже порядком соскучиться. Кронштадт от Петербурга хоть и близок, но всё же дальше, чем того хотелось бы, а служба есть служба, и от неё никуда не денешься.

Зато теперь он имел полное право предвкушать, как поднимется по парадной лестнице на третий этаж знакомого дома на Староневском, повернёт ручку звонка под бронзовой табличкой с выведенной на ней вязью надписью "Инженер И.П.Егоров" и будет с замиранием сердца прислушиваться, какие шаги послышатся за массивной дверью - тяжеловатые горничной Лизаветы или лёгкие и быстрые её. Да, не забыть бы купить цветы...

Но кроме дел сердечных мичмана в немалой степени занимало его ближайшее будущее. "Орлу" вместе с тремя другими новейшими броненосцами предстояло составить основное боевое ядро снаряжающейся для похода на Дальний Восток 2-й Тихоокеанской эскадры под командованием вице-адмирала Рожественского, загодя произведённого прессой в ранг национального героя. Дела на восточной окраине великой империи шли, мягко говоря, неважно, но Сомова это ни в коей степени не смущало. Непокоримо уверенный в силе оваянного славой многочисленных побед русского оружия, мичман считал все неудачи временными, возникшими лишь из-за неблагоприятного стечения обстоятельств.

Вот подойдёт к Порт-Артуру 2-я эскадра, соединится с 1-й и погонит японцев поганой метлой до самого Токио! И ему, молодому флотскому офицеру двадцати трёх лет от роду суждено принять участие в этом славном деле! И кроме того, сам переход - сколько новых стран и новых впечатлений! А когда он вернётся из похода (быть может, украшенный шрамом от осколка японского снаряда на мужественном лице), тогда можно будет просить руки Наташи у её очень серьёзных родителей. Правда, морским офицерам до получения лейтенантского чина запрещалось жениться (ибо считалось, что на мичманское жалованье содержать семью подобающим образом никак не можно, да и вообще для такого серьёзного шага как женитьба молодой человек, не дослужившийся до лейтенантского звания, в принципе не может обладать должной солидностью), но уж о помолвке-то речь заводить не грех. Тем более что получить вожеленные лейтенантские погоны для героя победоносной войны вряд ли будет так уж сложно.

Основное преимущество молодости - это непоколебимая уверенность в том, что всё достижимо и доступно, что весь мир предназначен только тебе, и что всё непременно обязано устроиться самым наилучшим образом. Это уже потом, вместе с набитыми на жизненном пути синяками и шишками приходит опыт (зачастую горький), а в двадцать с небольшим всё (как правило) смотрится исключительно в розовом цвете...

* * *

Эскадра была потрясена почти мгновенной гибелью флагманского корабля вместе с адмиралом и почти всей командой. Бережно возвращаемые надежды рассыпались прахом, рушилось всё, с таким трудом налаженное Макаровым.

В первые минуты после взрыва команды русских кораблей охватила самая настоящая паника, усугублявшаяся тем, что никто не понимал истинной причины катастрофы. Мины? Или, может, подводные лодки? Об их возможном наличии у японцев слухи расползались

давно. А тут ещё грохнул взрыв под броненосцем "Победа" (правда, этот корабль отделался незначительными повреждениями и вскоре вернулся в строй - его артиллерийские погреба не сдетонировали, они взорвались *только* на "Петропавловске"). И эскадра выплеснула свой страх и свою беспомощность с яростным огнём из всех калибров, паля в воду и во все стороны.

Снаряды рикошетировали от воды и свистели над палубами, грозя поразить своих же. Часть снарядов рвалась в орущем человеческом месиве, оставшемся на месте гибели "Петропавловска", убивая и калеча чудом спасшихся.

Японский флот, маневрируя вне досягаемости береговых орудий, бесстрастно взирал на происходящее.

...31 марта 1904 года надежды на чудо утонули в водах Жёлтого моря вместе с человеком, на которого эти надежды возлагались. Русская эскадра вновь укрылась в гавани, растеряв ту немногую уверенность в своих силах, которую она успела обрести при Макарове. Не изменил создавшегося положения даже "чёрный день японского флота" 2 мая, когда на русских минах под Порт-Артуром одновременно подорвались два первоклассных броненосца "Хатсусе" и "Ясима" (первый погиб на месте, а второй затонул по дороге в базу), а броненосный крейсер "Кассуга" молодецки протаранил и потопил свой же лёгкий крейсер "Йосино". Адмирал Того был строго наказан за самоуверенность и возникшее у него пренебрежение к противнику, но русским это не особенно помогло.

Случилось непонятное главное - адмирал Макаров, опытный минёр, превосходно осведомленный на основе личного опыта о разрушительной мощи минного оружия и своевременно проинформированный о странных маневрах японских кораблей на внешнем рейде Порт-Артура, *не предпринял* никаких мер. Более того, он слепо и обречённо повёл эскадру прямо на минное поле (притом, что нужды в экстренном её выходе в море не было никакой).

Чёрные эски даже не пытались сгладить неизбежное проявление Закона Равновесия, вызванное нестандартной катастрофой - зачем настораживать наблюдателей? Гибель двух новейших японских линейных кораблей с лихвой компенсировала потерю одного русского броненосца (кстати, далеко не лучшего). Сам факт потери "Петропавловска" отнюдь не был роковым: истинно непоправимым событием стала смерть одного-единственного человека среди сотен людей на борту флагмана.

Естественность хода событий соблюдалась: обычная война внутри Юной Расы Носителей Разума, с обычными ошибками и потерями с обеих сторон, с обычными случайностями - ну какое тут вмешательство? "Сценаристы" тщательно отслеживали даже незначительные мелочи, которые могли бы оказать хоть малейшее негативное влияние на реализацию Плана Проникновения.

Адмирал Витгефт, возглавивший эскадру после гибели Макарова, не вёл никаких активных действий на море, ссылаясь на очевидное неравенство сил. Воспользовавшись этим, японцы ещё в конце апреля беспрепятственно высадились у Бицзыво, в середине мая прорвали оборонительную позицию русских на Цжиньчжоуском перешейке и в июле начали осаду Порт-Артура.

2-я Тихоокеанская эскадра ещё даже не вышла на Дальний Восток, а над 1-й эскадрой уже нависла угроза неминуемой и бесславной гибели прямо в гавани Порт-Артура. Единственным выходом оставался прорыв во Владивосток, но Витгефт, вышедший с эскадрой 10 июня, повернул назад при одном появлении на горизонте японского флота (несмотря на то, что повреждённые "Цесаревич", "Ретвизан", "Победа" и "Паллада" уже вернулись в строй). И только 28 июля, когда первые снаряды японских полевых батарей уже рвались на рейдах, Витгефт, подчиняясь категорическому приказу заместника Алексева, снова вышел в море - без малейшей надежды на успех прорыва.

– Похоже, мы имеем дело с той самой случайностью, о которой ты говорил, Мегадер. Прорыва флота Выбранной страны из обложенной войсками Островной империи крепости в безопасное место нельзя допустить - в этом случае планируемый нами исход войны, то есть победа островитян, окажется под вопросом.

- Полностью с вами согласен. Однако нет причин волноваться - соответствующее воздействие будет предпринято.

* * *

Гуляние по Петербургу во время белых ночей - это чудо чудное и диво дивное, особенно если рядом с тобой находится человек, мысли о котором занимают в твоей голове очень много места.

Конечно, девушке из приличной семьи не пристало бродить по ночам даже в обществе потенциального жениха, но оценить завораживающую магию северной столицы можно и в те часы, когда вечерний полусумрак только сменяется собственно белой ночью. И Летний сад одно из самых лучших для этого мест.

Наташа и Андрей вошли в Летний сад с набережной Невы, куда они попали, пройдя не спеша по Литейному от Невского. Шуршала листва деревьев, по дорожкам фланировали пары из числа "чистой публики", и мраморные лики древних богов и героев равнодушно следили за вечной игрой человеческих страстей, подогретой таинственным полусумраком и ощущением нереальности окружающего.

Между молодыми людьми ничего ещё не было сказано из тех вечных слов, каковые крутились на языке у обоих, и они оба по большей части молчали - им этого было вполне достаточно. Ощущение близости друг к другу, дрожь, пробегавшая по всему телу при случайном соприкосновении рук, непередаваемое ощущение того, что ты любишь и любим (любима) - слова в таком случае излишни. За проведённые вместе три дня (это был последний вечер, завтра ранним утром мичману надлежало отбыть в Кронштадт к новому месту службы) они вдоволь наговорились обо всём - о том, что ждало Андрея, о том, к чему стремилась Наташа и о том, как всё будет здорово после того, как закончится эта нелепая война и снова наступят прежние времена. Ни Андрей, ни Наташа и мысли не допускали, что мичман Сомов может погибнуть - плохое может случиться с кем угодно, но только не с ним. И в этом тоже состоит преимущество молодости, свято верующей только в хорошее.

Они были вместе с утра до позднего вечера, а потом Андрей, проводив Наташу до дома, спешил на Лиговский, где обитал его приятель из молодых корабельных инженеров Сергей Завалишин - им обоим предстояло отправиться на "Орле" на Дальний Восток.

Замена привычного марсофлотам⁷ паруса на пар и внедрение на боевых кораблях массы всяческих других мудрёных штукovin вроде электричества потребовали появления судовых технических специалистов, и хотя морские строевые офицеры из дворян ещё посматривали искоса на выходцев из разночинцев, между мичманом Сомовым и инженером Завалишиным сложились дружеские отношения. Более того, Сергей сделался кем-то вроде поверенного в сердечных делах своего приятеля, хотя сам он относился к любви и связанными с этим чувством переживаниями несколько иронично. Завалишин жил в мире цифр и чертежей, свободно оперировал тактико-техническими данными кораблей русского, японского и прочих флотов, водоизмещением и скоростью хода боевых судов, толщинами бортовой и палубной брони, калибрами орудий и углами обстрела башен главного и вспомогательного калибра и считал это своё увлечение главным делом жизни.

⁷ Марсофлот - бравый военный моряк эпохи парусного флота. К концу XIX века в России это название приобрело иронический оттенок.

Инженер искренне считал, что в условиях непрерывно ускорявшегося технического прогресса и внедрения всё новых и новых изобретений ума человеческого в повседневную жизнь именно техника является тем новоявленным божеством, которому стоит возносить молитвы. А что до амурных дел, так это для курсисток и любительниц женских романов. Впрочем, причина такой прохладности Сергея к прекрасному полу объяснялась до смешного просто - не пришло ещё его время, и не появилась та, ради одной улыбки которой стоило позабыть все на свете уравнения остойчивости и постулаты теории кораблестроения.

Наташа и Андрей добрались до выхода из Летнего сада в сторону Инженерного замка, и оба одновременно внутренне вздохнули. Неумолимое время убегало и убегало, пора было возвращаться привычной дорогой по Садовой на Невский и дальше по центральному проспекту северной столицы к Староневскому.

Молодые люди только-только вышли из сада, кинув последний взгляд на пруды, как перед ними возникла словно из-под земли выросшая цыганка неопределённых лет. Ничего необычного в её облике не было: широкая цветастая юбка, монисто на шее поверх тёмной кофты и цветная же косынка на чёрных как смоль волосах. Вероятно, она давно уже углядела выходящую из Летнего сада парочку и профессионально оценила её с точки зрения возможности заработка. Влюблённые - а то, что молодой морской офицер и юная девица таковыми и являлись, определялось с первого беглого взгляда, особого таланта психолога и физиономиста здесь не требовалось, - это самая что ни на есть благодатная клиентура для гадалщиц и предсказательниц. Не нужно даже особо напрягаться: знай мели то, что юноша с девушкой хотят услышать, - всё очень просто.

И цыганка уже плела привычную паутину слов "дай-погадаю-судьбу-узнаю-что-на-сердце-что-под-сердцем", но, подняв глаза и всмотревшись в лица Наташи и Андрея, она внезапно осеклась на полуслове и сникла - словно птица, которой резко подрубили крылья.

Наташу обдало пронзительным холодом, хлынувшим из широко распахнувшихся глаз цыганки, *холодом той чёрной пустоты, в которой плавают звёзды*. Однако Андрей ещё ничего не замечал.

- Ну что же ты, право! - добродушно обратился он к гадалке. - Расскажи-ка нам, что нас ждёт, пожалуй целковым, - и мичман вытянул из кармана рубль.

А в глазах цыганки заплесало тёмное пламя, её липкая скороговорка "яхонтовый-бриллиантовый-позолоти-ручку" оборвалась. Теперь уже и Андрей заметил что-то неладное в поведении дочери фараонова племени.

Исчезло шутовство, голос гадалки изменился - в нём появились металлические оттенки. Лицо же её, доселе светившееся лукавством, сделалось неподвижным и посерело.

- Тёмно, ой темно... - бессвязно забормотала она. - Не человеку заглядывать в такие бездны... Не пойдёте вы рядом сейчас, ибо уже прошли свою дорогу, и не здесь, а под солнцем иным... Не кончено искупление, и не скоро дочь родителей отыщет, хоть и старается она... И верьте только, и берегите... И не тронет вас ни меч, ни стрела, ибо назначено вам, и даже... И рождаться вам снова и снова, до конца Круга...

Оборвав свою странную речь на полуслове, цыганка вдруг резко крутнулась на каблуках - широкая юбка разлетелась веером - и бросилась прочь через мостовую, так и не протянув руки к деньгам, которые ей предлагал Андрей.

С Садовой, цокая подкованными копытами, вылетел лихач. В коляске сидело несколько расхристанных краснолицых мужчин и растрёпанных залапанных девиц. Весёлая компания горланила вразнобой нечто малоразборчивое, но громкое. Купечество гуляло во всю ширь русской души, так, как оно понимало настоящую гульбу: с морем шампанского, с песнями, с кафешантанными девками, с криками и с бешеной скачкой по гулким булыжным мостовым.

Всё дальнейшее произошло настолько стремительно, что глаз не ухватил деталей случившегося. Бежавшая через дорогу цыганка и высекавший подковами искры громадный всхрапывающий жеребец встретились на середине улицы. Кучер не смог сдержать стремительного разбега; конь сбил гадалку широкой грудью, подмял, прошёлся по бессильно упавшему телу всеми четырьмя копытами; и коляска замерла, упершись задними колёсами в

смятую человеческую фигуру в цветастой юбке - передние перекатались через сбитую женщину.

Закричали люди. Кучер ошалело крутил головой (то, что он вдребезги пьян, было заметно даже издали), разинув рот и выпучив осоловевшие глаза. Кто-то из седоков замысловато выругался и полез за кошельком, сетуя на прерванное развлечение и надеясь по привычке уладить неприятность деньгами.

Андрей с Наташей и сами не заметили, как оказались рядом с остановившейся коляской - первыми из всех прохожих. Цыганка лежала под колесом лицом вверх, какая-то нелепая, словно сломанная кукла. Глаза её уже остекленели, а из уголка губ на шею и грудь сбегала тонкая кровавая струйка. Наташа зажала рот ладошкой, давя невольный вскрик.

К месту происшествия спешил, придерживая левой рукой шашку, ражий городской, и на лице его ясно читалось предвкушение мзды.

До дома Наташи молодые люди добрались в молчании, и даже их прощальный поцелуй отдавал горечью. Между мичманом и девушкой поселилась тень тайны, и от тайны этой веяло холодом, которого юность не понимала и не принимала.

* * *

На прорыв двинулись все лучшие силы Тихоокеанской эскадры - шесть броненосцев и четыре крейсера (кроме "Баяна", незадолго до этого повреждённого при подрыве на mine). У Того было восемь тяжёлых кораблей (четыре броненосца и четыре броненосных крейсера) и значительное количество лёгких крейсеров и миноносцев. Однако по непонятному замыслу японского адмирала в бою участвовал лишь первый броненосный отряд из шести единиц (броненосцы "Микаса", "Асахи", "Фудзи", "Сикисима" и броненосные крейсера "Кассуга" и "Ниссин"). Остальные корабли блокадного флота во время боя держались вне сферы огневого контакта и на ход и исход сражения никак не влияли. У Витгефта имелись реальные шансы на успех - противник обладал бо́льшим эскадренным ходом, однако в дуэли шесть против шести у русских было преимущество в тяжёлой артиллерии.

...Эскадра вытягивалась на внешний рейд и выстраивалась там мучительно медленно, словно человек, всячески оттягивающий предстоящую ему донельзя неприятную процедуру. Начав движение в пять часов утра, русские корабли вышли в открытое море только около девяти.

Адмирал Витгефт сидел в кресле на мостике "Цесаревича" и сумрачно разглядывал кильватерный строй своей эскадры. Он молчал, и вообще атмосфера на флагманском корабле царила такая, словно все дружно собрались на собственные похороны.

Противник появился на горизонте в половине двенадцатого, когда Порт-Артур остался уже далеко позади. Броненосцы адмирала Того двигались на пересечку курса русской эскадры и открыли огонь с предельной дистанции в двадцать минут первого. Первые тяжёлые снаряды пророкотали над волнами и подняли первые водяные столбы. Когда дистанция сократилась, русские линейные корабли ответили, и вскоре вся боевая линия непрерывно полыхала вспышками орудийных залпов.

Первый период боя оказался суматошным и беспорядочным. На "Цесаревиче" несколько раз меняли курс, обходя некие плавающие предметы, принятые за мины. Того, пытавшийся охватить голову русской эскадры для концентрации огня по флагману, принял эволюции русских за хитрый маневр, предназначенный для прорыва под кормой его броненосного отряда, засуетился, перемудрил сам себя и в результате развернул строй своих кораблей и начал расходиться с Тихоокеанской эскадрой контркурсами. И разошёлся.

Оказавшиеся под интенсивным обстрелом концевые русские крейсера не стали состязаться с противником в артиллерийской мощи, а просто отвернули и выскочили из-под огня. Длившийся около двух часов бой оборвался.

Ни один из кораблей Витгефта не получил сколько-нибудь значительных повреждений,

а путь во Владивосток был открыт. Правда, пользуясь преимуществом в скорости хода, японцы, насилуя машины своих кораблей, через два часа настигли противника, но бой всё-таки шёл на равных. Обе стороны засыпали друг друга снарядами, сосредоточив огонь на флагманских кораблях (в ходе боя "Цесаревич" получил девятнадцать попаданий, тогда как в "Микаса" русским удалось вклепать двадцать два крупных снаряда). Но...

До сих пор остаётся загадкой, почему Витгефт со штабом находился на открытом верхнем мостике "Цесаревича" вместо того, чтобы укрыться за бронёй боевой рубки - ведь такое диктовала простая логика. Приписываемое ему выражение: "Не всё ли равно, где умирать..." кажется несколько странным. Ну не будет идущий в сечу латник снимать доспехи и оставаться в одной полотняной рубашке - это же просто нелепо! И тем не менее...

Здесь, на мостике, его и настиг двенадцатидюймовый фугасный снаряд, искрошивший и самого адмирала, и его штабных. Почти в то же время русский снаряд врезался в палубный настил "Микаса" перед входом в боевую рубку и завертелся, словно пытаясь прогрызть палубу. Адмирал Того, замерший у просвета боевой рубки, остановившимися глазами следил за ворочавшимся в нескольких шагах от него трёхсоткилограммовым чудовищем, готовым вот-вот обернуться вихрем всеуничтожающего пламени. Но снаряд повертелся и затих - *не взорвавшись*. Случайность, каких немало происходит и на войне, и вообще в жизни...

"Цесаревич" же некоторое время спустя (через полчаса после гибели Витгефта) получил в боевую рубку ещё один крупнокалиберный снаряд, осколками которого был ранен командир броненосца капитан 1-го ранга Иванов и заклинен рулевой привод. Броненосец покатился влево, приведя в смятение весь строй русской эскадры. На нём был поднят сигнал о передаче командования младшему флагману Ухтомскому на "Пересвете", но тот не сумел должным образом этот сигнал отрепетовать. Снасти на "Пересвете" были повреждены, что делало невозможным поднятие обычного флажного сигнала, а прикреплённые к поручням мостика флаги остались незамеченными с других кораблей эскадры. Радиотелеграфом же никто не догадался воспользоваться, равно как и не попытался известить эскадру о передаче командования любым другим возможным способом. Снова случайность...

Бой был проигран русскими, хотя Тихоокеанская эскадра не только не понесла потерь, но даже не имела непоправимых повреждений, а адмирал Того уже отдал приказ японскому флоту отходить в Сасебо.

Не спас положение и отчаянный бросок третьего флагмана, контр-адмирала Рейценштейна, поднявшего на крейсере "Аскольд" сигнал: "Следовать за мной!" и устремившегося на прорыв. За "Аскольдом" последовал только "Новик", оба корабля прорезали строй японских крейсеров и пропали в темнеющем море. Броненосцы же этот сигнал игнорировали и продолжали беспорядочным стадом отступать к Порт-Артуру, никем не управляемые. Тем не менее, они отбили суматошные ночные минные атаки японцев и добрались до своей гавани - до последней гавани. Под покровом ночи "Цесаревич", "Диана" и несколько миноносцев, отделившись от эскадры, дошли до нейтральных портов, где и благополучно разоружились до конца войны: "Цесаревич" с тремя миноносцами в Циндао, "Аскольд" и "Грозовой" - в Шанхае, "Диана" - в Сайгоне. Китайский нейтралитет не спас от захвата японцами в Чжифу миноносец "Решительный" - прав тот, кто сильнее. Геройский "Новик" (единственный корабль, попытавшийся всё-таки достичь Владивостока) добрался до Сахалина, там был настигнут противником и затоплен своей командой после отчаянного боя близ Корсаковского поста.

Вышедший навстречу порт-артурской эскадре со случайным опозданием - "Громобой" не был готов к выходу из-за разобранных для профилактического ремонта машин - отряд владивостокских крейсеров 1 августа перехватила эскадра вице-адмирала Камимур. После жестокого многочасового сражения с превосходящим противником русские корабли вернулись во Владивосток, но только два из трёх: растерзанный снарядами "Рюрик" остался на дне Корейского пролива. У японцев потерь не было. Интересна одна мелочь: русские более крупные и высокобортные океанские крейсера имели бы преимущество над своими противниками в эффективности артиллерийского огня при сильном волнении. В бою 1

августа море было идеально спокойным.

Прорыв не удался, основная часть Тихоокеанской эскадры возвратилась в смертельный капкан Порт-Артура. Война продолжала разворачиваться по сценарию.

* * *

Корабли русского Балтийского флота шли вдоль западного побережья Африки. Стоял ноябрь, но в экваториальных широтах погода совсем не соответствовала понятиям выходцев с севера об этом времени года. Мучили жара и влажность, но день за днём 2-я Тихоокеанская эскадра оставляла за кормой очередные десятки и сотни миль.

Эскадра собиралась в поход долго и нудно. Решение об её снаряжении было принято ещё в апреле, сразу после гибели Макарова, а вопрос о выходе решился только 10 августа на совещании у Николая II. И лишь 2 октября 1904 года эскадра покинула Либаву и вышла в свой многотысячегильный путь.

Защитники Порт-Артура истекали кровью, отбивая отчаянные штурмы осадной армии барона Ноги; 1-я Тихоокеанская эскадра обречённо замерла на внутреннем рейде; русская армия откатывалась и откатывалась на северо-запад; а в высших сферах власти империи всё ещё на что-то надеялись: и крепость устоит до подхода Рождественского, и тамошняя эскадра уцелеет и успешно соединится с подходящим с Балтики флотом - враг вдруг поглупеет и беспрепятственно позволит русским кораблям встретиться.

Несмотря на основательную загруженность прямыми служебными обязанностями, у мичмана Сомова оставалось изрядно времени для размышлений - что ещё можно делать в лишённой какой бы то ни было связи с берегом железной коробке, куда даже новости в очередном порту доходят с месячным опозданием. Андрей впервые оказался в дальнем плавании, он искренне ликовав по этому поводу, но вместе с тем к чувству восторга примешивался неприятный осадок, возникший при расставании с Наташей.

Нет, внешне ничего вроде бы и не произошло, девушка обещала ждать и писать при первой оказии, но что-то всё-таки неуловимо изменилось после той злополучной встречи у Летнего сада петербургской белой ночью.

Чёртова цыганка! Набормотала невесть что, смутила и словами своими, и особенно нелепой и неожиданной гибелью, как будто кто-то очень могущественный поспешил заткнуть гадалке рот самым надёжным способом - пока она не сказала слишком многого.

Дитя вступавшего в свои права технического двадцатого века, мичман Сомов никогда не увлекался ни спиритизмом, ни оккультными науками, ни прочей чертовщиной, оставляя эти занятия старым девам и представителям богемы, не знающим, чем ещё заняться. И уж конечно не мог он посоветоваться по этому вопросу с Завалишиным - тот просто посмеялся бы над ним, несмотря на существовавшие между ними дружеские отношения.

Но в те редкие вечерние часы, когда Андрей имел возможность полюбоваться с раскачивающейся на могучих океанских валах палубы броненосца "Орёл" роскошным звёздным небом - звёзды над морем видны гораздо лучше, чем с залитых светом газовых фонарей и новомодным электричеством улиц городов, - его раз за разом охватывало очень странное ощущение, какое-то неясное томление духа. Будто бы там, за звёздами, он, мичман флота российского Сомов (или не он даже, а некое иное существо, каким-то непонятным образом передавшее свою память Андрею), оставил нечто необычайно важное, составлявшее саму суть его бытия. Шептали что-то неведомые голоса, и возникали в сознании смутные видения когда-то пережитого, именно пережитого, а не рассказанного кем-то или прочитанного в какой-то книге. И чувство это одновременно и мучило, и доставляло удовольствие. Он видел...

...Звёзды, звёзды, звёзды... Звёзды без счёта... Алые всполохи и слепящие белые вспышки... Ощущение Силы, переполняющей всё моё существо, Силы, способной гасить эти звёзды...

И ещё - звёзды казались мичману ищущими глазами, ищущими его и... Наташу! Наверное, для человека рационалистического мышления самым правильным было бы обратиться к судовому доктору, но что-то удерживало Сомова от подобного шага.

Эскадра тем временем обогнула мыс Доброй Надежды. Позади остались назойливые английские крейсера, сопровождавшие русские корабли от Виго до Канарских островов, тропические ливни и душная жара Гвинейского залива, где эскадра пересекла незримую черту экватора. Даже яростный шторм у южной оконечности Африки казался морякам облегчением - он принёс с собой долгожданную прохладу.

А впереди их ждал Мадагаскар, и самое главное - новости, которых эскадра была лишена в течение продолжительного времени.

И новости эти оказались прескверными - 23 декабря в бухте Носси-Бэ на Мадагаскаре Рождественский получил известие о падении Порт-Артура.

* * *

Участь оставшихся от всей Тихоокеанской эскадры семи крупных кораблей была плачевной - в море они больше не выходили, отдавая матросов и орудия на сухопутный фронт. Попыток прорыва поодиночке не предприняли ни быстроходные броненосцы "Пересвет" и "Победа", ни крейсера "Паллада" и "Баян". В конце ноября, после нескольких штурмов, японцам удалось захватить гору Высокую, с которой хорошо просматривались Восточный и Западный бассейны порт-артурской гавани.

Начался финальный акт трагедии Тихоокеанской эскадры - в течение нескольких дней японцы методично расстреливали русский флот из осадных одиннадцатидюймовых орудий, словно мишени на полигоне. Уцелел лишь броненосец "Севастополь", перешедший в бухту Белый Волк. Но и он не пережил падения крепости - 20 декабря 1904 года, выдержав несколько атак японских минных флотилий и получив в результате попадания торпедой, последний крупный корабль русской эскадры был затоплен своей командой на внешнем рейде Порт-Артура. В этот же день генерал Стессель сдал город и крепость японской императорской армии.

* * *

Эскадра Рождественского простояла в Носси-Бэ два с половиной месяца - до начала марта. Столь продолжительная стоянка была вызвана в корне изменившейся ситуацией на театре военных действий: Порт-Артур пал, русские морские силы на Тихом океане уничтожены (пару уцелевших владивостокских крейсеров в расчёт можно не принимать), и японский императорский флот безраздельно владеет морем. 2-я Тихоокеанская эскадра осталась последним резервом России на море, последней ставкой в кровавой игре. Но в данном составе эскадра была слишком слаба для того, чтобы попытаться бросить вызов упоённому победами флоту Островной империи. Это понимали и в далёком Петербурге и лихорадочно пытались найти выход. Сгребли оставшееся старьё с Балтики и отправили его вдогонку Рождественскому, но мера эта являлась чисто символической. Присоединить же к эскадре новые и сильные корабли с Чёрного моря не представлялось возможным из-за наложенного Турцией запрета на прохождение военными судами других стран Босфора и Дарданелл.

Россия уподобилась азартному игроку в казино, выгребавшему из карманов последнюю мелочь в безумной надежде, что подлый шарик рулетки остановится всё-таки на выбранном числе. Иначе - только пулю в лоб.

Стоит ли говорить, что настроение у защитников Отечества на борту пребывавших в тёплых водах Мадагаскара российских боевых кораблей отнюдь не было радужным -

слишком многие понимали, что затеянное предприятие безнадежно. Тем не менее, все - одни в силу долга, другие скованные жесткими путами дисциплины, третьи (были и такие) из-за неугасшего патриотизма - продолжали почти по инерции выполнять порученное им дело. Человеку, подхваченному ярящимся горным потоком, невозможно выбраться на берег, если только с берега ему не протянут руку помощи. Но руку протягивать никто не спешил.

Мичман Сомов принадлежал к третьей категории. Несмотря ни на что, наперекор даже здравому смыслу, он верил в победу и не допускал никакого иного исхода столкновения с японцами. Эта вера помогла ему избежать затягивавшего болота пьянства, в котором всё глубже тонул личный состав кораблей - как матросы, так и офицеры. Устоять же против искушений плоти - маленький береговой городок был переполнен доступными женщинами, слетевшимися сюда на запах наживы, - он сумел только лишь благодаря образу девушки, оставшейся в далёком городе на берегах Невы, но постоянно присутствовавшей рядом с ним незримо.

Пусть весь мир рушится в тартарары - Наташа была, есть и будет для Андрея маяком, чей свет пробьётся через любую мглу и непогоду. Мичман не испытывал неловкости от высокопарности своих мыслей - молодые влюблённые очень склонны к гиперболизации предмета своего обожания.

Но всё кончается, окончилось и затянувшееся пребывание русской эскадры в водах острова Мадагаскар. 3 марта 1905 года Рождественский вышел в Индийский океан к Малаккскому проливу и дальше - к Цусиме, где его ждал оскалившийся многочисленными орудийными стволами и торпедными трубами флот адмирала Того. Поведение русского правительства было *необъяснимым* - у эскадры явно не хватало сил для решения поставленной перед ней задачи. Существовало несколько гораздо более разумных выходов из сложившегося положения, но Рождественский получил приказ следовать на восток. Почему его эскадру не задержали ещё на некоторое время для усиления, скажем, покупными и достраивающимися судами - на этот вопрос *ответа нет*. Вместе с остатками своего флота к неизбежной гибели слепо шла и вся трёхсотлетняя империя Романовых...

Как ни странно, но гораздо больше, чем ближайшее будущее, Андрея Сомова занимал скрытый смысл его видений, становившихся всё чаще и ярче по мере приближения эскадры к берегам Японии. Видения эти сделались уже привычными, стали некоей неотъемлемой частью существования, и если какая-либо редкая ночь проходила без феерических снов, мичману делалось как-то неуютно. Он никому не говорил об этом, да и говорить-то было и некому.

...Железные водоплавающие монстры Российской империи, расталкивая своими грузными тушами пенящиеся волны, пересекали Восточно-Китайское море. В Цусимский пролив эскадра должна была войти утром 14 мая 1905 года, и этому дню суждено было стать самой мрачной страницей в истории русского флота.

Приближение русской эскадры японцы заметили ещё ночью, и Того немедленно привёл в движение взведённый боевой механизм. Разведывательные крейсера его флота один за другим стягивались к району обнаружения противника, и с этого момента корабли Рождественского находились под неусыпным наблюдением. И как же русский адмирал реагировал на происходящее? А никак.

Рождественский понаделал столько ошибок, что будь он даже агентом японского Генерального штаба, он и то не смог бы сделать большего для разгрома своей собственной эскадры.

Корабли Рождественского не соблюдали светомаскировку - вспомогательный японский крейсер первой линии дозоров "Синано-Мару" обнаружил эскадру по огням госпитальных судов. Начальник 3-й эскадры контр-адмирал Небогатов за время перехода на Дальний Восток приучил свой отряд двигаться ночью без огней, командующий же 2-й Тихоокеанской эскадрой этого не сделал.

Плана боя не существовало вовсе, русский адмирал не только не вёл разведки сам, но и не предпринял ничего против японских дозоров. Даже когда со вспомогательного крейсера

"Урал" у Рожественского запросили разрешения перебить радиотелеграфные переговоры врага, сообщавшего Того исчерпывающие данные о строе, составе, курсе и скорости русской эскадры, он запретил это делать. Подтягивавшиеся поодиночке и небольшими отрядами японские крейсера легко могли быть уничтожены порознь, но Рожественский воздержался от активных действий. Затейное им на глазах японцев перестроение смешало строй русских кораблей, в результате броненосец "Ослябя" сделался лёгкой мишенью для крейсеров Камимурэ и пошёл на дно через какие-то полчаса после открытия огня.

Рожественский не использовал единственный предоставленный ему судьбой (и рискованностью действий Того) шанс решительно атаковать противника (именно атаковать, а не просто открыть огонь), предельно сократив дистанцию для повышения точности огня и эффективности русских облегчённых бронебойных снарядов, и смешать, сбить в кучу вражеский строй в тот момент, когда японский флот разворачивался последовательно на параллельный курсу русской эскадры курс, и его кильватерная колонна сдвоилась. А дальше предпринимать что-либо было уже поздно: японцы навязали противнику свой план боя, в полной мере использовавший преимущества их кораблей, и громили русскую эскадру, как хотели, где хотели и когда хотели.

Всё это тем более странно, что Рожественский сумел провести вверенную ему эскадру по восемнадцатитысячемильному пути (три четверти протяжённости экватора), не потеряв ни единого корабля, даже самого маленького или старого. Дикий самодур, свято верящий в своё право решать за всех, не слушающий ничьих советов и полагающийся лишь на свою железную волю, в сражении он полностью растерялся и только подставлял Того бока, чтобы тому удобнее было бить. Случайность? Может быть...

...Следовавший четвёртым в строю "Орёл" пережил весь кроваво-огненный кошмар дневного боя, будучи вместе с остальными новейшими броненосцами главной целью японских комендоров. Корабль уцелел только лишь потому, что был четвёртым. Продлился артиллерийская дуэль ещё с полчаса, и он неминуемо последовал бы за своими братьями - перевернувшимися под вечер (один за другим) истерзанными снарядами "Александром III" и "Бородино" и добитым торпедами (уже превращённым до этого в плавучую грудку металлолома) "Князем Суворовым". "Орёл" выжил - выжил только лишь для того, чтобы на следующий день испить до дна горькую чашу позора, когда окружённый всем японским флотом адмирал Небогатов сдал четыре уцелевших броненосца врагу.

Мичман Сомов оказался единственным из палубных офицеров "Орла", не получившим ни единой царапины за весь страшный день 14 мая, когда в "Орёл" попало до ста пятидесяти вражеских снарядов крупного и среднего калибра. И это притом, что молодой офицер всё время находился на открытых и самых опасных местах, командуя пожарным дивизионом. Матросов вокруг него скашивало осколками целыми группами; ревел сотрясаемый взрывами воздух; пылало, казалось, даже железо судовых конструкций; сам корабль кричал от боли, словно терзаемое вивисекторами живое существо, а Андрей оставался невредим. Его будто хранила неведомая могущественная сила, отводившая от мичмана визжащую раскалённую смерть. Тело Сомова словно чувало само, где прорежет воздух очередной осколок (или же целый веер их), и оказывалось в каждую секунду именно в том месте, которое крошечные стальные убийцы в эту секунду обходили. Впрочем, задумываться о чудесном во время боя времени не было, осознание пришло к Андрею гораздо позже.

Когда днём 15 мая мичман Сомов увидел на мачте русского броненосца вместо андреевского стяга флаг Страны Восходящего Солнца, прочная корабельная палуба дрогнула и ушла у него из-под ног. От самоубийства его удержала лишь спокойная и рассудительная речь Завалишина, да ещё далёкий-далёкий, оставшийся где-то в прежней, доцусимской жизни образ девушки из мглистого северного города. Но что-то в нём всё-таки сломалось, и прежний пылкий и наивный мичман Андрей Сомов умер, смертельно раненный невиданным разгромом некогда победоносного русского флота.

В плену русские морские офицеры пользовались относительной свободой. Они могли беспрепятственно разгуливать по улочкам небольшого японского городка Сэндай, смотреть, разговаривать, вступать в контакты. Некоторые умудрились даже завести романы с японками и оставить здесь потомство. Оно и понятно - японцам не за что было так уж ненавидеть своих недавних врагов. Победа на море досталась сынам богини Аматерасу-Амиками легко, с ничтожными потерями, а не была вырвана большой кровью и предельным напряжением сил. Именно этим и объяснялось снисходительное великодушие победителей по отношению к побеждённым.

Первое время Андрей никуда не ходил. Он целыми днями валялся на койке, отвернувшись лицом к стене, почти ничего не ел и не реагировал на все попытки товарищей растормошить его. Мичман был раздавлен обломками рухнувшего величественного здания, имя которому вера. Всё, чему он поклонялся и истово служил, рискуя жизнью (и бой тому подтверждение), разлетелось в пыль и прах под залпами японских орудий в проклятом проливе, у берегов скалистого и поросшего лесом острова Цусима.

Потом он всё-таки мало-помалу пришёл в себя, стал выходить в город, приглядываясь к жизни чужого народа, текущей мимо него по своим, отличным от привычных для Андрея законам. И как-то раз во время очередной прогулки Сомов оказался возле небольшого пагодообразного храма, то ли буддистского, то ли синтоистского - мичман не был силён в таких тонкостях. Некоторое время он просто смотрел на деревянное строение снаружи, а затем, подчиняясь неожиданному импульсу, вошёл внутрь. Русский моряк и раньше замечал на улицах городка установленные под открытым небом маленькие алтари, на которых теплились свечи, но проходил мимо них равнодушно. А вот сейчас почему-то не прошёл.

В храме царил полумрак - солнечный свет скупо пробивался сквозь занавешенные циновками проёмы в стенах, - и пахло чем-то непривычным и пряно-ароматным. В первый момент Андрею показалось, что внутри храма нет никого, кроме него самого, однако приглядевшись, он заметил сидевшего на коленях бритоголового старика в коричневом одеянии. Глаза священника были закрыты, на тёмном морщинистом лице не шевелился ни один мускул, и сидящий больше походил на вырезанную из дерева статую, нежели чем на живого человека. И тут веки монаха медленно открылись. Горящий тёмным огнём взгляд вонзился в мичмана, и Сомов почти физически ощутил огромную внутреннюю силу этого взгляда.

— Что привело тебя сюда, чужеземец? - спросил священник шелестящим голосом.

— Я зашёл случайно... - ответил мичман, и только потом сообразил, что монах-японец говорит по-русски.

— Удивляться не надо, - старик словно прочёл его мысли. - В молодости я много жил среди твоего народа на острове Карафут⁸ и выучил ваш язык. А ты ошибаешься - в храм Бога случайно не заходят. Подойди ко мне...

Андрей приблизился к священнику и, повинувшись слабому жесту сухой руки, опустился на устилавшие пол циновки. Мичман неуклюже попытался сесть, но не знал, куда деть мешавшие ему ноги. "И как этот японец, - подумал он, - может сидеть в такой спокойной и расслабленной позе, немыслимой для европейца?".

Старый священнослужитель медленно и внимательно оглядел Сомова с головы до ног и так же медленно изрёк:

— В тебе есть нечто странное, гость, странное и непостижимое. Я думаю, это тянется из какой-то из твоих прежних жизней.

— Препрежних жизней? - не понял Андрей.

— Да. Вы, белые, не знаете о цепи перерождений, о Колесе Санасары. Душа нисходит в

⁸ Карафут-Мацу - японское название острова Сахалин.

Круг Бытия неоднократно, просто в каждом очередном воплощении человек, как правило, ничего не помнит о своих предыдущих жизнях. И это справедливо - ведь он каждый раз живёт так, как будто жизнь эта есть единственная, первая и последняя. Но в твоём прошлом, далёком прошлом, - старик говорил по-русски чисто и правильно, но на последних словах голос его дрогнул, -...есть нечто такое, чего нельзя касаться неосторожной рукой. Я даже не смею заглянуть в ту бездну, которая тебя извергла...

"Опять! - мелькнуло в голове Андрея. - Сначала та цыганка у Летнего сада, теперь этот старик с лицом деревянного Будды...". А монах тем временем продолжал:

- Самое главное для тебя, юноша, - это понять, зачем ты явился в этот Мир, что ждёт тебя и каково твоё Предназначение. Маловероятно, что с тобой случится что-нибудь плохое - тебя хранят, тебе дают время и возможность разобраться в себе и выполнить Предначертанное. Если же ты не сумеешь, тогда всё начнётся сначала, ты придёшь в этот - или даже в иной - Мир снова, и снова будешь карабкаться в гору. И в конце концов...

Старик явно намеревался сказать что-то ещё, но не успел. Всё дальнейшее произошло с убийственной стремительностью - так же быстро, как в Петербурге немногим больше года назад.

По циновкам скользнуло чёрное гибкое тело. Монах хрипло вскрикнул и опрокинулся навзничь. Змея свилась кольцом у его дергавшихся ног, подняла голову и пристально уставилась прямо в глаза Андрею своими круглыми немигающими глазами. Раздвоенный язык выскочил из её пасти и затрепетал, ощупывая воздух. Медленно-медленно мичман поднялся и сделал один шаг назад, потом ещё один. Змея не шевелилась, просто одним своим присутствием она не позволяла подойти и помочь, или хотя бы позвать на помощь, - под взглядом холодных змеиных глаз язык Андрея словно присох к гортани.

На искажённых губах священника появилась пена, он ещё раз дернулся и затих, и глаза его закатились и остекленели. Как же так? Ну да, конечно, змеи прячутся от зноя в темноту и прохладу, но чтобы они сами нападали на человека без видимых на то причин... Или причина всё-таки была?

Змея качнула треугольной головой и, словно сочтя свою задачу выполненной, развернувшись, заструилась по циновкам прочь, к установленному в глубине храма алтарю с резными деревянными статуями, и исчезла там в полутьме.

И только тогда Андрей Сомов очнулся. Он не бросился к телу монаха - мичман был почему-то уверен, что тот уже мёртв. В голове его пульсировала одна-единственная мысль: "Если в храм сейчас войдут и обнаружат русского офицера над мёртвым телом японского священника, то...". Как бы то ни было, несмотря на всю иллюзорную свободу своего пребывания здесь, он всё-таки военнопленный - со всеми отсюда вытекающими.

Мичман выскочил из пагоды и быстро пошёл - перейти на сумасшедший бег мешала осторожность - по пыльной, прогретой летним солнцем улице, мимо хрупких игрушечных домиков, не оглядываясь назад и даже не глядя по сторонам.

"Но что же хотел сказать мне японец, хотел - и не смог? - смятенно думал он. - Или монаху... не позволили договорить?"

* * *

Весь ход войны после гибели 1-й Тихоокеанской эскадры и взятия японцами Порт-Артура был уже всего лишь агонией - и безуспешные попытки армии задержать наступление японцев, исправно получавших пополнения и снаряжение морем и наносивших русским одно поражение за другим, вплоть до Мукденского разгрома; и беспримерный переход 2-й Тихоокеанской эскадры вице-адмирала Рожественского через три океана, закончившийся Цусимской катастрофой.

Российская империя поспешила заключить Портсмутский мир. По всей необъятной стране уже занималось пламя революции, и не принёсшую славы войну надо было

заканчивать. Даже если на суше удалось бы завалить солдатским мясом измотанные японские армии, бороться с господствовавшим на море флотом адмирала Хейхациро Того было уже нечем - почти все русские корабли лежали на дне Жёлтого и Японского морей.

Война была проиграна, проиграна окончательно и бесповоротно, и не будет большим преувеличением сказать, что её исход решили (кроме тех объективных причин, на которые так любят ссылаться историки): взрыв под килем "Петропавловска" (на котором непонятно почему оказался адмирал Макаров) японской мины (непонятно почему не вытраленной); японский тяжёлый снаряд, отправивший в небытие адмирала Витгефта (непонятно почему пренебрегшего спасительной бронёй); неразорвавшийся русский снаряд, угодивший в рубку "Микаса"; и полный ступор, охвативший адмирала Ухтомского на заключительной фазе боя 28 июля и позже адмирала Вирена в Порт-Артуре - он не сделал ни единой попытки спасти вверенные ему корабли 1-й Тихоокеанской эскадры. В мышеловке порт-артурской гавани флот был обречён на сто процентов, а при отчаянной попытке прорыва во Владивосток или же прямо навстречу эскадре Рождественского (автономные крейсера-броненосцы "Победа" и "Пересвет" специально проектировались и строились для длительных рейдов в океане) удача могла бы и улыбнуться, тем более что наступало время долгих осенних ночей. Морская блокада японским флотом Порт-Артура не была, да и не могла быть абсолютной.

Что же касается эскадры вице-адмирала Рождественского, то всё случившееся с ней идеально укладывалось в рамки сценария. Война Выбранной страны с Островной империей *обязана была* закончиться эффектным поражением первой. Именно *эффектным*, таким, которое потрясло бы до самого основания весь уклад жизни Российской империи. А что может быть эффектней, чем беспримерное, граничащее с полным уничтожением поражение гордящегося своей славной двухвековой историей флота? Разгром (при котором противник и потерь-то практически не понёс), завершившийся позорной, не имеющей аналогов в боевой практике паровых броненосных флотов сдачей в плен в открытом море пяти кораблей? И если Небогатов с остатками эскадры был окружён всем японским флотом (перед лицом такой подавляющей силы его поступок хоть как-то может быть понят), то Рождественский на борту исправного миноносца "Бедовый" сдался истребителю "Сазанами" один на один.

Принимая во внимание сценарий, можно объяснить очень многое. И то, что неготовая эскадра была послана в бой, и то, что во главе её оказался именно Рождественский, с энергией и упрямством буйвола ведущий флот и Россию к катастрофе и не сворачивавший до тех пор, пока сворачивать не стало поздно. Он провёл эскадру через три океана только для того, чтобы угробить эту последнюю надежду обречённой империи. А что до ошибок адмирала в Цусимском бою, так он *должен был* их сделать. Русские не только *не имели права* победить, но даже нанести врагу ощутимый урон. Попытавшийся пойти наперекор Макаров погиб, а Рождественский прекрасно справился с отведённой ему "сценаристами" ролью. Одержимый непомерной гордыней, он и не замечал, что послушно выполняет чужую могучую волю, словно жертва, которую тащат к алтарю Кровавых Богов. Правда, остаётся малопонятной коллективная глупость высших военных чинов Российской империи и самого царя (ведь предупреждения звучали, но остались всего лишь пророчествами Кассандры).

Но это уже просто - на Третью планету была послана не одна Тень.

* * *

Под колёса поезда ложились бесконечные вёрсты Сибирской железной дороги. Перебирая стальными круглыми лапами, состав, подобный длинному железнотелому змею, полз и полз с востока на запад по поросшей шерстью лесов спине громадной империи. Империя же, приходя в себя от унижительного поражения, отхаркивалась кровавыми плевками забастовок и бунтов, - а кровавая мокрота есть вернейший признак тяжкого заболевания, поразившего всё нутро некогда энергичного и сильного организма.

По сторонам железнодорожного полотна зелень тайги уже густо покрасило белизной

снегов - зима вступала в свои права. Когда на редких станциях в вагоне открывали двери, внутрь врывались плотные клубы густого холодного воздуха, жадно вытеснявшего живое тепло. Так и на всю империю надвигалось *нечто*, выстуживая привычное, десятилетиями и веками налаженное.

Мичман Сомов чувствовал это, но не смог бы объяснить словами своё ощущение предчувствия. Словно открылось в душе его что-то новое, дающее возможность совсем по-иному взглянуть на всё происходящее, взглянуть и оценить. Андрей сильно изменился - и после Цусимы, и после плена, и особенно после того странного, если не сказать больше, случая в пагоде храма. Не было больше восторженного юноши, на смену полудетскому видению мира пришла мудрость, очень редко присущая человеку столь молодых лет.

Возвращавшиеся из плена офицеры по большей части проводили время за обильными возлияниями, радуясь освобождению из неволи (пусть даже и не очень тяжкой) и временной свободе от жёстких рамок службы. Сомов почти не принимал участия в этих почти непрерывных пирушках - он смотрел на то, что происходило вокруг, смотрел и *впитывал*. И по мере понимания ему становилось жутко.

Мичман, как и многие молодые офицеры, видел тот беспорядок, который ржавчиной разъедал существовавшую вроде бы стройную систему, и желал перемен. Нет, его вряд ли можно было назвать революционно настроенным, просто небывалый разгром, учинённый японцами российской армии и особенно флоту, привёл Андрея к пониманию того просто факта, что дальше так продолжаться не может - что-то надо менять.

Но вместе с тем молодой офицер различал смутные очертания наползавшей *чёрной тени*, и ему становилось *холодно*. Тень эта не несла обновления, наоборот, прикидываясь для измученной неустроенностью страны спасительницей, она преследовала свои собственные цели, очень и очень далёкие от тех, к которым стремилось в мечтах и чаяниях - так или иначе - большинство населения огромной державы.

На станциях и полустанках в глаза бросались насуленные военные патрули, не раз и не два у едущих проверяли документы. Однажды глухая станция встретила поезд выбитыми окнами вокзального здания и невыветрившимся, тяжело витавшим в морозном воздухе запахом гари. А как-то раз среди ночи в оконное стекло вагона, дзенькнув, влетела пущенная откуда-то из лесных дебрей пуля. Никого не зацепило, да и вряд ли стрелявший выцеливал кого-то - просто выпалил по несущемуся в ночи составу, расплёскивая скопившуюся подсердечную злобу.

За Уралом удалось купить газеты, пестревшие непривычными и тревожными заголовками, словами и понятиями, более подходящими донесениям из фронтовой полосы. Ясно было только одно - по всей стране закипало обжигающее варево, так мало похожее на вычитанные из причёсанных книг описания английской или французской буржуазных революций. В русской смуте явственно (по крайней мере, для Андрея Сомова) присутствовал ещё один компонент, резко отличавшийся от всего того, что описывала историография. Скорее, скорее в Петербург, на Староневский!

* * *

Северная столица встретила Андрея метелью, темнотой некогда залитых беззаботным светом улиц и запахом встревоженности. Прямо с Николаевского вокзала мичман поспешил к знакомому дому, едва сдерживая удары рвущегося наружу сердца. Он стремительно избежал по лестнице, повернул ручку звонка и через несколько секунд услышал за дверью шаги, которые узнал бы среди тысяч других. Дверь распахнулась с негромким щелчком замка - без промедления и вопроса "Кто там?", - и навстречу молодому офицеру плеснуло мягким светом глаз Наташи и теплом её поднятых рук...

Потом они пили чай с вареньем за большим столом в гостиной вместе с Иваном Петровичем, Екатериной Михайловной и Володей, братом Наташи. И если гимназист,

пользуясь невероятно удачным случаем (встретить морского офицера, пережившего Цусиму, и узнать об этом бое из первых рук - мечта мальчишки, будет чем похвастаться перед сверстниками!), приставал к Андрею с расспросами, то старшие больше говорили сами - ведь мичман почти ничего не знал о том, что творилось в России.

Собственно говоря, беседу вёл Иван Петрович. Екатерину Михайловну, в силу извечного материнско-женского инстинкта, куда более занимало происходящее между её дочерью и мичманом - это для неё было куда важнее, чем все забастовки и мятежи на свете. И она молчала, лишь следила украдкой за выражением лиц Наташи и Андрея, почти безошибочно читая их мысли - без всякой магии.

Иван же Петрович говорил и говорил, найдя в Андрее Сомове благодарного слушателя, которого инженеру-путейцу давно уже не хватало.

— Вам повезло, молодой человек, что вы сумели добраться из первопрестольной к нам в Питер - рабочие Николаевской железной дороги не бастуют. А в самой Москве... - Иван Петрович махнул рукой. - Там, того и гляди, дело дойдёт до стрельбы...

Инженером явно владели противоречивые чувства. Как любой интеллигент и просто думающий человек, он ждал и жаждал перемен, реформ, созыва Государственной Думы, но перспектива близкой и вполне реальной крови отнюдь не приводила его в восторг. Он заметно нервничал, расплескивал чай, размешивая серебряной ложечкой сахар в чашке, и очень хотел, чтобы жених дочери (и весьма неглупый молодой человек, как Иван Петрович успел заметить) его выслушал и понял бы.

— Вы как полагаете действовать, господин мичман? - спросил он Андрея.

— Как и положено офицеру, Иван Петрович. Мне предписано отбыть в Гельсингфорс, на базу минной дивизии. А там - на корабль.

— В Гельсингфорс... - со странной интонацией протянул хозяин дома. - Хорошо, что не в Кронштадт... Ах да, вы же не знаете. Совсем недавно, в октябре, там было вооружённое восстание, мятеж матросов и солдат. Убивали офицеров... Бунт подавили, зачинщиков и просто участников судили, но искры тлеют. Да и вообще у вас во флоте... - Иван Петрович тяжело вздохнул и отодвинул чашку с недопитым чаем. - В ноябре, когда вы уже были по дороге домой, восстал флот в Севастополе. Крейсер "Очаков" поднял красный флаг, мятежников возглавил лейтенант Шмидт. И русские корабли стреляли друг в друга... Вот так-то, Андрей.

Сомов вспомнил разговоры, ходившие среди офицеров эскадры Рожественского после падения Порт-Артура. Тогда всех очень волновал вопрос, смогут ли черноморские корабли присоединиться к ним на Мадагаскаре. Они не присоединились... "Потёмкин", который должен был быть флагманом черноморской эскадры под командованием адмирала Чухнина, в июне восстал, стрелял по Одессе, а потом ушёл в Румынию и сдался там местным властям. Об этом офицеры-цусимцы узнали уже в плену. И вот теперь красавец-крейсер "Очаков", однотипный с входившим в состав 2-й Тихоокеанской эскадры "Олегом". А третий их брат-близнец, "Память Меркурия", растерзал клыками своих орудий (как не хватало русской эскадре возле Цусимы этих стволов в страшную ночь с 14 на 15 мая, когда от вражеских торпед гибли русские корабли!) не японский, а русский же миноносец "Свирепый", спустивший андреевский флаг и поднявший красный. И самое жуткое, что обе стороны были правы... Андрей почувствовал, что ему не хватает воздуха.

Молодого офицера выручила Екатерина Михайловна. Чуткая добрая женщина мягко и ненавязчиво перевела разговор в иное русло. Да, мужу надо выговориться, но зачем же обрушивать на бедного юношу столько всего и сразу!

— Знаете что, Андрей, - решительно сказала она, - мы вас сегодня не отпустим. У вас, насколько я знаю, в Петербурге никого нет, а сейчас не самое подходящее время идти среди ночи в гостиницу. У нас достаточно места, Лизавета попросила отпуск и уехала к себе в деревню, так что вам можно постелить в её комнате. Поверьте, право же вы никого не стесните. Вы столько пережили, вам надо хоть немного отдохнуть.

Екатерина Михайловна поймала мгновенный блеск в глазах дочери и внутренне

понимающе и ласково улыбнулась. Она ведь была женщиной и ещё очень хорошо помнила свою молодость. Мужчины слепы в таких делах и не придают им существенного значения, всецело поглощённые мировыми проблемами...

* * *

Андрей уснул сразу и крепко, едва коснувшись головой белоснежной подушки (хоть и казалось ему, что заснуть он ни за что не сможет). А проснулся он от ощущения тёплого дыхания и от прикосновения к его щеке тонкой нежной ладони.

В щель между занавесками пробивался призрачный свет луны - метель стихла, уступив место ясной звёздной ночи. Наташа в одной ночной рубашке сидела на краешке кровати, смотрела на Андрея загадочно мерцавшими в лунном свете тёмными глазами и касалась пальцами его щеки и губ.

— Мне холодно... - прошептала она, решительно откинула прикрывавшее мичмана одеяло и одним гибким движением скользнула под него, прижавшись к Андрею всем телом. Тонкая ткань - слабая защита от жара молодой крови; у Андрея зашумело в голове, он нашёл ждущие губы Наташи и забыл обо всём на свете...

Потом они лежали, крепко обнявшись (совсем не думая при этом о том, что их могут застать в этом недвусмысленном положении - их это абсолютно не волновало, несмотря даже на то, что и Наташа, и её родители были людьми весьма строгих правил, да и сам Андрей отличался твёрдыми моральными принципами), и говорили, говорили, говорили. Их жаркий шёпот прерывался жадными ласками, но затем они снова возвращались к прерванной любовной горячей беседе. Зимние ночи длинные, и им хватило времени и на любовь (с едва уловимым привкусом странной и непонятной горечи, который чувствовали оба), и на то, чтобы высказать друг другу всё, что их обоих тревожило.

Андрей рассказал о своих видениях, посещавших его во время долгого пути эскадры на Дальний Восток, о том, как он каким-то чудом не получил даже царапины в огненной круговерти сражения, и о том, что произошло в деревянном храме маленького японского городка.

Наташа, укрывшись до подбородка одеялом и прижавшись к плечу Андрея, слушала очень и очень внимательно, а затем рассказывала сама. И посещавшие её видения странным образом оказались схожи с загадочными снами молодого офицера флота. А схожесть случаев с цыганкой у Марсова поля и со священником-японцем в храме-пагоде заметили оба, и при этом совместном открытии по спинам обоих пробежал леденящий холодок - несмотря на то, что им было жарко, очень жарко от взаимных объятий...

И тут голос Наташи как-то изменился - обычно мягко-журчащий, он сделался вдруг холодным и далёким, словно звучал через бездны, из невообразимого далека. Андрей даже приподнялся на локте, внимательно всматриваясь в смутно различимое в полутьме лицо любимой.

— На нас надвигается Тьма, - глухо сказала девушка. - Чёрная Тень из Неведомого. Всё, что происходит сейчас в России, - это не просто то, о чём мы знаем из истории других стран. Это гораздо страшнее и кровавее - и необъяснимее... За всем происходящим стоит какая-то чудовищная сила. Я не могу понять и сказать, откуда я это знаю - я чувствую...

— Наташенька, зачем же так драматично? России нужны перемены, рождение нового, а любые роды - это всегда боль и кровь.

— Это так, только весь вопрос в том, что именно рождается - человек или жуткий монстр из ночных кошмаров... - Голос Наташи упал до еле слышного шёпота, и Андрей осторожно и нежно поцеловал её дрогнувшие веки и ресницы, пытаясь успокоить.

— Подожди, любимый, дай мне досказать, а то нить понимания так тонка, что может оборваться в любой миг. Бороться с этой Тьмой выше человеческих сил, мы можем только бежать. Где-то там, - Наташа неопределённо повела в темноте пальцами, - очень далеко,

дальше, чем мы можем себе представить, есть способные противостоять Тени, но до них так вот запросто не докричишься. А мы - мы можем лишь спастись бегством, в зыбкой надежде уцелеть...

Ещё каких-то два года назад, на заре их знакомства, Андрей посмеялся бы над таким иррациональными страхами (про себя, конечно, зачем обижать нравящуюся ему девушку) и постарался бы отыскать нужные и правильные слова, способные помочь и развеять суеверия, но теперь...

Минувшие месяцы вместили в себя очень много событий, и среди этих событий были такие, которые затруднительно объяснить с точки зрения материалистической философии и так называемого здравого смысла. Поэтому Андрей просто потянулся к любимой, пытаясь отвлечь её от мрачных дум наиболее действенным для лежащих в одной постели и любящих друг друга мужчины и женщины способом.

— Погоди, - прошептала Наташа, хотя дыхание её сделалось прерывистым, - это очень важно... Разве тебе обязательно нужно возвращаться к службе? Давай уедем куда-нибудь, далеко-далеко, вообще из России. Мы молодые, мы любим друг друга, мы сможем... А потом нас найдут, и ты даже не представляешь себе, что тогда будет... Я знаю даже, куда надо ехать - в Индию, именно там одна женщина по имени Елена нащупала Путь. И тогда тем, кто ищут нас, гораздо легче будет нас заметить. Здесь же - здесь мы просто погибнем, и никто нам не поможет...

Андрей не понимал, но слушал горячий шёпот Наташи, силясь понять. И девушка почувствовала его непонимание, бессильно и как-то горестно вздохнула и уступила его скользившим по её телу рукам.

Всё дело - или даже вся беда - в том, что шкалы ценностей у мужчин и у женщин различны. И если у женщины на первом месте любовь и жизнь, то для мужчины понятия долг, честь - особенно честь офицера русского флота - и патриотизм не есть пустой звук. И обречён исчезнуть без следа в волнах времени любой народ, женщины которого разучатся любить, а мужчины забудут, что такое честь воина. Мичман Сомов не собирался оставлять флотскую службу даже ради любви, он хотел вернуться на палубу корабля под андреевским флагом и там сделать всё от него зависящее, чтобы трагедия Цусимы никогда больше не повторилась. Наивность, слепота или же, наоборот, высшее и самоотверженное служение - это как посмотреть...

* * *

Последний раз они встретились в мае 1906 года - Андрей приезжал на два дня из Свеаборга, где находился минный крейсер "Эмир Бухарский", на котором он теперь служил в должности старшего офицера. Заветные лейтенантские погоны уже легли на его плечи, родители Наташи благосклонно встретили предложение руки и сердца, сделанное Андреем их дочери, и дело шло к свадьбе, назначенной на осень.

Но Наташе не довелось надеть белую фату. В июле 1906 года лейтенант российского флота Андрей Сомов был убит во время Свеаборгского вооружённого восстания. Хранимый неведомой силой и выживший в кровавом кошмаре Цусимы, он стал случайной жертвой мятежа. Защита Хранителей дала сбой - Андрей был под привнесённой магией. И далеко не он один - под злую магию чёрных эсков попала вся огромная страна.

Пройдёт всего двенадцать лет (ничтожнейший срок для Познаваемой Вселенной), и кроваво-мутный поток прорвёт плотину и на долгие десятилетия затопит всю территорию бывшей Российской империи (и не только её). И за эти двенадцать лет произошло много необъяснимого - прежде всего то поистине маниакальное упорство, с которым рушащаяся в пропасть империя отторгала незаурядных реформаторов, способных её спасти (при всей неоднозначности этих личностей). Выжившего при взрыве дачи на Аптекарском острове Столыпина в конце концов застрелили прямо в ложе театра; Плеве просто игнорировал саму

возможность осуществления покушения на свою особу.

Трагическая судьба Столыпина очень похожа на судьбу адмирала Макарова. Не устраивавший никого (ни внизу, ни наверху), Пётр Аркадьевич Столыпин *неизбежно* должен был погибнуть. И погиб - при очень странных обстоятельствах. До сих пор непонятно, как сумел его убийца (с билетом, полученным не где-нибудь, а в полиции) пройти с оружием в тщательно охраняемый театр, и почему премьер-министр задолго до конца спектакля отправил своего телохранителя на улицу к автомобилю.

Макаров мог переломить ход злополучной войны на Дальнем Востоке, а Столыпин - ход всего экономического (и, как следствие, политического) развития России. А такое никак не устраивало "режиссёров".

Пресловутый "кровавый царский режим" оказался совершенно бессильным в борьбе с настырным внутренним врагом (творящим в государстве всё, что ему заблагорассудится и свободно пересекавшим границы Российской империи в обоих направлениях), зачастую проявляя малопонятное мягкосердечие, граничащее с недомыслием и абсолютным непониманием и недооценкой опасности этого врага. Стоит упомянуть, что пришедшие на смену царям новые властители России вели себя в этом вопросе совсем по-иному...

Террористы на выбор (как на охоте!) отстреливали и подрывали тех, кто пытался хоть как-то противостоять накатывающемуся на сотрясаемую корчами огромную страну. И что интересно: если рассмотреть обстоятельства совершения терактов, то в глаза бросается непонятная неспособность соответствующих служб организовать хоть сколько-нибудь эффективную охрану жертв покушений. Бомбисты со своими самоделками подбегали к цели вплотную, так, что сами зачастую погибали при взрыве, и ни разу ни одна пуля не остановила бегущего боевика (более того, ни одна пуля даже не была выпущена). Многоопытных зубров охранки (всех без исключения!) словно поразили внезапная слепота и бессилие, свойственное разве что влекомому на заклание жертвенному животному. Почему?

Бессмысленный, напрочь лишённый элементарной логики и по-средневековому жестокий расстрел безоружной толпы мирных людей в Кровавое воскресенье убил веками жившую в народном сознании веру в доброго царя, за которого бестрепетно отдавали жизнь Иваны Сусанины. А новорождённые российские предприниматели, сопя и урча, давились прибылями, ни в коей мере не желая поделиться с создающими эту самую прибыль и пойти хоть на какие-то уступки вроде восьмичасового рабочего дня. Чудаковатых меценатов среди магнатов можно было посчитать по пальцам, и совсем не они делали погоду. Прохоры же Громы упрямо не понимали и не принимали необходимости такого шага, необходимости, которую давно уже осознали их куда более умудрённые коллеги с Запада. Почему?

А меценаты с усердием, достойным лучшего применения, сами копали себе могилу. Где ещё, в какой стране заводовладельцы так неистово (другого слова и не подобрать) вскармливали своих собственных убийц? А Савва Морозов делал это (и не только он один). Что двигало этими умными и энергичными людьми, щедрой рукой отсыпавшими огромные деньги революционерам (и большевикам - в первую очередь)? Неужто российские промышленники так поглупели в одночасье? Да нет, конечно...

Последнего российского императора Николая II буквально раздавила непосильная ноша, и выпавшую из его немощных и неумелых рук власть проворно подобрали другие, не в пример самодержцу хищные и агрессивные. Временное же правительство Керенского не продемонстрировало и вовсе ничего, кроме полной политической импотенции, и было стремительно сметено набравшим силу бешеным потоком.

Почва была вспахана, удобрена и подготовлена для посева зубов дракона. Невидимые режиссёры прекрасно справились со своей задачей, оставаясь в густой тени: естественный ход событий умело *направлялся* в нужное русло. Размах грядущих потрясений *неминуемо* должен был выйти за обычные рамки исторических стандартов. А что до революционных романтиков и фанатиков - никто из них даже не догадывался, что они не более чем куклы, просто-напросто дёргающие ручками-ножками, повинуюсь натяжению тонких нитей в чутких

и ловких незримых пальцах кукловодов. За эоны⁹ бытия Чёрные Разрушители очень многому научились и накопили громадный опыт...

План Проникновения успешно осуществлялся.

Проведённый Хранительницами тщательный просмотр пространства и измерений в системе Жёлтой звезды не выявил ничего настораживающего. Никаких следов посторонней - а тем более враждебной - магии обнаружено не было.

* * *

Три стандартных года тому назад, 1914 год.

- Время пришло - пора. Но тебе придётся действовать самостоятельно - никаких дополнительных сил я тебе выделить не смогу. Как только в Выбранной стране проявятся последствия Проникновения, Хранители непременно будут нас искать - нам надо заранее позаботиться об убежище. Ты должен справиться сам - ты и твой взвод. Ты понял меня, Лейтенант?

- Да, Майор, я понял вас. Я выполню свой Долг - я сумею. А опыт - опыт у нас есть, война Выбранной страны и Островной империи и то, что случилось после неё, - хорошая репетиция. Мы умеем атаковать Тенями - никто ничего не заметит.

* * *

Европа, на полях которой именуемые армиями толпы вооружённых людей топтались веками, в очередной раз доживала последние дни мира. Стальные желудки несгораемые сейфов уже готовы были выхаркнуть наружу толстенные папки мобилизационных планов, написанных таящими в себе огонь, кровь и страдания аккуратными строчками. Жрецы бога войны - генералы и адмиралы Тройственного союза и Антанты - приготовились к своему кроваво-торжественному ритуалу, а равнодушные стрелки ходиков на стенах домов в европейских столицах доедали оставшиеся до начала мировой бойни часы. Строго говоря, Первую Мировую войну следовало бы назвать Второй, так как пальму первенства в борьбе за этот сомнительный в своей престижности титул многие историки отдают случившейся на полтора века раньше Семилетней войне, но какое это имело значение для миллионов тех людей, которым суждено было погибнуть в ближайшие месяцы и годы.

...Четвёртого августа 1914 года штилевую поверхность Средиземного моря к западу от Сицилии яростно вспарывали четыре крейсера: германские "Гебен" (под флагом контр-адмирала Сушона) и "Бреслау" и британские "Индомитебл" и "Индифатигэбл". Клубы тяжёлого угольного дыма обильно пачкали чистое небо - корабли шли самым полным ходом, выжимая из своих машин всё, на что они были способны.

Немцы шли посередине, а корабли флота Её Величества следовали за ними параллельными курсами, держась по бортам германских крейсеров. Строй клина, который образовала мчавшаяся на восток четвёрка, медленно заострялся - англичане мало-помалу проигрывали гонку. Снарядам уже тесно было в орудийных стволах, но пушки пока молчали: официально две империи ещё не находились в состоянии войны. Хотя немецкие артиллеристы уже размялись: на рассвете германские корабли обстреляли алжирские порты Филиппвиль и Боне. Выпущенная крейсерами сотня снарядов особого вреда французам не причинила, но переполоху наделала. Так что с Францией Германия уже воевала, а вот с Англией - ещё нет.

Командующий французским флотом вице-адмирал Буа-де-Ляперер своей основной

⁹ Эон - большой промежуток времени; эра, эпоха.

задачей видел обеспечение своевременной и безопасной доставки в Европу корпуса алжирских стрелков. Германские дивизии, воплощая в жизнь план Шлиффена, рвались к Франции через Бельгию, и восемьдесят тысяч зуавов очень нужны были на фронте. Почти два десятка тяжёлых кораблей французов вышли из Тулона в море со значительным опозданием (система оповещения о начале войны сработала со скрипом) и прибыли к берегам Алжира тогда, когда немцы оттуда уже ушли. Сосредоточившись на конвоировании транспортов, Ляперер плюнул на "Гебен" и не принял мер к организации его поиска. Если враг появится, то многочисленные пушки охраняющих караваны французских линкоров преподадут ему хороший урок, а если нет - так о чём тогда беспокоиться? И "Гебен" избежал роковой для германского корсара встречи с французским флотом.

Французы не сумели эффективно использовать свой собственный флот против "Гебена", а связь между английским и французским флотами оказалась и вовсе никудышной. Несмотря на имевшие предвоенные планы, должное взаимодействие двух флотов налажено не было. Ляперер и Милн (командующий британскими силами в Средиземном море) имели достаточно времени для того, чтобы обговорить все детали более чем вероятных совместных действий задолго до начала войны, но прямых директив от своих правительств адмиралы не получили. В результате...

...ни Милн, ни Ляперер не знали ровным счётом ничего о намерениях друг друга. Французы было известно, что "Гебен" и "Бреслау" базируются на Мессину, однако они не информировали об этом своих союзников. Ещё 2 августа Милн получил от британского Адмиралтейства разрешение связаться со своим французским коллегой и договориться с ним об облаве на немцев, но посланная радиограмма дошла до адресата только через сутки. А встречную радиограмму от Ляперера Милн и вовсе не получил. Каприз радиотелеграфа? Наверно, ведь это техническая новинка была ещё так несовершенна...

Новость о ночном обстреле немцами Боне и Филиппвиля облетела уже половину Южной Европы, а Милн узнал об этом лишь в половине девятого утра 4 августа: снова, надо полагать, какие-то сбои радиосвязи! А когда через час "Индомитебл" и "Индифатигэбл" встретили направлявшиеся к северным берегам Сицилии германские крейсера, англичане почему-то не сочли нужным оповестить об этом факте французов, горевших желанием поквитаться с врагом за обстрел алжирских портов.

Буа-де-Ляперер свой шанс упустил, однако шестнадцать двенадцатидюймовых орудий двух британских линейных крейсеров могли очень основательно повредить здоровью "Гебена" - не зря Сушон, гробя своих кочегаров, старался оторваться от нежелательного эскорта. Преследование длилось семь часов, но команды "Открыть огонь!" английские комендоры так и получили.

Ситуация странная: в Европе уже полыхает война, Франция (союзник Англии!) в эту войну уже втянута, а пушки британских кораблей истекают хищной слюной от нетерпения, но молчат. Силуэт новейшего германского крейсера, грозы всего Средиземного моря, висит в прицелах "иблингов", а английское Адмиралтейство с девичьей застенчивостью решило вдруг строго следовать формальным нормам международного права! Уж в чём-чём, а в неукоснительном следовании этим самым нормам флот Её Величества (и англичан вообще) никак нельзя обвинить - особенно если на карту ставились интересы Великобритании. "Гебен" был для британцев неизбывной головной болью (опасались, что германский линейный крейсер может вырваться через Гибралтар в Атлантику и наделать там много шума), представилась прекрасная возможность излечить эту хворобу раз и навсегда, а медики из состава флота Её Величества не спешат браться за скальпель. Вот ведь загадка...

По мнению британского Адмиралтейства, у Сушона было всего две возможности. Первая - направиться в Полу под крылышко австрийского флота (хотя Австрия, в свою очередь, ещё не вступила в войну) и вторая - прорываться через Гибралтар и Атлантику в Северное море, домой, на соединение с германским Флотом Открытого моря. В первом случае немецкие крейсера добровольно заперлись бы в мышеловке Адриатики, которую наглухо заблокировали бы превосходящие силы англо-французского флота; второй вариант

выглядел авантюрно-самоубийственным. И всё-таки Милн опасался немецкого броска к Гибралтару и стремился перекрыть своими тремя лучшими кораблями именно этот путь.

Впрочем, "опасался" - это громко сказано. Англичане были уверены, что рано или поздно они настигнут "Гебен" и отправят его на дно - морями правит Британия! И никто (ни на борту английских крейсеров, ни в самом Лондоне) и не подозревал, что "Гебен" с неумолимостью рока движется к Дарданеллам. Именно там крейсеру предстояло стать "Разрушителем империй" - Российской и Оттоманской (а заодно и Германской с Австро-венгерской). И на этом пути зловещий корабль не в состоянии был остановить весь флот Её Величества.

Нечеловеческий взгляд иного разума, движимого непонятными для людей мотивами и логикой, холодно следил за расстановкой фишек на игровом поле под названием Третья планета системы Жёлтой звезды. И особо пристального внимания удостоилась проходная пешка - она должна была обернуться важной фигурой в разыгрываемом чёрными гамбите...

* * *

Маленький клерк - винтик бесперебойно работающей грандиозной машины - привык добросовестно выполнять свои обязанности. Олимпийские боги - лорды британского Адмиралтейства - изрекают свою волю, изречённые повеления ложатся цепочками символов на белые листы радиотелеграфных депеш, и по всему миру радисты в тесных рубках боевых кораблей принимают их к исполнению. "Из Лондона, сэр!" - и вслед за кивком капитана и рассыпчатыми трелями боцманских дудок сотни и тысячи матросов проворно разбегаются по боевым постам, и шевелятся тяжёлые орудийные стволы, готовые добросить снаряды до линии горизонта.

Вот и сейчас, получив распоряжение, клерк Адмиралтейства чёткими движениями раскрыл папку с заранее подготовленными бланками. Война уже обжигает своим дыханием Европу, и каждый из этих аккуратных листочков тяжелее гранитной могильной плиты. Но клерк-винтик неподвластен поэтизированным сравнениям - он просто делает своё дело. У него приказ - сообщить адмиралу Милну о позиции, которую занимают Италия и Австрия в разворачивающейся войне.

Чёрные строчки на белой бумаге: "Италия придерживается нейтралитета, позиция Австрии пока неясна. Преследуйте "Гебен" - у вас есть хороший шанс утопить его у берегов Греции. Первый морской лорд Уинстон Черчилль". Руки двигаются автоматически - клерк знает свою работу. Но пальцы *почему-то* переворачивают бланк и извлекают другой вариант депеши: "Австро-Венгрия объявила войну Великобритании. Примите все надлежащие меры с учётом возможности выхода из Адриатики австрийских дредноутов. Черчилль".

Взгляд скользит по строчкам, но остаётся равнодушным. Служащий встаёт и уверенно - он хорошо изучил коридоры Адмиралтейства за долгие годы - идёт наверх. А в руке его вторая депеша - *та*, что не соответствует действительности.

...Вскоре после полуночи 8 августа английские линейные крейсера вышли с Мальты и после полудня находились на полпути между Мальтой и Грецией. Снова появился шанс настичь неуловимый "Гебен": германские корабли сначала долго петляли между островами Эгейского моря, а затем весь день 9 августа грузили уголь близ острова Денуза. Но и эта последняя возможность также была упущена.

В 14.00 8 августа Милн был вынужден остановиться, так как получил сообщение английского Адмиралтейства о том, что Австро-Венгрия объявила войну Великобритании. Это в корне меняло обстановку на театре военных действий, и британский командующий поступил совершенно правильно, немедленно собирая все вверенные ему силы в единый кулак - каждый из трёх новейших австрийских дредноутов превосходил по своей боевой мощи любой из линейных крейсеров Милна в полтора раза. Для англичан возникла реальная

угроза быть отрезанными от Мальты и вынужденными принять бой в невыгодных условиях.

Ведя наблюдение за выходом из Адриатики, весь флот Милна простоял на месте целые сутки - до следующей радиограммы из Лондона. И в ней сообщалось, что война не объявлена - имело место всего лишь досадное недоразумение: некий клерк Адмиралтейства перепутал бланки заранее подготовленных разных радиограмм и передал в эфир ложное известие о начале войны между Англией и Австро-Венгрией. Случайность настолько дикая, что в *случайность* не верится...

— В чём дело? Что за радиограмму вы отправили? - в глазах первого лорда пляшут зловещие огоньки, он почти готов изменить знаменитой английской сдержанности.

— Сэр? - взгляд клерка пуст, и вся его фигура выражает покорность, смешанную с полным непониманием происходящего. - Я всего лишь выполнил ваше распоряжение, сэр.

— Распоряжение?! - И тут вдруг герцог Мальборо внезапно успокаивается, и взгляд его становится таким же пустым и ничего не выражающим. - Распоряжение... - медленно цедит он. - Ладно, разберёмся. Идите.

Но никто и ни в чём разбираться не стал, и даже имя злополучного клерка так и осталось неизвестным...

Адмирал Милн незамедлительно возобновил погоню за крейсером-призраком, но было уже слишком поздно. Английские корабли прибыли к Эгейскому морю лишь ночью с 9 на 10 августа и потом весь день крейсировали у его границы в поисках противника, а противник уже в 17.00 10 августа подошёл к Дарданеллам.

Адмиралу Сушону пришлось понервничать, пока известный своими прогерманскими настроениями военный министр Турции Энвер-Паша не дал ему под свою ответственность разрешение войти в пролив. Более того, тот же Энвер-Паша распорядился открыть огонь по английским кораблям, если те осмелятся преследовать немцев и войдут в сферу действия береговых батарей, прикрывавших Дарданеллы. Дело было сделано.

Гениальный стратегический замысел, рождённый холодным нечеловеческим разумом, осуществился. В турецких проливах демоном из преисподней, вызывавшим при взгляде на него чувство мистического трепета, возник корабль, одно появление которого принесло, как позже сказал Черчилль: *"...больше бедствий, крови, руин и неконтролируемых последствий, чем все другие военные корабли вместе взятые со времён изобретения корабельного компаса"*.

События осени 1914 года развивались лавинообразно.

Формально Турция приобрела германские корабли, присвоила им другие названия, подняла на их мачтах турецкие флаги и таким образом избавилась от претензий стран Антанты по поводу пребывания крейсеров воюющей страны в порту страны нейтральной.

Адмирал Сушон, пользуясь поддержкой ориентирующихся на союз с Германией влиятельных лиц в правящих кругах Турции, с завидной энергией прибрал к рукам всё руководство турецким флотом и береговой обороной, фактически передав его немцам.

Высокая Порты по-прежнему, несмотря даже на присутствие в Стамбуле "Гебена" и "Бреслау", колебалась между "хочется" и "колется" и не торопилась влезать в кровавую кашу большой войны на чьей-либо стороне.

И тогда Сушон дерзко атаковал русские черноморские порты на германских кораблях под турецкими флагами. Этот пиратский набег имел необратимые последствия.

31 октября послы Антанты в Константинополе потребовали свои верительные грамоты. 4 ноября Россия объявила войну Турции, а 5 ноября то же самое сделали Англия с Францией. Оттоманскую империю втянули в общеевропейскую свару, не спрашивая на то согласия самих янычар и их султана.

Впавшие в неконтролируемую панику турецкие сановники предлагали самые невероятные выходы из сложившейся ситуации, включая и заведомо неосуществимые (вроде ареста Сушона и разоружения "Гебена"), но все эти потуги оказались тщетными. Туркам недвусмысленно дали понять, что в ответ на любые силовые телодвижения с их стороны грозный выходец из преисподней парой бортовых залпов превратит сераль султана вместе со

всеми его одалисками в груды щебня, обильно нашпигованную ошмётками человеческой плоти. "Гебен" стоял на рейде перед беззащитным городом (береговые батареи фортов прикрывали только входы в Босфор и Дарданеллы, да и орудия этих батарей находились под контролем германских "военных советников") и не обращал внимания на истерические вопли его обитателей.

Черноморские проливы закрылись для торговых судов Антанты, отсекая Россию от военной помощи союзников. *"Но если бы "Гебен" был атакован и задержан или потоплен 4 августа, сомнительно, вступила ли бы Турция в войну на стороне центральных держав, и весь ход исторических событий мог бы измениться"* - так напишет о прорыве "Гебена" - самого таинственного боевого корабля во всей истории человечества - британский историк.

* * *

- Проникновение вот-вот реализуется - осталось нанести последние штрихи.

- Я доволен тобой - теперь я знаю, кто заменит меня, когда я уйду...

* * *

- Господин военный министр, я не советовал бы вам сейчас выходить в море.

Беспокойство сэра Джона Желлико, командующего британским Гранд Флитом, было вполне обоснованным. Шторм налетел внезапно и быстро набрал силу - даже здесь, в Скапа-Флоу, гуляли вспененные волны, ощутимо раскачивающие двадцатипятидесятонную громаду флагманского линкора "Айрон Дьюк".

- Вы не считаете "Хэмпшир" надёжным кораблём? - в голосе Китченера явственно прозвучала нотка раздражения. - Возложенная на меня миссия не позволяет мне ждать у моря погоды, адмирал!

- Я считаю, - вежливо, но твёрдо ответил командующий флотом, - что неразумно рисковать успехом вашей миссии, ставя его в зависимость от капризов стихии. "Хэмпшир" доставит вас куда угодно, но состояние моря не позволит обеспечить надежное прикрытие крейсера эсминцами. Кроме того, из-за этого проклятого шторма нет никакой возможности провести контрольное траление. По данным разведки, германские субмарины неоднократно появлялись у Оркнейских островов, и поэтому...

- А вы не преувеличиваете лихость немецких подводников? - перебил адмирала лорд. - Успешная торпедная атака из-под воды в такой шторм невозможна, а на поверхности ни одна лодка не продержится и получаса! Прекрасная возможность проскочить опасный район! А мины... На всё воля Всевышнего.

- И всё-таки я не стал бы рисковать...

- Сэр Желлико, - сухо произнёс военный министр, - сообразованно отдать приказ крейсеру быть готовым к выходу в море - немедленно.

- Хорошо, пусть будет так. Но поскольку я как fleet-chief-in-command¹⁰ ответственен за безопасность всех вверенных мне боевых единиц флота, - а в данном случае ещё и за вашу жизнь и за успех вашей миссии, - то я настаиваю на изменении маршрута. Крейсер обогнёт Оркнейские острова с запада, а не с востока. Волна там слабее, и эскортные корабли смогут вас сопровождать. Да и подводная опасность к западу от островов не так высока.

- Ладно, - кивнул лорд Китченер, чуть помедлив. - Вы правы, адмирал. "Хэмпшир" ждут в Архангельске - возможно, от результата моего визита в Россию будет зависеть исход войны...

¹⁰ Fleet-chief-in-command - главнокомандующий флотом (англ.).

Крейсер покинул Скапа-Флоу около шести часов вечера в сопровождении эсминцев "Юнити" и "Виктор". Однако вскоре после выхода ветер переменился, волнение усилилось, и легкие эминцы начали отставать. Китченер сидел в капитанской каюте крейсера, мрачно прислушиваясь к вою ветра и к плеску волн. Ему было не по себе - здесь, рядом с ним, на борту корабля Её Величества, он вдруг ощутил чужой взгляд, холодный и пристальный. "Небеса против нас, - думал военный министр, прихлёбывая маленькими глотками горячий грог. - Нет, этого не может быть - этого не должно быть!"

В 19 часов 40 минут 6 июня 1916 года на траверзе мыса Броф оф Бирсей "Хэмпшир" подорвался на двух минах, выставленных немецкой подводной лодкой "U-75" ещё 29 мая, в преддверии знаменитого Ютландского сражения. Эминцы выловили из ледяной воды всего двенадцать человек. Китченера среди спасённых не было.

Британский военный министр фельдмаршал Гораций Герберт Китченер направлялся в Россию с чрезвычайно важным поручением. Он должен был на месте узнать положение дел союзницы и определить размеры требующейся ей военной помощи. На борту "Хэмпшира" Китченер вез с собой первый взнос будущего кредита - 10 миллионов фунтов стерлингов в золотых слитках, упакованных в металлические ящики. Предполагалось также согласовать планы будущих совместных операций против Германии. И главное - для "Интелледженс Сервис" не представляли секрета германские планы экспорта революции в Россию и заключения с ней сепаратного мира. А выход России из войны никак не устраивал Англию - в 1916 году исход Первой Мировой был ещё далеко не ясен. Для нейтрализации этой угрозы следовало действовать энергично и незамедлительно. Но до Архангельска лорд Китченер так и не добрался...

Причиной гибели крейсера со всем экипажем была признана роковая случайность. Ни одна Мата Хари и ни одна самая могущественная разведка (или любая другая структура на Третьей планете) не способна была вызвать неожиданный шторм и направить крейсер тем единственным путём, где его ждала неминуемая гибель. Итак, роковая случайность? Только слишком уж роковая, если принять во внимание исторические последствия провала миссии лорда Китченера.

Менее чем через год в тело огромной страны, названной Чёрными Выбранной, иглой гигантского шприца вонзился прибывший через Финляндию поезд. Инъекция смертоносных вирусов, взлелеянных *извне*, изначально была воспринята за панацею, способную излечить все хвори державы. Вирусы быстро проникли во все клеточки государственного организма, верша свою разрушительную работу, и страна забилась в жестокой революционной горячке, сменившейся вскоре кровавой вьютой...

* * *

Наташа пережила возлюбленного на двенадцать лет. После потрясения, вызванного смертью Андрея, девушка ушла в монастырь, затворившись там от мира, который оказался для неё чрезмерно жесток. Долгими бессонными ночами - всё чаще и чаще - Наташе (в постриге сестре Марии) являлась прекрасная женщина, манящая её куда-то невообразимо далеко, где она обязательно снова встретится с Андреем, поскольку смерти нет. Однако мать-игуменья, с которой молодая монахиня поделилась своей тайной, назвала всё это бесовским искушением и наложила на сестру Марию строгую епитимью, требуя умерщвлять плоть истовыми молитвами господу нашему Иисусу Христу.

События семнадцатого года Наташу не удивили: она давно ждала этого и знала, что это непременно произойдёт - Чёрная Тень встанет на дыбы.

А в восемнадцатом году монастырь был разграблен и сожжён бандой неизвестно кого - то ли анархистов, то ли воинствующих безбожников, то ли просто разбойничавших крестьян. Спасаясь от пьяных насильников, Наташа гибкой кошкой забралась на колокольню и бросилась вниз, ускользнув из-под самых тянущихся к ней жадных рук. Смотревшим снизу

бородатым мужикам показалось вдруг, что над падающей женщиной в чёрном монашеском одеянии в воздухе развернулись широкие птичьи крылья. Но это только показалось - тонкая фигурка упала и распростёрлась на камнях монастырского двора сломанным цветком...

Атаман, ражий детина в овчинном тулупе на голое тело, смачно сплюнул, протёр налитые кровью глаза тыльной стороной ладони и повёл ими по сторонам - чего бы ещё запалить и кого бы ещё пластануть топором.

* * *

1919 год.

– Наш Поиск не принёс новых результатов, Королева. Наиболее интересной была недавно одна пара, мужчина и женщина, на Третьей планете системы Жёлтой звезды. Они очень хорошо реагировали на попытки контакта на уровне сознания, и я намеревалась уже перейти к просмотру реинкарнаций. Однако оба погибли во время потрясений, охвативших одну из самых крупных стран Третьей планеты. Погибли, несмотря на данную им нами защиту, причём погибли в молодом возрасте, ничем себя не проявив. Ты знаешь, Эн-Риэнанта, что защита может дать сбой, только если Предполагаемые не являются теми, кого мы разыскиваем, или же если вмешивается посторонняя магия. А поскольку Мир Третьей планеты весьма боек на естественное чародейство, а следов привнесённой магии мы не обнаружили, значит, мы ошиблись и на этот раз. Хотя, повторяю, я почти поверила, что это они. Ну что ж, будем искать дальше.

Мудрой Селиане почему-то и в голову не пришло, что необнаружение следов чужой магии само по себе вовсе не является непреложным свидетельством её полного отсутствия. Просто магия эта могла быть очень хорошо укрыта и защищена от постороннего колдовского взгляда. Когда имеешь дело с Несущими Зло, ни в чём нельзя быть уверенным до конца. Но многосотлетняя тишина в подконтрольной Пяти Доменам области Познаваемой Вселенной поневоле действовала несколько расслабляюще...

Даже могущественные Голубые Маги-Хранители могут ошибаться. Ни Эн-Риэнанта, ни Селиана ещё не поняли, что Проникновение чёрных эсков на Третью уже состоялось.

Наступало страшное Время Чёрных¹¹, но на смену ему должно было придти...

ВРЕМЯ ОСОЗНАНИЯ НЕВЕДОМОГО

Серая лента шоссе монотонно струится под колёсами. Дороги во Франции, как и во всей Европе, прекрасные - на auto-route не встретишь ни ухаба, ни колдобинки, ни даже трещины в асфальтовом покрытии. Поэтому и скорость выжимать из машины не представляет никакой сложности. И мелькают по сторонам трассы аккуратные домики под черепичными крышами (Фландрия ли, Бельгия ли, - дома-коттеджи все на одно лицо) и буколические пейзажи с сочными лугами с пасущимися на них упитанными и дисциплинированными коровами: ни одной бурёнке и в голову не придёт взобраться по откосу к шоссе, перелезть через ограждение и задумчиво посмотреть в глаза водителю какого-нибудь "пежо" или "ситроена". На такой дороге главное - не заснуть за рулём от расслабляющего однообразия. Тем более что ещё очень рано, встречные машины почти не попадаются, так что концентрировать внимание не на чем. А если учесть, что ночь была бессонной, то становится понятным, почему зевота выворачивает скулы, да так, что хочется затормозить у ближайшего кармана, откинуть спинку мягкого кресла и подремать часок-другой.

Но надо спешить, "время - деньги" (чёрт бы побрал эту американскую пословицу!).

¹¹ Роман "Утробный рык Дракона".

Нет, правы антиглобалисты, всё зло - из-за океана! Поневоле вспоминаешь идиллические (или просто идеализируемые ныне?) времена Мопассана или Золя, когда для любого истинного француза главным было то, с какой женщиной он спит, а не то, насколько похудел или потолок в данную минуту его банковский счёт.

Да, Аньез феноменальная женщина. Она способна умотать мужчину так, что вроде уже и думать об этом самом не хочется, но стоит только взглянуть на её ножки и всё аппетитное прочее, как... Если бы искусство любви приравнивалось к точным наукам, Аньез давно уже была бы профессором или даже академиком в области этой сладкой науки. Сплетница-консьержка, исправно вымогающая у Жерара деньги при каждом его визите в маленький городок на побережье Па-де-Кале, рассказывала трагическим полушёпотом (при этом оглядываясь, словно воображая себя секретным агентом), что оба бывших мужа знойной красотки оставили её (точнее, сбежали) именно из-за неуёмного темперамента Аньез. "Вы знаете, мсье Рану, - говорила консьержка, округляя при этом для многозначительности глаза, - я к вам очень хорошо отношусь (ещё бы, где ты найдёшь второго такого дурака, который терпеливо выслушивал бы твои идиотские истории, вызывающие приступы тошноты даже у завязтых любителей мыльных опер), и поэтому хочу вас предостеречь. Эта Аньез ведьма! Мадам Марсо говорила мне, что..."

Конечно, Жерар не принимал всерьёз эти рассказы. Он даже подумывал о том, не бросить ли ему семью и не перебраться ли к Аньез насовсем, однако по трезвом размышлении отбросил эту идею. Когда мужчине под пятьдесят, на многие вещи начинаешь смотреть по-другому. Этой пылкой полуиспанке нет ещё и тридцати, а сколько осталось ему, Жерару? Десять-пятнадцать лет, а там женские прелести перестанут его волновать, и наступит время лишь вспоминать былое. И что тогда? Наблюдать, как Аньез мучается под натиском своих неугомонных гормонов, и смириться с тем, что у него, Жерара, неумолимо начнут отрастать ветвистые и раскидистые рога? К тому же по прошествии ряда лет, когда умнеешь и избавляешься от глупости юношеского возраста, понимаешь, что отношения между мужчиной и женщиной - это не только секс (хотя без него окраска этих отношений совсем не та: бледнее она, гораздо бледнее).

И всё-таки семья - это семья. Уютная Анн-Мари, умеющая окружить заботой и теплом, и при этом оставаться незаметной, не мешать, когда Жерара обуревают очередная идея, и он забывает обо всём на свете, отдаваясь работе с таким же жаром, как и любовным утехам. Конечно, его жена далеко уже не та девчонка, которая молча и упорно сопротивлялась, когда он в самый первый раз настойчиво стаскивал с неё трусики... Как давно это было, а яркость воспоминания совсем не поблекла, словно прошло не тридцать лет, а пара дней. Анн-Мари начала увядать (хотя в постели она, надо отдать ей должное, ещё очень даже ничего).

Но главное не в этом, а в том, что за прожитые вместе годы жена сделалась для него привычной, необходимой и естественной составляющей окружающего мира, без которой само существование невыносимо. Анн-Мари умела не обращать внимания на взбрыки Жерара, граничащие с капризами, и даже смотрела сквозь пальцы на его любовные интрижки. И при этом она оставалась человеком, вызывающим уважение - несмотря на свой совсем не престижный статус домохозяйки. Анн-Мари установила для мужа рамки, переступать которые не рекомендуется, и Жерар знал это. И поэтому он не уйдёт к Аньез, а будет лишь изредка навещать её - пока ей это не надоест, и она не подыщет себе другого мужчину.

И дети... Оболтусы, конечно, но что поделаешь! Элизабет в свои двадцать шесть так ещё и не состоялась. С детских лет увлекалась искусством, холила и лелеяла свой скрытый талант (Жерар не без основания подозревал, что таланта не имелось вовсе или скрыт он был слишком уж глубоко), даже училась в художественной школе. Теперь у неё в Лилле свой небольшой магазинчик-салон (хорошо, что любящий папа помог деньгами), в котором выставляют на продажу свои творения непризнанные гении - такие же, как сама Элизабет.

Эти гении у Жерара уже в печёнках сидят: он давно бросил бесполезное занятие запоминать имена очередных приятелей дочери - слишком часто она меняет своих коллег по

искусству и по постели. И околобогемные тусовки, которые Лизетта обожает устраивать в их загородном доме, - после таких вечеринок презервативы приходится выметать из всех углов. Как-то на подобном сборище одна из подружек Элизабет откровенно и нагло домогалась Жерара чуть ли не в присутствии Анн-Мари. Пришлось уделить этой девице должное внимание в гараже (хитроумная бестия заманила туда хозяина под предлогом того, что "с её машиной что-то не так"). Вот на капоте этой самой машины он её и... Хорошо ещё, что жена ничего не заметила (или заметила, но не подала виду?).

Жан-Пьеру двадцать один, но и он пока никто, ничто и звать никак. Заочно учится в Парижском университете философии и праву, даже иногда ездит в столицу сдавать какие-то экзамены. Как-то после очередного заезда сына в Париж папе пришлось отсыпать кругленькую сумму на аборт его несовершеннолетней подружке. Девчонке не исполнилось ещё и пятнадцати, и шуму было бы!

После этой истории Жерар на полном серьёзе посоветовал Жан-Пьеру или предохраняться тщательнее, или переключиться на занятие онанизмом, поскольку папа далее не намерен расхлёбывать последствия его любовных походов. Неизвестно, внял сынуля отцовским увещаниям или нет, но проблем по этой части (тьфу-тьфу-тьфу!) вроде больше не возникало. Зато теперь Жан-Пьер мог сутками пропадать в Интернете, общаясь с такими же фанатиками виртуальной реальности и регулярно ошарашивая папочку астрономическими суммами счетов за телефон.

Ах, молодость, молодость! Всё впереди, время и здоровье не в счёт (и того, и другого - навалом!), и о будущем задумываться всерьёз пока не хочется (хотя пора бы, давно пора!). Ничего, перебесятся и станут солидными и степенными семейными людьми - все проходят через беспорядочность юности.

Нет, ему, Жерару Рану, нечего зря гневить Господа - у него всё более-менее нормально (по стандартам общества, в котором он живёт). Любящая и заботливая жена; взрослые дети, которые уже могут сами о себе позаботиться (просто они привыкли, чуть что, полагаться на отца, но это пройдёт); устойчивый доход, обеспечиваемый нравящейся Жерару и к тому же высокооплачиваемой работой; роскошная квартира в Лилле и загородный дом (chalet¹², как его с оттенком гордости называют домочадцы - дизайнер поработал на совесть); хорошая и не слишком обременительная для семейного мужчины любовница.

Да и женщины вообще всё ещё посматривают на Жерара с вполне определённым интересом, и это приятно. Кстати, о женщинах: не забыть бы подарить что-нибудь Сюзан на день рождения. Сколько же ей исполняется? Ах да, она же ровесница Элизабет, значит, двадцать шесть. Жерар как-то задрал симпатичной секретарше Фонда Прево юбку прямо в своём кабинете (надо сказать, что она восприняла это с живейшим интересом), и с тех пор за полученное (и периодически получаемое снова) удовольствие ему приходилось платить, оказывая Сюзан определённые знаки внимания, не выходящие за рамки приличия (за этим необходимо было строго следить, ханжество - вещь страшная).

Мелькнул дорожный указатель. До города осталось с полчаса езды, но Жерар решил, что прямо в Лилль не поедет. Скоро будет ответвление дороги, и он свернёт. Каких-нибудь двадцать минут - и он окажется дома.

Жерар вынул сотовый телефон, нажал кнопку, вызывая из электронной памяти привычный номер, но потом передумал и спрятал мобильник. Нет, лучше уж он разбудит мадам Рану лично, поцелует, и при этом положит на подушку жены букет цветов. Она вполне заслуживает такого - хотя бы за свою снисходительность к слабостям мужа.

Ага, вот и табличка "Sortie"...

* * *

¹² Chalet (франц.) - сельский домик в швейцарских Альпах.

Мсье Жерар Рану был человеком достаточно редкой и экзотической в наши дни профессии. Получив в своё время образование историка (со специализацией "История кельтских народов" - это было темой его дипломной работы, точнее, он работал над историей друидизма), Жерар в дальнейшем всецело посвятил себя археологии. Ему нравилось рыться в прахе древних могильников и дышать пылью архивов. Он много поездил по свету, принимая участие в международных археологических экспедициях на Тибете и в Мексике, в Египте и Месопотамии, в Европе и в Африке. Профессор Рану как-то неуютно чувствовал себя в современности с её вечной погоней за деньгами и суматошным ритмом жизни. Поэтому он успокаивался, погружаясь в седую старину настолько глубоко, что многие всерьёз считали его современным Паганелем, не видящим вокруг ровным счётом ничего, кроме своей науки.

Сам Жерар отнюдь не был склонен рассматривать себя неким чудачком, живым анахронизмом. Напротив, профессор археологии искренне полагал, что именно в истории можно отыскать ответы на самые волнующие вопросы сегодняшнего дня. Ведь люди, по сути своей, совсем не изменились с незапамятных времён, а всё происходящее в мире когда-то уже происходило (пусть даже в несколько ином антураже), так что результат известен заранее.

Обладая пытливым и живым умом, Рану интересовался и смежными с археологией областями, как то: историей религий, древними верованиями и преданиями, эзотерическими знаниями и историей человеческой культуры. Систематизируя материал, профессор анализировал его и приходил иногда к парадоксальным и неожиданным выводам, зачастую шокирующим в равной степени и его сторонников, и его научных оппонентов. "Любое явление подобно многогранному кристаллу - на него можно смотреть с разных точек зрения и видеть его по-разному" - это изречение Жерара Рану сделалось широко известным, и многие были с этим согласны. Но некоторые публикации профессора оказались попросту скандальными и вызвали бурю негодования среди ортодоксальных учёных мужей и яростные нападки на автора с обвинениями в шарлатанстве и в излишнем для "серьёзного учёного-материалиста" интересе к оккультизму и прочей подобной чертовщине.

Рану повезло, что его знания и граничащая с одержимостью увлечённость оказались востребованными. В прагматичном мире третьего тысячелетия от Рождества Христова спросом, как правило, пользовались более прикладные специальности, приносящие ощутимую и измеряемую в конкретных денежных единицах прибыль держателям акций и владельцам фирм и корпораций. Жерару повезло, что ещё не перевелись люди, искренне считавшие, что деньги - это далеко не всё, и готовые платить ему эти самые деньги (и очень неплохие, надо заметить) за то, что он копается в давным-давно минувшем. А ведь с узкопрактической позиции: разве увеличится сбор винограда в Шампани оттого, что некий Жерар Рану совершенно точно установит, что знание основ магии друидами древней Бретани помогло кельтам выстоять под натиском воинственных германских племён? Или выявленная им связь эзотерических систем майя и жителей Тибета окажет непосредственное воздействие на изменение котировок фунта стерлингов на Лондонской валютной бирже?

Но в том-то и состоит одно из важнейших достоинств человечества, что люди умеют забывать о сиюминутном и повседневном в своей неуёмной жажде познания нового. Если бы не эта черта расы людей, они, наверно, до сих пор кутались бы в звериные шкуры и грелись у дымных костров под каменными сводами пещер.

Жерар возвращался из Нормандии, где он руководил полевой практикой студентов и аспирантов (хотя что интересного можно откопать на юго-западе Франции, где всё перекопано сто лет назад - целью практики было просто привить будущим учёным навыки работы на месте и ознакомить их с методами и организацией этой работы). Командировка окончилась вчера, но Рану позвонил Марселю Прево, директору Фонда, спонсирующего археологические изыскания, и сумел выговорить себе день опоздания. Мсье Прево был непосредственным работодателем Рану и искренне влюблённым в историю человеком,

однако придерживался весьма пуританских взглядов на брак, так что пришлось изворачиваться. Игра стоила свеч - Рану смог заехать к Аньез, и проведённая с ней ночь вполне вознаградила Жерара за угрызения совести, вызванные необходимостью врать шефу. Профессор собирался позвонить мсье Прево из дома и заехать к нему в офис после обеда с отчётом о выполненной работе.

Но отчёт был далеко не основной причиной запланированного визита к Марселю Прево (отчёт, в конце концов, можно отослать по электронной почте или факсом). Основная причина лежала во внутреннем кармане куртки Жерара, заботливо упакованная в замшевый футляр, в каких обычно ювелиры хранят изделия из драгоценных камней.

Находка оказалась совершенно неожиданной. Тем более неожиданной, что сделана она была там, где подобных находок в принципе не могло быть.

Под вечер, после окончания дневных работ, практиканты сидели у костра, разложенного у останков древнего капища друидов. Ныне оно выглядело всего лишь хаотичной грудой камней, и надо было обладать недюжинной фантазией, чтобы разглядеть в этих каменных обломках подобие знаменитого Стоунхенджа. Рассказывая о сгинувших племенах, Жерар мало-помалу увлёкся и заразил своей увлечённостью слушателей - хорошо владеющий предметом способен увлечь других. Парни и девушки слушали его заворожено, глядя на профессора блестящими от интереса глазами, в которых плясало пламя костра. А сам Рану их уже не видел. Перед ним представало нечто совершенно иное.

...Не было аккуратно возделанных полей, дорог и казавшихся игрушечными домиков. Вместо беспорядочного каменного мусора пламя выхватывало из темноты контуры величественного сооружения: кольцо из высоченных столбов из камня, соединённых друг с другом тяжёлыми прямоугольными плитами. И не было молодёжной студенческой компании, для которой самым важным представлялось разрешение её многочисленных любовных треугольников.

У костра - у огромного костра, пламя которого вздымалось вверх багровым парусом, - сидели люди в тёмных плащах с капюшонами, надвинутыми на их низко опущенные лица. Друиды.

А за их спинами, за границей освещённого огнём круга, в тени могучих деревьев (их давно повырубили ныне) толпились ещё люди - много людей. Поблескивало и позвякивало в темноте оружие, и резко пахло мокрыми звериными шкурами. Воины союза кланов ждали слова жрецов.

И звучал в ночи высокий и чистый женский голос, плетущий речитативом вязь неведомого заклинания, древнего, как сама земля...

Видение оборвалось, когда щеки Жерара вдруг коснулась тёплая струйка. Ощущение было такое, как будто прямо из травы, у самого края глубоко вросшего в землю камня, забил узконаправленный источник инфракрасного излучения, причём источник достаточной мощности, иначе кожа не почувствовала бы лучика тепла. Профессор Рану замолчал на полуслове, присел на корточки и повёл ладонью над травой. Есть, вот оно!

Осязаемый, упругий тёплый луч живым пальчиком упёрся снизу в ладонь Жерара, безошибочно указывая, где надо копать.

Копать оказалось неожиданно легко: плотная, густо пронизанная корнями трав земля подалась под нетерпеливыми пальцами, как песок. И когда студенты, озадаченные странным поведением мэтра, подошли к нему, Рану уже выпрямился, держа *это* в руке.

...Маленький овальный чёрно-белый камешек, блестящий, словно и не из-под земли извлечённый, на тонкой сверкающей цепочке...

Жерар почувствовал разочарование. Надо же, заурядная безделушка, утерянная кем-то совсем недавно. Наверно, какая-нибудь парочка решила заняться любовью в столь экзотическом месте, да в пылу страсти и обронила кулон.

— Чей? - спросил Рану, обращаясь к студентам, но ответом было только недоумённое молчание.

Профессор совсем уже было собрался выбросить находку, испытывая неприятное

ощущение от резкого перехода от возвышенного и романтического к обыденному и приземлённому, но передумал и сунул бижутерию в карман. Пригодится для незатейливого подарка кому-нибудь, а если ещё присочинить соответствующую историю...

Однако уже ночью, лёжа без сна, Жерар поднялся, зажег свет и рассмотрел брелок гораздо более внимательно.

На первый взгляд, ничего особенного: камешек разделён на две половинки, чёрную и белую, на две разноцветные запяты, сложенные вместе. Древнейший символ Двуетной Вселенной, два противоположных начала Янь и Инь, мужское и женское. И это не удивительно: сейчас основами восточной философии интересуются многие, и щегольнуть в разговоре терминами "даосизм" или "реинкарнация" модно. Наверняка какой-нибудь дошлый делец, учитывая рыночный спрос, наладил производство подобных штучек и продажу их по бросовой цене, какую не жалко заплатить за удачную красивую безделушку. И наладил совсем недавно - вон кулон какой новенький. Всё просто и логично.

Нет, не всё - что-то здесь не так.

Любой настоящий исследователь отличается тем, что ум его никогда не отдыхает полностью, продолжает биться над разгадкой очередной головоломки, пока не найдёт решение. Профессор Жерар Рану, учёный с мировой известностью и стареющий бабник, был настоящим исследователем.

Его осенило, когда он снова улёгся и пялился в потолок, тщетно пытаясь заснуть. Тёплый лучик, коснувшийся его щеки, когда он с упоением рассказывал внимательно слушающей аудитории о галлах и друидах! Откуда он взялся? Впечатление такое, что амулет (именно *амулет*, а не кулон или там брелок, сознание так обозначило таинственную находку) *сам захотел, чтобы его нашли, сам подал о себе вест*! Но это же попросту невозможно, и никак не укладывается в рамки общепринятых научных представлений! Не может же, в самом деле, кусочек обработанного камня обладать разумом или хотя бы отдалённым его подобием! Предполагать такое настолько же беспочвенно, как представить себе, что вот сейчас, в эту комнату в маленьком отеле провинциального французского городка, заявится собственной персоной герой сказки Шарля Перро, знаменитый Кот-в-Сапогах, присядет напротив, заложив лапу за лапу, поправит когтями усы и предложит профессору выпить бургундского на брудершафт!

Жерара прошиб холодный пот. Он чувствовал, что прав, прав в своей невероятной догадке! Хотя даже ему, человеку с непредвзятым отношением к паранормальным явлениям, признающему как факт существование Непознанного, такое давалось отнюдь не просто.

Ну хорошо, предположим. И что из этого? Никаких подтверждений того, что находка испускала какой-то призывный сигнал, у него нет, а коллеги давно уже косо посматривают на Рану, обвиняя его в несерьёзном отношении к науке. А сам амулет? Чем не материальный объект? Его-то ведь можно надлежащим образом исследовать в лаборатории!

Профессор снова достал свою находку и тщательно оглядел её, поднеся к настольной лампе. Интересно... Что же это за камень такой? Изделий древних мастеров Рану повидал предостаточно, и в камнях разбирался - профессия обязывала. А может, это и не камень вовсе, а какой-то сплав металлов или даже что-нибудь пластмассово-синтетическое? И как странно выглядит этот *камень*: кажется, что в нём *нет глубины*, взгляд уходит внутрь *до бесконечности*. Нет, находка определённо интересна! И цепочка - тонкая, но совсем не кажущаяся непрочной. Жерар осторожно потянул за неё: да, разорвать эту паутинку (металлическую? или тоже непонятно из чего?) отнюдь не просто. И ещё: амулет холодный, такой, каким и положено быть вещи - не светит и не греет! И где же тут, позвольте спросить, тот таинственный тёплый лучик? Уснул он, что ли?

Ощущая настоящий азарт, Рану порылся в сумке, нашёл бархатную коробочку (он всегда таскал с собой такие, это стало привычкой, - в ювелирную тару удобно укладывать мелкие, но ценные находки) и осторожно положил *загадку* на мягкую подушечку. Защёлкнул крышку, бережно опустил коробочку во внутренний карман куртки и застегнул "молнию" на кармане.

А потом, когда профессор археологии всё-таки заснул, ему приснился странный сон.

...Ночь, и звёздное небо над головой (давным-давно, тысячи и тысячи лет назад!), и какое-то древнее городище (вроде бы где-то в Азии, ну да, в Междуречье, - откуда ему это известно?), и река неподалёку (он чувствовал её влажное дыхание), и камень под ногами (холодный и жёсткий камень под подошвами). Он (да-да, именно он, Жерар Рану, только в каком-то ином обличии!) на вершине ступенчатой пирамиды... И падающая голубая звезда, наискось пересекая чёрное небо. Звезда упадёт не здесь, а далеко на западе, на берегу Великого океана, готового проглотить Великую страну... И там упадёт то, что лежит сейчас в кармане его куртки - в аккуратно застёгнутом на "молнию" кармане - Амулет...

А затем звёзды погасли, и профессор не сразу сообразил, что нет больше ни древнего города, ни пирамиды, и что вообще он уже не спит, а бодрствует и напряжённо вглядывается в темноту своей комнаты, словно силясь отыскать там ускользающее видение. Что это было? Неужели реинкарнационная память, та самая, о которой он столько слышал и читал, но в реальность которой особо не верил, несмотря на всю свою непредвзятость?

Жерар уже знал, к кому он обратится в первую очередь - к Марселю Прево. Этот человек не станет с ходу высмеивать Рану, а выслушает его предельно внимательно и посодействует на предмет технической экспертизы. Хорошо всё-таки, что на свете есть такие люди, как мсье Прево!

* * *

Цветы для Анн-Мари Жерар купил в маленьком магазинчике на бензозаправочной станции, находившейся прямо за поворотом дороги, недалеко от выезда с магистрального шоссе. Магазинчик торговал всякой мелкой всячиной, которая могла понадобиться спешащим по шоссе по своим неотложным и очень важным делам автомобилистам.

Пока рабочий в чистом комбинезоне заливал бензин в желудок его изголодавшегося "рено", сам владелец машины не спеша выбрал букет, расплатился и привычно пробежал глазами по ценникам. Старые добрые франки... Совсем уже скоро, после Нового года, в обиход войдут новые деньги - наличные евро. Жерар, как и большинство европейцев, чистосердечно недолголюбил доллар и приветствовал введение единой валюты, но каково будет той же мадам Рану и другим француженкам среднего и тем более старшего возраста? В силу простого человеческого консерватизма они долго ещё будут пересчитывать цены в евро на привычные франки и сетовать по поводу дороговизны.

Уже садясь за руль своего сытого авто, мсье Рану машинально отметил высветившиеся на встроенном в приборную панель электронном календаре зелёные цифры: Septembre, 11, Mardi, 2001. 08.42. по европейскому времени.

Остаток пути до дома пролетел незаметно - chalet был совсем уже рядом. Кроме того, Жерар пытался найти ответ на животрепещущий вопрос (не относящийся, правда, к сфере научной деятельности профессора Рану): "А что будет, если Анн-Мари пожелает, чтобы вернувшийся после недельной отлучки муж немедленно приласкал соскучившуюся жену?". Хватит ли у него силёнок? Любвеобильная Аньез выжала его досуха, так что возникали серьёзные опасения по поводу возможности с честью исполнить супружеский долг. Так и не найдя однозначного решения этой весьма важной для многих мужчин проблемы, Рану затормозил и остановил машину у ворот своего загородного дома.

Сюрприза не получилось. Анн-Мари уже встала и завтракала на веранде в обществе Элизабет. Это что же такое стряслось, что дочь заявила к мамочке ни свет, ни заря? Чего-чего, а поспать Лизетта всегда любила... Хотя нет, не похоже, что Элизабет приехала только что: её машины перед домом нет, загнана в гараж; да и одеты обе дамы очень по-домашнему, в халаты. Значит, появилась она здесь ещё вчера - если не раньше. Всё-таки вчера: позавчера Жерар звонил домой, и Анн-Мари пребывала в chalet в гордом одиночестве.

Тем не менее, цветам мадам Рану обрадовалась - совсем по-девичоночьи. Обняла и

поцеловала мужа, прижавшись к нему всем телом, ещё сохранившим тепло постели, и обдав Жерара таким знакомым и приятным домашним запахом. Славно всё-таки, когда у тебя есть дом, где тебя ждут, и куда так хорошо возвращаться.

Элизабет же при появлении родителя особо бурной радости не проявила. По её припухшим от недавних и обильных слёз глазам и по общему надутому виду Жерар безошибочно определил, что дочь всецело захвачена процессом разрешения очередной проблемы как минимум вселенского масштаба, опять свалившейся на её хорошенькую, но такую взбалмошную головку.

Профессор Рану с аппетитом съел пару булочек, запив их большой чашкой ароматного горячего кофе, пока Анн-Мари сообщала супругу обычные малозначительные деревенские новости - содержание таких новостей ничуть не изменилось со времён Людовика XIV. Элизабет ничего не ела, сыпала сухое молоко в кофе, размешивала порошок маленькой ложечкой и наблюдала за тем, как растворяются белые крупинки. Или макала в чашку круассан, вынимала и молча следила за стекавшими по нему и падавшими обратно в чашку светло-коричневыми капельками.

Жерар не думал, конечно, что у дочери случилось что-то действительно серьёзное - он всё-таки неплохо её знал. Тем не менее, он почувствовал к ней жалость: ребёнок снова расшиб коленку и хнычет, надо погладить дитя по головке и дать вкусную конфетку или какую-нибудь игрушку, чтобы отвлечь от горьких переживаний, которые кажутся девочке невыносимыми. Да, игрушку!

Он встал из-за стола, подошёл к вешалке, запустил руку во внутренний карман куртки и извлёк оттуда заветную коробочку.

– Ты знаешь, Лизет, мне тут попала в руки одна занятная штучка. Ты у нас натура художественная, - Жерар постарался, чтобы в голосе его не прозвучало ни малейшей иронии, - так что посмотри. Мне интересно знать твоё мнение.

И с этими словами он протянул коробочку Элизабет.

Девушка приняла из рук отца футляр, откинула крышку, и лицо её каким-то волшебным образом переменялось: так меняется день, когда тёплый ветер быстро разгоняет затянувшие небо хмурые тучи, набрякшие дождём.

– Какая прелесть, папа! Какая прелесть... - тонкие пальцы мадемуазель Рану осторожно коснулись амулета. Она взяла украшение, положила его на ладонь и повернула к свету, чтобы рассмотреть получше. - Просто прелесть! Где ты взял это чудо? Я сейчас посмотрю, у меня там где-то есть один из последних каталогов художественных изделий...

Лизетта быстро поднялась и удалилась к себе, не выпуская из рук "игрушку" и не дождавшись ответа отца. От недавней скорби не осталось и следа.

– Бедная девочка! - вздохнула мадам Рану. - Ей снова так не повезло! Её никто не понимает, а она принимает всё так близко к сердцу... И этот Клод, он оказался таким мерзавцем! А ты умница, дорогой: Лизетта обрадовалась, как ребёнок!

– А кто такой Клод? - пропустив мимо ушей общие рассуждения Анн-Мари о несправедливости жизни по отношению к Элизабет, профессор привычно вычленил из сказанного женой информативную составляющую.

– Как? Ты не знаешь, кто такой Клод? Это же возлюбленный Лизетты, я так радовалась за неё, такая любовь! В наши дни нечасто встретишь...

– Возлюбленный? Который?

– Как это "который"! - возмутилась мадам Рану. - Ну нельзя же быть таким невнимательным и настолько равнодушным к жизни единственной дочери! Он художник, ты его видел, Лизетта от него без ума, а оказалось, что он женат, двое детей, и...

– Дорогая, - профессор Рану прекрасно знал по опыту, что если уж его супруга начнёт распространяться по поводу мужского коварства и женской незащитности перед этим коварством, то это очень надолго, - чтобы запомнить всех возлюбленных Элизабет, человеческой памяти недостаточно, здесь требуются возможности хорошего компьютера. Что поделаешь, Лизет так влюбчива! Или пора классифицировать её избранников по отрядам

и подвидам, как это делают зоологи...

– Сухарь! У тебя нет сердца! А если ты так шутишь, то шутка эта не из самых удачных твоих шуток! Лизетта искренне страдает, а тебе... Ты со своей наукой совсем не замечаешь жизненных проблем! Конечно, с высохшими черепами общаться легче! А когда наша бедняжка...

Но в это время назревавший семейный скандал прервался самым неожиданным образом - из комнаты Элизабет до слуха четы Рану донесся нечленораздельный вопль их дочери, сменившийся приглушёнными всхлипываниями, переходящими в полноценное рыдание.

Анн-Мари и Жерар кинулись на этот вопль, и когда они ворвались к дочери, то увидели её сидящей на полу в состоянии полной прострации. Лизетта уставилась круглыми от крайнего изумления и страха глазами в погасший экран стоящего в углу комнаты телевизора, а перед ней валялся амулет. И камень амулета ожил - он светился мягким голубоватым светом.

* * *

"Проклятые пробки! Если бы создатели первых автомобилей знали, чем всё это кончится, они наверняка не так рьяно стали бы трудиться над своим детищем!"

Эта мысль в который уже раз посетила профессора Рану, безнадёжно застрявшего в растянувшемся на несколько километров дорожном заторе. Жерар нервно барабанил пальцами по рулю и ждал, пока очередная пробка рассосётся - ничего другого ему не оставалось делать.

"Надо же, Лилль гораздо меньше Парижа, и машин меньше, а задержки зачастую случаются такие, что и в столице не снились! А старина Прево ждёт, уже звонил дважды. Ещё бы! После того, как я намекнул ему, что везу с собой нечто совершенно необычное, старик места себе не находит! Чёрт, уже третий час пополудни..."

Марсель Прево принадлежал к той породе людей, которая часто встречалась раньше, встречается теперь и, надо надеяться, будет встречаться в будущем. Посвятивший всю свою жизнь стяжательству и сколотивший себе солидное состояние игрой на фондовой и валютной биржах, мсье Прево на склоне лет задумался о вечном. Нет, он не сделался религиозным в привычном понимании этого слова - Марселя Прево заинтересовало то, что именовалось эзотерической системой мироощущения. Обладая практическим складом ума (без этого не сделаешь деньги), он отнюдь не стал оголтелым поклонником новомодных экстрасенсов и колдунов, ясно различая весьма значительную примесь самого заурядного шарлатанства и вымогательства в их среде.

Нет, Прево подошёл к проблеме серьёзно. Он придирчиво и кропотливо подбирал факты, которые могли хоть как-то быть обоснованы, и привлекал к этой работе серьёзных специалистов - таких, например, как профессор истории и археологии Жерар Рану. И за хорошую работу бывший биржевой спекулянт платил хорошие деньги - он считал это вполне естественным. Созданный им Фонд Прево финансировал не только изыскания историков, философов и психологов, но и солидные исследования в области человеческого сознания, предпринимаемые с использованием самых современных технических методов познания. Занимался Фонд и благотворительностью, но это уже так, а прогос.

"На любой вопрос можно найти ответ!" - таково было любимое выражение Марселя Прево, и этот девиз красовался в офисе Фонда. Жерар не ошибся в своём выборе - бизнесмен Прево являлся именно тем человеком, к которому можно и нужно обращаться по поводу Непонятого, не рискуя с ходу нарваться на прохладный скептицизм или чего похуже.

От ошеломлённой Элизабет удалось добиться немногого, но и того, что она рассказала, для Жерара Рану оказалось более чем достаточно.

Сначала не произошло ничего особенного. Единственное, что отметила девушка - пока

она держала амулет в руке, она ощущала удивительное спокойствие и умиротворённость, и все её беды показались ей ровным счётом ничего не значащими мелочами.

Придя к себе, Элизабет положила амулет на кушетку и принялась рыться в комнате в поисках каталога. Мадемуазель Рану всегда создавала и поддерживала в своей комнате художественный беспорядок, и найти среди этого хаоса нужную вещь никогда не было простой задачей.

А потом раздался тихий мелодичный звон, она обернулась и увидела валяющийся на полу (а не на кушетке!) амулет, испускавший голубоватое свечение и... оживший экран телевизора. Когда же до неё дошло, что она видит на этом непонятно как включившемся экране, Лизетта испустила тот самый вопль-визг, на который и примчались её родители.

— Папа, это было страшно! - всхлипывала она. - Нью-Йорк, понимаешь, Нью-Йорк... Американцы так любят показывать вид на Манхэттен именно в этом ракурсе. Стив говорил мне, что если смотреть от статуи Свободы... И эти, как их, небоскрёбы... Башни World Trade Center, понимаешь, да? Так вот, эти здания... А потом - самолёт! Он развернулся и врезался в башню! А потом она развалилась! Столько дыма и пыли! И люди - они бежали и кричали, и их лица...

— Девочка моя, - как можно мягче проговорил Жерар, пока Анн-Мари обнимала рыдающую Элизабет и нежно гладила её по плечам и растрёпанным волосам, - стоит ли плакать над очередным фантастическим триллером голливудских ремесленников от кинематографии? Если верить статистке подобных, с позволения сказать, произведений искусства, бедную нашу старушку Землю уже несчётное количество раз изничтожили всякие там зловредные пришельцы. Так стоит ли очередной подобный киноопус твоих слёз?

— Это было не кино, папа! - Жерар даже удивился той твёрдости, которая прозвучала в голосе дочери (и слёзы высохли мгновенно!). - Это была видеозапись! Я даже видела цифры в углу - дата и время! Сегодняшняя дата - 11 сентября, а время... Постойте-ка... Да, девять с минутами... Но это их, американское время, по-нашему это будет, - девушка посмотрела на большие старинные настенные часы, подарок какого-то из её многочисленных поклонников, - между тремя и четырьмя часами дня, а сейчас... И потом, я же не включала телевизор! Он сам! И выключился тоже сам...

Часы показывали 10 часов 17 минут.

— В Штатах сейчас ещё ночь... - голос Элизабет упал до шёпота. - Что же это такое было? А может быть, не *было*, а *будет* ?

Успокоить окончательно впавшую в близкое к истерическому состояние Лизетту удалось не сразу. Наконец Жерар (пока Анн-Мари бегала за валерьянкой) довольно чувствительно хлопнул дочь пару раз по щекам и влил ей в рот полстакана мартеля из обнаруженной под кушеткой запылённой початой бутылки. После этого Элизабет вроде бы взяла себя в руки.

В общем, пока хлопотали над мадемуазель Рану, пока Жерар принял ванну и привёл себя в порядок, пока дозванивался в Фонд (как назло, все линии были заняты), прошло немало времени. До города Рану доехал быстро, но тут-то и пошли пробки, в которых он потерял больше часа.

Однако нет худа без добра - стояние в пробках подарило профессору время для размышлений, а пища для этих размышлений имелась. Рану создавал, что при всей своей экзальтированности его дочь была достаточно здравомыслящей особой, не склонной к видениям и беспочвенным истерикам. Она и к отцовской увлечённости паранормальными явлениями и магией относилась насмешливо, пренебрежительно фыркая, стоило только в её присутствии кому-нибудь завести речь на эту тему. Более того, телевизор был отключен от сети - вилка с проводом валялась на полу. Что за чертовщина!

И амулет - он светился, когда Жерар вбежал в комнату Лизетты. Это профессор видел собственными глазами, и Элизабет говорила то же самое. А когда Рану поднял "загадку" с пола, камень снова был тёмным, тихим и холодным. Вот и думай, что хочешь...

Радиоприёмник профессор Жерар Рану не включал - он не любил, когда что-то мешает

его мыслям выстраиваться в логические цепочки.

До офиса Фонда он добрался около четырёх. Отыскав место и припарковавшись, Жерар запер машину и направился к стеклобетонному зданию, в котором находился офис.

Охранник у входа, знавший мсье Рану, улыбнулся ему, но как только Жерар миновал вращающиеся стеклянные двери, его поразила атмосфера встревоженности, царившая внутри - это при том, что просторный холл на первом этаже был пуст, ни единой живой души. И тут в его кармане запитюкал мобильник.

— Да.

— Жерар! - Господи, ну что там ещё у них стряслось, голос у Анн-Мари такой, словно она только что похоронила всех родственников, включая своего любимого пуделя Жако.

— Да, Анни, я слушаю.

— Ты уже знаешь? Ты смотрел новости? Ты где?

— Мари, я только-только добрался до офиса. Я не...

— Жерар, это ужас какой-то! Только что по телевизору... В Нью-Йорке случилось что-то кошмарное, то ли террористический акт, то ли начало мировой войны! Жерар, ты слышишь меня? Ведь это же... Элизабет...

— Анни, успокойся. Я постараюсь приехать как можно скорее. И ещё - это важно: если будешь с кем-нибудь общаться, не рассказывай о том, что Лизетта... Пожалуйста, держи себя в руках. Ты поняла меня?

— Да, Жерар, я поняла. Я только...

— Успокойся, дорогая, я скоро буду. Целую.

Профессор Рану спрятал телефон и задумался. Ничего себе...

Из размышления его вывел цокот каблучков.

Через холл торопливо шла, почти бежала Сюзан в чёрной юбке и белой блузке - в униформе сотрудников Фонда. Увидев профессора, она остановилась, но даже тени её обычной лукавой улыбки - такими улыбками они обменивались при встречах на людях вот уже почти два года, храня свою маленькую тайну, - не появилось на её кукольном личике.

— Мсье Рану!

— Сюзан, что случилось? Где все?

— В рекреационной, у телевизора. Ох, мсье Рану, там такое! - девушка прижала ухоженные ладони к покрасневшим щекам и чуть-чуть картинно закатила глаза. - Эти новости постоянно повторяют по Си-Эн-Эн и по другим каналам. Пойдёмте, мсье Рану, увидите сами.

Многочисленные изящные столики в большой рекреационной комнате, - скорее даже зале, чем комнате, - за ними сотрудники Фонда Прево пили кофе в перерывах и, случалось, справляли весёлые корпоративные вечеринки, сейчас пустовали. Несколько десятков человек сгруппировались в углу, перед огромным, вмонтированным в стену телеэкраном. А на экране повторялись снова и снова одни и те же кадры, похожие на отрывки из созданного большой фантазией киносценариста с обилием леденящих душу спецэффектов.

...Чёрный дым, вытекающий из горящей башни Всемирного Торгового Центра в Нью-Йорке... Медленно летящий на уровне средних этажей громадного небоскрёба самолёт... Вот он разворачивается, и... По серому телу второго здания словно полоснул исполинский клинок, из длинной резаной раны, пересёкшей почти всю толщу гигантского сооружения, выплёскивается пылающая кровь смертельно раненого титана... Потом башня плавно оседает вертикально вниз, стоймя, не отклоняясь в сторону, словно проваливаясь под землю... Клубы густой серой пыли растекаются по ущельям улиц... И люди: бегущие, кричащие, плачущие...

Жерар Рану обладал богатым воображением. Он умел по незначительным деталям мысленно воссоздать общую картину, и эта особенность его ума очень помогала ему в работе. И вот теперь, глядя на экран, он понял, *что именно это и видела Элизабет несколько часов назад*. Совпадало всё, вплоть до мелочей.

Вот это да...

– Мсье Рану... (кто это? - ах да, Сюзан...) - Мсье Рану, вас хочет видеть мсье Прево. Я вас провожу.

"Старик Марсель верен себе, - думал Жерар, следуя за Сюзан по коридорам Фонда. - Пусть вместо нью-йоркских небоскрёбов рухнет Эйфелева башня, пусть весь мир летит в тартарары, он будет заниматься делом. Психика господина Прево так устоялась и закалилась в жизненных передрягах, что его ничто не может вывести из равновесия...".

Перед кабинетом директора-учредителя секретарша повернулась к Жерару с уже знакомой улыбкой на хорошенькой мордашке.

– Мы увидимся сегодня? - заговорщицки прошептала она, обдавая профессора букетом косметических ароматов. - Я соску-училась...

– Малышка, сегодня, похоже, будет не до того, - ответил Рану и добавил, заметив тень разочарования и недовольства, промелькнувшую на лице Сюзан, - но в ближайшее время мы непременно поужинаем вместе... у тебя или в каком-нибудь хорошем отеле. Ведь у тебя же послезавтра день рождения, и я хочу сделать тебе подарок, - с этими словами Жерар чмокнул Сюзан в холёную щёку и слегка прижал ладонью её упругое бедро.

"Эта чертовка тоже верна себе. Постель для неё - это, несомненно, самое главное. И я наверняка не единственный, кто пользуется её благосклонностью..." - подумал профессор Рану, проводив глазами удаляющуюся покачивающейся походкой секретаршу и взявшись за выполненную из фигурной литой бронзы ручку на входной двери кабинета господина Прево. Директор-учредитель Фонда не признавал современных материалов и любил интерьеры "под старину".

– А, Жерар, наконец-то, я вас уже заждался! - Марсель Прево, сухощавый и поджарый, в свои семьдесят с лишним выглядевший лет на пятнадцать моложе (ходили сплетни, что многие дамы не прочь были обратить на себя его внимание, да только старик Прево являл собой довольно любопытный и нечасто встречающийся образчик абсолютно верного мужа), встретил профессора приветственным жестом, сидя за огромным столом из темного резного дуба. - Прошу вас, дорогой профессор, присаживайтесь. Об этом, - Прево поднял лежавший на столе пульт и выключил бормотавший в углу телевизор, - мы с вами говорить не будем. Наши оасовцы в своё время вытворяли нечто подобное. Не в таких, конечно, масштабах, но суть-то та же... Ладно, оставим это. Итак, мсье Рану, с чем же вы ко мне пожаловали? Не скрою, я сгораю от любопытства и нетерпения! Я знаю вас как серьёзного учёного и как человека здравого и критичного ума, и поэтому уверен, что вы не стали бы придавать большого значения не стоящим внимания пустякам.

– Благодарю вас, мсье Прево. Прежде всего, прошу простить меня за опоздание - эти пробки сущее проклятие нашего времени! Иногда я завидую кельтам и скифам: они знали колесо, но не додумались до карбюратора.

– Оставьте, Жерар. Давайте к делу: что там у вас?

Профессор Рану давно уже заметил: с Марселем Прево приятно работать - поэтому их взаимовыгодное сотрудничество и продолжалось столько лет. Прево умел быстро ухватить суть излагаемого дела и так же быстро сделать выводы - в прошлом это не раз помогало Марселю в самых рискованных предприятиях. Правда, и сам Жерар Рану обладал завидной способностью коротко и ясно, не тратя лишних слов, изложить эту суть. Поэтому его рассказ о загадочной находке не занял много времени - тем более что о посетившем Элизабет видении мсье Рану умолчал.

– Занятно, занятно... - пробормотал директор-учредитель, побарабанив пальцами по крышке стола и царапнув Рану острым взглядом из-под кустистых седых бровей. - Дайте-ка взглянуть. Нет, определённо занятно... И что же?

– Прежде всего, мне хотелось бы определить, что это за материал. Мне, во всяком случае, он неизвестен, а вы, я надеюсь, не считаете меня полным профаном в этой области. Второе: хотя эта "загадка", назовём эту штуку так, и выглядит совершенно новенькой, надо бы попробовать определить её возраст. И последнее: при исследовании очень желательно применять исключительно неразрушающие методы анализа - ради безопасности.

– Даже так? - мсье Прево и глазом не моргнул. - Хорошо. Наша лаборатория оснащена самым современным оборудованием и укомплектована штатом прекрасных специалистов.

С этими словами он нажал кнопку селектора:

– Этьен?

– Да, господин директор.

– Зайдите-ка ко мне. Тут для вас есть весьма срочная работа.

– Слушаюсь, господин директор.

Марсель Прево выключил селектор, опёрся локтями о стол, уткнулся подбородком в переплетённые пальцы рук и посмотрел на Жерара.

– Вот так, господин профессор. У Этьена способные ребята. Думаю, что не позднее завтрашнего вечера у нас будет ответ. А может быть, и раньше. Знаете что, дорогой мой, езжайте-ка вы домой. Вы всё-таки проехали пол-Франции, а сегодня из-за этой пакости, - он показал глазами на телевизор, - женщины, да и не только женщины, излишне нервничают... У вас жена и дочь, побудьте с ними, успокойте. Как только будут новости, - на этот раз директор Фонда скосил глаза на лежащую на столе маленькую замшевую коробочку, - я вам позвоню. Впрочем, вы же знаете номер телефона лаборатории. Знаю, знаю я вас, не утерпите! Вас ведь не меньше меня интересует ответ на эту вашу "загадку"...

* * *

Обратная дорога отняла гораздо меньше времени, и профессор Рану, покинув офис Фонда в половине пятого, около семи уже был дома. Элизабет и Анн-Мари сидели в гостиной, уставившись в телеэкран, на котором повторялись всё те же кадры, перемежающиеся выступлениями обозревателей и политиков разного ранга. Жерару пришлось затратить некоторые усилия, чтобы оторвать женщин от этого становящегося почти гипнотическим зрелища.

Элизабет была относительно спокойна. Скорее всего, основная буря эмоций, связанная с заламыванием рук и потоками слёз, уже миновала. Что же касается супруги мсье Рану, то её взволновал не столько сам факт заокеанской трагедии, сколько то невероятное, что произошло в этой связи с её дочерью. Человек остаётся человеком, и глобальные катастрофы зачастую беспокоят его в гораздо меньшей степени, нежели мелкие житейские неурядицы, касающиеся лично его. Тем более что объектом небывалой по масштабам акции оказалась именно Америка - сытая, богатая, неуязвимая, кичащаяся своим превосходством и присвоившая себе право решать за других, диктующая другим свою волю и навязывающая этим самым другим свои ценности и свой образ жизни. Зависть есть зависть, от этого чувства освободиться очень трудно. Тем более трудно, если вызывающий эту зависть субъект своим поведением раздражает завидующих.

Конечно, французы более других европейцев (ещё со времён войны в Алжире) ощущали нарастающий конфликт между цивилизацией белых людей и тоскующим по величию халифата исламским миром. И конфликт этот основывался отнюдь не только на разнице в благосостоянии, нет - нефтяные шейхи одни из богатейших людей мира. Причина, по мнению профессора Рану, крылась в неприемлемости для потомков бедуинов (и не только для них) западного жизненного стандарта с его массовой культурой и приоритетом непрерывного потребления. Противостояние усиливалось хранящимися в памяти поколений многовековыми обидами и претензиями бывших угнетённых к бывшим угнетателям.

Жерар не любил бывать в Париже по многим причинам, и одной из этих причин было значительное увеличение процента темнокожих парижан. Историк и учёный не исповедовал идеи расизма, но неадекватное поведение многих из негалльских жителей столицы, болезненно реагирующих на любое (по большей части мнимое) ущемление их прав, не добавляло шарма облику древней Лютеции. Не зря правительство Франции вынужденно пошло на определённые меры, связанные с ужесточением правил получения французского

гражданства для иммигрантов и их потомков.

Да, опасность - и очень реальная опасность, как показали события в США, - существовала. Никто не мог гарантировать, что завтра что-то подобное не стрясётся и по эту сторону океана. И всё-таки большинство людей живёт сегодняшним днём, и сиюминутная проблема (тем более связанная с близкими людьми) всегда будет для них куда более важной.

Ужин прошёл почти так же, как всегда, по многолетней устоявшейся схеме, хотя разговор, естественно, шёл вокруг того, что случилось.

— Так что, папа, это действительно можно считать началом третьей мировой войны? Президент Буш сказал...

— Эта война, Элизабет, началась давным-давно, когда крестоносцы впервые ступили на землю Палестины - или даже раньше, когда копыта боевых верблюдов воинства Аль-Тарика¹³ подняли пыль над южным побережьем Иберии. Именно тогда столкнулись два мира, точнее, два миропонимания. А сейчас - сейчас это просто продолжение. "Природа не терпит пустоты" - надеюсь, ты помнишь ещё со школы этот постулат?

— Дорогой, ты не на кафедре и не выступаешь с докладом, - заметила Анн-Мари.

— Извини, я просто хотел выразиться попроще. Противовес необходим: если его нет, то любая структура - и государственно-нравственная в первую очередь - обречена на быстрый распад. Могущественнейшие империи - Римская, например, - рушились тогда, когда внешнего врага больше не было. После окончания холодной войны благополучно испустила дух "Империя Зла", красная угроза приказала долго жить, и противостояние Восток - Запад завершилось. И что прикажете делать дальше? Впрочем, и приказывать-то не надо: закон противовеса суть объективный закон, как и прочие законы природы - или, если угодно, Всевышнего. Так что если бы Аль-Кайды и Бен Ладена не существовало, их срочно потребовалось бы создать искусственно. Колумбийская наркомафия или транснациональная организованная преступность на роль Врага не тянут - идейная начинка не та, вернее, она вовсе отсутствует. А в данном случае всё на месте... Будет теперь какая-нибудь "Ось Зла", государства-изгои, угроза с Юга или что-нибудь в этом духе - ярлыки значения не имеют.

— Если бы ты знал, - Анн-Мари тяжело вздохнула, - как меня иногда раздражает твоя высоконаучная привычка рассуждать обобщёнными категориями! А чисто по-человечески? Ведь в любом из этих самолётов могла бы оказаться Лизетта! Или Жан-Пьер с друзьями гулял бы по Елисейским полям, а в это время в урне сработало бы взрывное устройство, засунутое туда арабом-мусорщиком! Тогда как?

— Не надо чересчур драматизировать, равно как и не стоит делать из меня эдакое бесчувственное чудовище, академического монстра не от мира сего, не замечающего ничего вокруг.

— Ну почему же "ничего"? Смазливые физиономии девиц и стройные ножки под короткими юбками ты очень даже замечаешь - я же не слепая! Но я...

— Анни, - миролюбиво ответил Жерар, - не вали в одну кучу креветки и сливовый джем: получится невкусно. Я человек и отец, а не просто житель этой планеты и гражданин одной из стран на её поверхности. И именно поэтому меня гораздо больше во всей этой сегодняшней истории волнует утренняя её часть - видение Элизабет и странный фокус с телевизором. Как ты думаешь, почему я попросил тебя не болтать - прости за резкость - об этом?

— Наверно, ты... Ты не хотел, что бы нас считали ненормальными?

— И это тоже, но главное в другом: все мировые спецслужбы сейчас стоят на ушах. Как ты думаешь, какие вопросы будут задавать в префектуре девушке, которая узнала за несколько часов до трагедии о том, что произойдёт - в деталях? В нашем прагматичном мире не так много места для ирреального, так что прямолинейные полицейские мозги сработают вполне определённым образом: а откуда ей всё это стало известно? А расскажите-

¹³ Арабский завоеватель, вторгшийся в 711 году на территорию Испании.

ка нам поподробнее обо всех ваших друзьях-приятелях, мадемуазель Рану, - особенно о смуглокожих! И очень нужна вам обоим вся эта нервотрёпка, а?

— Жерар, дорогой... Я об этом даже и не подумала... Ужас...

— Ну всё, всё, успокойся. Ничего не случилось - так что нет и причин для волнения. Пусть это будет нашей тайной, а что за этой тайной стоит, я постараюсь разобраться - по мере моих сил и возможностей. И как только...

— Ты знаешь, отец, - голос Элизабет звучал сухо и непривычно; и никогда раньше не слышал профессор Рану *таких* интонаций в голосе своей взбалмошной дочери, - я, кажется, поняла. И мне не по себе от этого понимания... Я всегда посмеивалась, ты помнишь, стоило кому-нибудь хотя бы заикнуться о потустороннем или сверхъестественном. И точно так же я иронизировала по поводу любых твоих высказываний на эту тему, - если они, конечно, не были шуточными. Но ты, папа, никогда не шутил над этим... Так вот... Подожди, не перебивай меня, я сама собоюсь, - девушка хрустнула пальцами. - На самом-то деле ощущение присутствия чего-то непонятного, живущего везде, никогда меня не покидало - с тех пор, как я только-только начала осознавать себя... - Элизабет прерывисто вздохнула, словно сбрасывая с плеч тяжёлый, много лет носимый груз, и продолжила:

— Первый раз я увидела в детстве. Тогда я не придавала этому особого значения: мало ли что может присниться романтической девочке, начитавшейся волшебных сказок и рыцарских романов! Точнее, я восприняла всё как должное, как подтверждение моих представлений об окружающем меня мире, в котором непременно должно найтись место чудесному. С детьми часто так случается... Это потом уже, позже, по мере взросления, попадая под страшное по своей силе воздействие общества с его стереотипами, мы перестаём летать во сне, а тогда... Но со мной мои детские сны осталось навсегда. Шли годы, а чуда всё не было и не было... Я много читала на эту тему, тщательно скрывая от других - и от тебя, папа, - своё тайное. Ты помнишь моё отношение ко всему этакому - я всегда посмеивалась... Так вот, я всего лишь защищалась от возможного скептически-иронического отношения, и маска здравомыслящей особы приросла к моему лицу и сделалась моей второй - или первой? - кожей. И все эти годы я ждала, ждала неизвестно чего...

— И что же ты... видела? - Вопрос получился естественным, без малейшей примеси наигранности или фальши, - впрочем, Жерар и был искренен.

— Что видела? О, об этом можно рассказывать бесконечно долго... Нечто прекрасное, невероятно далёкое, мир, населённый богами. Богами в одеждах цвета неба... И я среди них - такая же, как они... Сладко до боли, и просыпаться не хочется...

С годами я стала серьёзнее - жизнь заставила, - но своё я продолжала хранить в тайниках души. У меня был один... знакомый, фанатик восточных философских воззрений. Он научил меня чтению ленты реинкарнаций. Не скажу, что я вызнала столь уж многое из своего прошлого - большинство картин расплывчаты и неоднозначны, как изображение на экране плохо настроенного телевизора с плохой антенной. Хороший психиатр вообще списал бы всё это на игру больного воображения, посоветовал бы принимать транквилизаторы и поскорее выйти замуж, дабы стать добропорядочной матерью семейства. А я...

Несколько картин запомнились: лесная хижина, старик в тёмном плаще с капюшоном (у Жерара почему-то сжалось сердце от непонятной боли), и маленький ребёнок на звериной шкуре, и я - мать этого ребёнка, а старик говорит мне что-то очень важное - и страшное... А ребёнок смотрит на нас так, как будто он старше нас обоих на тысячи лет...

Огромный пышный зал, заполненный разодетыми в тяжеловесные наряды людьми... На возвышении - я, причём неясно, мужчина или женщина. Я вижу насквозь этих людей, наблюдаю копошение их мыслишек, сосредоточенных вокруг золота, интриг и низменных потребностей. И я не сомневаюсь в своём праве карать и миловать...

Какой-то средневековый город - европейский. Цветы в моих руках, запах моря, солнце над головой... А потом - толстый монах с поросычкими глазками, и ощущение мерзости того, что он хочет со мной сделать... Боль - я всаживаю нож в своё собственное горло и давлюсь-

захлёбываюсь кровью...

Звёзды, звёзды, звёзды... Мириады звёзд, полыхающих ослепительным голубым блеском, - словно рука исполина высыпала на чёрный бархат бездонный ларец с драгоценностями... Фигура прекрасной в своём совершенстве женщины, летящая среди этих звёзд. И это существо - тоже я... - с этими словами Лизетта медленно поднесла ладони к лицу и провела ими по лбу и щекам, будто омывая пылающую кожу невидимой живительной влагой, и замолчала, подбирая фразу.

Жерар Рану смотрел на дочь, не отрываясь и боясь моргнуть, чтобы не упустить что-то чрезвычайно важное. Лицо Элизабет заострилось, приобрело хищные черты. В глубине глаз, глядящих *внутрь себя*, мерцал огонь; слова приобрели весомость и значимость, и тяжесть металла. Такой профессор не видел её никогда.

- Так вот, отец, когда я взяла в руки твой подарок, я вдруг поняла: вот оно! Мне непросто передать словами, что я почувствовала: то, что амулет *живой*, я осознала сразу, только говорить об этом я не намеревалась. Я разговаривала с ним, пока шла к себе, и потом, роюсь в книгах... И камень слышал и слушал меня! - Элизабет взглянула отцу прямо в глаза, и Жерару стало не по себе от этого взгляда.

- Я не всё рассказала вам... Амулет не только услышал, он ещё и ответил мне. Да, да, ответил! Я услышала, нет, восприняла где-то тут, - девушка коснулась ладонью своего лба, - *голос* ... И в голосе этом присутствовали приязнь и искренняя радость: "*Это ты, сестра, здравствуй! Как хорошо, что ты сумела ответить, и что мы нашли тебя! Подожди совсем немного, и мы придём за тобой. Тебе не место в этом Мире, он не твой. Он, этот Мир, слишком юн и слишком жесток - посмотри...*". А потом включился телевизор, и... мне показали ближайшее будущее. Интересно, если бы я взяла и позвонила в Нью-Йорк, смогла бы я предотвратить? Но самое интересное, что я и не собиралась предотвращать - пусть всё идёт своим чередом. Жестоко? Но это закон, Закон Познаваемой Вселенной!

Анн-Мари то ли ойкнула, то ли всхлипнула, и тут же Лизетта стала прежней - только глаза блестели, да лицо было куда бледнее обычного.

Хрупкое и зыбкое *Нечто*, материализовавшееся в гостиную уютного загородного европейского дома начала двадцать первого столетия, таяло и распадалось. Профессор истории и археологии мсье Жерар Рану даже не удивился, когда он услышал звук, с которым оно рассыпалось. И только через несколько секунд он понял, что звук этот - мелодичная трель телефонного звонка.

- Жерар? - голос Марсея Прево подрагивал, и это означало, что произошло что-то совершенно непредставимое: например, сразу и вдруг растопилось ледяное покрывало Антарктиды или атмосфера Земли внезапно счистилась сама собой с планеты, как шкурка с перезревшего банана. - С подобным я ещё не сталкивался, да и вы, я полагаю, тоже. Впервые мой любимый девиз "*На любой вопрос можно найти ответ!*" оказался неверен - на вашу Загадку *ответа нет*. Эта ваша штучка вообще никак не реагирует ни на какие внешние воздействия - она просто игнорирует любые наши попытки распознать, что же оно такое есть. Вы слышите меня, дорогой мой профессор? Нам с вами надо встретиться, и чем скорее, тем лучше! Я приеду через час.

- Да, да, конечно, я жду вас, - не ответил, а скорее выдавил из себя Рану и добавил, уже повесив трубку и обращаясь к Элизабет. - Это Прево. Он скоро будет. Ты знаешь, Лизет, не надо ему говорить то, что ты мне только что рассказала. Не надо - во всяком случае, пока не надо.

* * *

Морис Бувэ откинулся на высокую спинку стула и потёр указательным пальцем кончик длинного хрящеватого носа.

- Марсель, ты даже не представляешь себе, что всё это значит, и какой ты мне сделал

подарок - одним лишь фактом твоего приезда ко мне с *этим* ! Я всегда знал, что это произойдёт, знал! Выражаясь привычным для тебя языком былых лет, можно сказать примерно так: ты заключил самую удачную сделку в своей жизни, старина, - сделку с Вечностью! Пусть даже это звучит несколько высокопарно.

Профессор Рану никогда не мог однозначно определить профессию и род занятий сидевшего напротив них сухощавого человека неопределённых лет: где-то между пятидесятью и восьмидесятью годами. Мсье Бувэ был старинным приятелем Марселя Прево - если такие люди, как Прево, вообще могут иметь приятелей. В молодости они даже работали вместе, резвясь на пару в мутной водичке биржевых спекуляций. Потом их пути разошлись, но только лишь для того, чтобы вновь сойтись, сойтись с неумолимостью рока.

Господина Бувэ называли и экстрасенсом, и магом, и практикующим астрологом, и ясновидящим, и знахарем, и (естественно!) просто шарлатаном. И все эти определения были неверны, точнее, каждое из них (за исключением шарлатана) было верным только лишь отчасти. Морис избегал чересчур тесного общения с экзальтированными домохозяйками и психически неуравновешенными типами, хотя мог бы без особого труда жировать на тучной ниве всёвозрастающего общественного интереса к паранормальным явлениям. Нет, он помогал по мере сил, принося облегчение страждущим; но ориентировался исключительно на своё желание помочь нестандартным способом в нетипичной ситуации, совершенно не стремясь сделать из своих знаний и способностей нескудеющую кормушку и источник безбедного существования.

Отношение мсье Бувэ к материальным благам окружающего мира вообще было своеобразным, очень даже неординарным для той социальной среды, в которой он жил. Морис признавал, конечно, реалии товарно-денежных отношений, но избегал фетишизации благосостояния, в плену которой пребывало подавляющее большинство населения так называемых цивилизованных стран планеты по имени Земля в начале двадцать первого века от Рождества Христова. Он хорошо знал, что необходимое и достаточное количество денежных знаков, потребное для поддержания существования на приемлемом по общественным меркам уровне у него так или иначе появится (причём отнюдь не криминальным путём!), возможность размышлять сохранится, так зачем тогда тратить время и жизненную энергию на погоню за преходящим?

Его отношения с Марселем Прево вряд ли можно было назвать просто дружескими: люди, подобные господину директору Фонда, практически свободны от нефункциональных эмоций, не относящихся к сфере практической целесообразности. Сохранение и поддержание этих отношений всецело могло быть объяснено тем самым невероятным чутьём, коим наделён был г-н Прево: чутьём на нужных и полезных для его дела личностей. Мориса тоже вполне устраивал подобный статус кво: ведь он получал финансовую подпитку именно за ту деятельность, которой отдавался со всей своей сохранившейся с молодых лет кипучей энергией.

Три человека сидели за столом в небольшой своеобразно обставленной комнате. За окном летели низкие серые тучи - вестники не столь далёкой уже зимы, - и пламя камина отбрасывало причудливые тени на стены с развешенными на них деревянными масками языческих тотемных идолов. Огонь высвечивал потемневшие от времени корешки толстенных фолиантов, укрывшихся на книжных полках, и превращал в живой рубин налитое в высокие бокалы вино. А на середине стола расположилась чёрно-белая Загадка, расстелив блестящей змейкой тонкую цепочку из неведомого металла.

Морис Бувэ быстрым движением ещё раз перелистал лежавшую перед ним тонкую пачку листов бумаги, испещрённых отпечатанными на лазерном принтере цифрами и буквами, и отодвинул её в сторону. Профессор Рану хорошо - почти наизусть! - знал уже содержание этого документа: в строчках убористого текста в сжатой форме излагались результаты попыток понять, что же представляет собой амулет. И все выводы объединяло одно общее - присутствие в них отрицательной частицы "не".

Спектральный анализ... Радиоуглеродный... Химическое взаимодействие...

Термическая обработка... Предполагаемый состав вещества... Ультразвуковое и лазерное сканирование... Прочностные характеристики... Реакция на рентгеновское и гамма-излучение... Не отмечено... Не выявлено... Не присутствует... Не фиксируется... Не... Не... Не... Этьен и его сотрудники проявили дьявольскую работоспособность, буквально облизав Загадку всеми мыслимыми методами со всех сторон всего за каких-то несколько часов - но только лишь для того, чтобы получить во всех графах это самое пресловутое "не"! Жерар хорошо понимал овладевший исследователями азарт: ну не может такого быть, чтобы изучаемый образчик хранил бы полное, абсолютное и презрительное молчание, напрочь игнорируя все изощрённейшие потуги познать его! И тем не менее, это было именно так.

Словно прочитав мысли Рану, мсье Прево произнёс, не обращаясь конкретно ни к кому из присутствующих:

— Эти бумаги, - мизинец господина директора слегка шевельнулся, указывая на отчёт лаборатории Фонда, - не передают эмоций. Я разговаривал с Этьеном: во время нашей беседы глаза у бедняги так и норовили эмигрировать куда-то в область макушки. Больше всего его почему-то потрясло, что после пребывания в нагретой смеси концентрированных кислот на поверхности Загадки не осталось ни малейшего следа, хотя мне показалось куда более занятным, что она поглощает весь спектр электромагнитных волн, именно поглощает, словно всасывает их. Ведь в этом случае летит к чёрту знаменитый закон сохранения энергии и вещества! Кстати, Рану, я всё-таки пренебрёг вашим предупреждением - в данном случае я счёл риск оправданным. Но любые попытки частичного разрушения - давлением, механически или как-то ещё - провалились. Я сильно подозреваю, что наша с вами Загадка уцелеет и останется невредимой, окажись она даже в эпицентре ядерного взрыва или в недрах звезды, то есть амулет *неуничтожим* - по крайней мере, известными человечеству способами. А такое, насколько я понимаю, возможно только в том случае, если Загадка имеет свой собственный внутренний или посторонний практически неисчерпаемый источник энергии, позволяющий ей противодействовать. И что же из этого следует, уважаемые мои господа Рану и Бувэ?

— А из этого следует, уважаемый господин Прево, весьма простой и очевидный вывод: штука эта не из нашего мира, да, да, не из нашего! - глаза Мориса сияли, и голос звенел. - Никакая современная технология не способна создать такое! А вот как она здесь оказалась, это уже другой вопрос...

Трое мужчин очень хорошо понимали друг друга и не боялись в своём кругу называть вещи своими именами. То, что произнёс вслух Морис Бувэ, человек с несколько непривычной для прагматичного общества репутацией чернокнижника, давно вертелось на языке и у профессора, и у самого Марселя Прево. Тем не менее, Рану счёл необходимым внести толику здорового скептицизма:

— Это как прикажете понимать, мсье Бувэ? Некий рассеянный зеленокожий водитель летающей тарелки потерял брелок от ключей зажигания, когда менял в нашем захолустье на космической обочине лопнувшее колесо своего межзвёздного джипа?

— Ну зачем же так примитивно, Жерар? - Бувэ улыбнулся. - Вы скажите ещё селенит или марсианин! Вы же не хуже меня знаете, что я имею в виду под понятием "другой мир" - мы же все здесь единомышленники.

— Иномерность? - полуутвердительно-полувопросительно вставил Прево.

— Конечно, Марсель. В математике давным-давно разработан аппарат, описывающий n-мерные пространства, а математика не та наука, которая имеет склонность оперировать сугубо отвлечёнными понятиями: рано или поздно все они облекались физическим смыслом. А что до техногенности - любые творения рук человеческих можно с полным правом назвать творением человеческого же разума, только лишь с использованием соответствующего посредника-инструмента. Но кто сказал, что наш путь развития и совершенствования единственный, и что этот самый посредник между мыслью и действием так уж необходим и всегда таковым и останется? К вершине можно подняться разными тропами, и совсем не обязательно с помощью верёвок и стальных крючьев. Например...

С этими слова Морис Бувэ слегка прикрыл глаза, и его собеседникам показалось, что само пространство комнаты обрело плоть и осязаемость, а языки огня в камине ожили и откликнулись на зов *призывающего*.

Стопка белых бумажных листов приподнялась над столом, переместилась и мягко опустилась снова, но уже на расстоянии двух ладоней от своего первоначального места.

– Вот так. Обычный телекинез... Я не люблю демонстрировать этот фокус, для меня вполне достаточно знать, что я могу это сделать. И это всего лишь жалкие крохи того, на что способно в действительности наше сознание - *напрямую*.

Морис вытер проступившие на лбу бисеринки пота и пригубил бокал.

– Мы с вами, уважаемые господа, хорошо знаем друг друга и знакомы достаточно давно. Мы серьезные и солидные люди, ценимые нашим социумом - пусть даже за разные заслуги. И объединяет нас одно - мы принимаем факт возможности существования того *непознанного*, которое бессильна нащупать вся наша техника, совершенством которой мы так гордимся. Заметьте, пока бессильна! Охотно поясню свою мысль: мне доводилось бывать в Индии - да и вам, насколько мне известно, тоже.

И там, в Индии, я имел весьма интересную беседу с одним достаточно рационально мыслящим обитателем этой загадочной страны, всегда окутанной для европейцев флёром таинственности. Речь зашла о реинкарнациях, душе, корнях древних верований и прочем в том же духе. Мой визави вполне здраво - с общепринятой точки зрения - отвечал, что ни в какую душу он не верит, поскольку просто-напросто не может пощупать её руками.

Тогда я спросил его, а верит ли он в радиоволны - ведь их тоже не попробуешь на зуб! Он нашёлся, сказав, что для него свидетельством существования радиоволн является факт фиксации их соответствующими техническими устройствами. Хорошо, настаивал я, но приборы-то эти появились всего лишь чуть более ста лет назад! Означает ли это, что радиоволн не существовало до изобретения самого примитивного детекторного радиоприёмника?

– И что же он вам ответил? - спросил Рану.

– К сожалению, ответа на этот вопрос я не получил, но по крайней мере, я заставил этого индивидуума призадуматься, - Бувэ усмехнулся и вновь глотнул вина, - а это уже само по себе немало. Резюмируя: если в своё время русский учёный Лебедев доказал материальность природы светового луча и измерил оказываемое им давление, то почему бы не допустить материальность человеческой мысли? Понятие "ментальное поле" ничуть не более фантазмагорично, нежели понятия "поле электромагнитное" или "гравитационное". Оно, это поле, может быть описано схожими уравнениями, и место в рамках создаваемой единой теории поля для него отыщется.

Мы до сих пор так и не разобрались, что же такое электрический ток, а уже берёмся представить себе процесс творческого мышления как набор слабых электрических импульсов. И все попытки создания пресловутого искусственного интеллекта проваливались по сию пору только лишь потому, что у нас нет чёткого и ясного ответа на вопрос - что же такое Разум? Механистический подход к этому предмету по меньшей мере наивен: современные микропроцессоры малогабаритны, что мешает собрать где-нибудь в огромном здании из несметного их количества электронный "супермозг", по количественным характеристикам далеко превосходящий мозг человеческий? Ан нет, не получается, не всё так просто...

– Морис, - прервал его мсье Прево, - я с искренним удовольствием слушал тебя и обязательно послушаю ещё, но сейчас, извини, меня гораздо больше волнует следующее: что же нам всё-таки делать с этим? Точнее, можем ли мы вообще что-либо сделать с Загадкой?

– Знаешь, Марсель, я полагаю, что её лучше всего просто оставить в покое - а то ещё *обидится*, и кто знает, что тогда произойдёт. - Бувэ произнёс это с полной серьёзностью, никого, впрочем, не удивившей. - Скорее всего, она сама себя проявит тем или иным способом. Если, - Морис Бувэ внимательно посмотрел на профессора, -...уже не проявила. А находится сей предмет должен у того, кто его нашёл, точнее, кого амулет *соизволил*

выбрать . Я думаю, - и не боюсь сказать вам об этом, - что мы имеем дело с магией, с *истинной магией* , не имеющей ни малейшего отношения к выкрутасам прохиндеев, которых расплодилось нынче больше, чем блох у бродячей собаки.

Я считаю, - нет, я уверен в этом, - что Загадка представляет собой материальное свидетельство существования невероятно могущественных Носителей Разума, обладающих непредставимыми для нас способностями и возможностями воздействия на Вселенную. И поэтому я попросил бы вас, господин директор, принять все меры для сохранения тайны. Я знаю, вы умеете обращаться с людьми, так пусть эти ваши исследователи держат язык за зубами - для их же собственного блага и спокойствия. Наши земные неприятности могут оказаться сущими пустяками по сравнению с тем, что может случиться, если *это* ... - Бувэ посмотрел на амулет, -...*сочтёт* , что нам, детям, стало известно слишком многое раньше времени. Бумаги заберите - мне они без надобности, я узнал достаточно и немного поработаю своими методами. А вы, мсье профессор, - но тут адепт высшей магии Морис Бувэ запнулся и умолк, потому что...

...Загадка *проснулась* . Все трое смотрели на лежащий на столе амулет, не совсем доверяя собственным глазам. Вокруг чёрно-белого "камешка" разлилось мягкое свечение, оттеснившее отблеск пламени камина. Мерцающий ореол менял свой цвет с голубого на алый, затем на фиолетовый, и чередование оттенков повторялось снова и снова. От Загадки ощутимо веяло теплом, однако угрозы это тепло не несло - *пока* не несло.

* * *

Прошло несколько недель. За все эти дни не случилось ничего из ряда вон выходящего - во всяком случае, Рану этого не ощутил. Ну не считать же серьёзным событием размолвку с Сюзан - они столкнулись в маленьком укромном кафе на выезде из города, куда профессор зашёл выпить чашечку кофе с ликёром, урвав минутку для небольшого удовольствия. Тут-то он и увидел Сюзан, сидевшую за угловым столиком в обнимку с длинноволосым молодым парнем в кожаном-металлическом одеянии рокера и страстно целовавшуюся с этим парнем. Заметив Жерара, секретарша вспыхнула и одёрнула несколько сдвинувшуюся под рукой раскованного молодого человека и без того короткую юбку, но не подала виду, что знакома с господином профессором. Правда, с тех пор они не разговаривали, встречаясь в кулуарах Фонда Прево.

Эту мелочь Жерар воспринял с должным стоицизмом: а чего он, собственно, хотел? Что темпераментная девица двадцати шести лет от роду будет терпеливо ждать, пока он, мсье Рану, в очередной раз выкроит для неё время и одарит её украденной из семьи, но, несомненно, неземной любовью? Правда, укол уязвлённого мужского самолюбия Жерар всё-таки ощутил: ведь не далее как вчера они провели с Сюзан блаженные пару часов у неё дома, в маленькой квартирке на третьем этаже типового многоквартирного жилого здания. Ну и что? А где гарантия того, что ночью в постели Сюзан Жерара не заменил этот самый байкер или кто-нибудь ещё? Или что предшествующую их свиданию ночь она коротала в гордом одиночестве, орошая подушку горькими слезами? Женщины ничуть не меньше мужчин стремятся разнообразить свою сексуальную жизнь, и порицать их за это нельзя. Что же касается верности, то далеко не от всякой законной супруги её можно требовать и ожидать, так чего же тогда спрашивать с полулюбовницы, не предъявляющей к партнёру равным счётом никаких требований, за исключением качественного секса? Верность вообще продукт редкий и скоропортящийся, и даже применение чадры не даёт должной гарантии - если верить арабским сказкам.

Куда больше места в мыслях профессора Жерара Рану занимало происходящее с дочерью. Элизабет менялась на глазах, менялась не только внутренне, но даже внешне; и Жерар как-то поймал себя на том, что он начинает её бояться. И ещё Рану пришло в голову, что причиной перемен запросто может быть Загадка - амулет хранился в неизменной

замшевой коробочке в шкафчике в гостиной, куда профессор положил его по возвращении от Мориса Бувэ. Конечно, с точки зрения здравого смысла все эти страхи и предположения не стоили выеденного яйца и выглядели абсолютно беспочвенными, но как раз пресловутый "здравый смысл" пасовал, коль скоро речь заходила об амулете-Загадке.

А Лизетта менялась - Жерар, видевший дочь на протяжении десятилетий, от несмышлёныша до взрослой женщины, не мог ошибиться. Менялся её голос, выражение глаз, походка, манера держать себя, настроение, даже черты лица - в них мало-помалу проступал властный холод. И когда профессор Рану впервые припомнил колючее слово "трансмутация"¹⁴, он вдруг почувствовал, как по его позвоночнику прошёл озноб...

Как-то раз в chalet заехал один из многочисленных приятелей Лизет (надо сказать, что за последние дни общее количество этих приятелей резко пошло на убыль). Девушка встретила его у ворот и спокойно подставила щеку для поцелуя, но когда парень привычно и по-хозяйски шлёпнул её пониже спины, она вдруг подняла на него глаза (молодой человек был на голову выше Элизабет). Жерар не видел взгляда дочери, но хорошо различил и запомнил выражение лица незадачливого визитёра: на нём явственно проступил неподдельный испуг. Былой возлюбленный пробормотал что-то невнятное, торопливо сел в машину и поспешно уехал. Рану ещё подумал, что теперь прилагательное "бывший" смело можно применять ко всем без исключения знакомым Элизабет мужского пола. А Анн-Мари ровным счётом ничего не замечала - удивительное дело!

...Однажды вечером, после ужина, они втроем сидели перед телевизором (эта семейная традиция, слава Богу, изменениям не подверглась). Жерар обычно смотрел только новости, предоставляя жене и дочери затем наслаждаться очередным душещипательным сериалом (справедливости ради следует отметить, что Элизабет к сериалам в последнее время совершенно охладела и всего-навсего составляла матери компанию).

Шла обычная лента новостей, основное место в которой занимали поиски террориста номер один, операция американцев в Афганистане и нарастающая напряжённость в отношениях между Индией и Пакистаном. Политики и военные обеих стран полуострова Индостан не стеснялись в выражениях, чуть ли не открыто угрожая друг другу применением ядерного оружия.

"А ведь с них станется, - подумал Рану, - в этой точке земного шара человеческая жизнь совсем не имеет ценности ещё со времён Великих Моголов...". И тут вдруг прозвучал спокойный и холодный голос Элизабет:

– Беспокоиться нет нужды. Войны не будет (*Она что, научилась читать мысли ?!*) - никакой: ни обычной, ни тем более атомной. Им *не разрешат*.

Жерар встретился глазами с дочерью и в который раз за эти недели поразился выражению спокойной мудрости, отражавшейся в них. И это она, его маленькая беззащитная девочка Лизетта!

А Элизабет невозмутимо продолжала - не меняя интонации, но уже совершенно о другом:

– Ты знаешь, папа, я хочу продать магазин. Вам с мамой деньги пригодятся.
– Продать? Зачем? И почему "нам с мамой"? А тебе самой?
– Я собираюсь уехать. Далеко. Поэтому магазин мне больше не нужен.
– Ну хорошо, коль скоро ты решила уехать, то деньги пригодятся тебе!
– Папа, ты не понимаешь, - Лизетта говорила так, как говорят взрослые с маленькими детьми, - *мне* деньги уже не понадобятся. А вот вам...

И при этом она так посмотрела на отца, что всё незаданные вопросы так и остались незаданными. В глазах Лизетты не было ничего пугающего, просто глядя в их *бездонность*,

¹⁴ Эзотерический термин, обозначающий занимающий весьма непродолжительный отрезок времени процесс изменения физической оболочки при качественном изменении воплощённой в ней Сущности (*осознании себя*). Трансмутация имеет место при превращении человека в эска; в качестве примера массовой трансмутации можно рассматривать превращение неандертальца в кроманьонца.

спрашивать почему-то не хотелось - ни о чём.

Нет, один вопрос всё-таки имел право требовать ответа. И Жерар спросил:

– Лизет... Элизабет (*Вот чёрт, даже уменьшительно-ласкательные имена как-то не подходят к новому облику недавней девчонки !*)... Я давно хотел спросить тебя... Эта штука, амулет, она... он говорит с тобой? Можно ли как-то войти с ним в контакт?

Элизабет улыбнулась, и улыбка её была улыбкой умной матери, отвечающей глупому малышу.

– Можно, папа, но... Амулет Инь-Янь ответит вопрошающему, но далеко не каждому вопрошающему - разве что ведьме. Тебе повезло, что ты сумел добиться от него отклика - иначе бы ты его просто-напросто не нашёл. А что касается меня: да, мы общаемся. Но как и для чего - боюсь, я не смогу это объяснить. Именно не смогу объяснить, а вовсе не потому, что ты не сможешь этого понять. Ты уж прости меня, отец.

Исчерпывающее разъяснение, ничего не скажешь. Значит, нужна ведьма...

Кроме всего прочего, Жерар Рану много размышлял над тем, что услышал от Мориса Бувэ. Материальность мысли... Интересно... Но ведь тогда...

Профессор Рану был убеждённым материалистом - несмотря на своё признание очень многого из того, что этому самому материализму противоречило. А если постулат о материальности мысли окажется верным (а почему бы и нет, собственно говоря? Обратного-то ещё никто строго не доказал!), тогда автоматически подтверждается догма о бессмертии Души (ведь материя не исчезает!), подтверждается возможность цепи перевоплощений и ещё очень и очень многое из эзотерических положений. Проще говоря, перевернётся вся сложившаяся система мировоззрения; и переворот этот вполне сможет превзойти по своим далеко идущим последствиям результаты открытия и использования цепной ядерной реакции и свойств p-n-перехода в полупроводниках.

Дело за малым: надо *всего лишь* доказать эту смелую гипотезу, доказать так, чтобы пронять самого отъявленного скептика стройными шеренгами математических формул и осязаемыми результатами физических опытов. Более того, из этого самого доказательства требуется извлечь практическую пользу: без этого никак. А на веру никто ничего принимать не будет, за исключением разве что фанатиков или романтиков, - но оба этих типажа не слишком-то распространены в наше рационалистическое время.

Буквально через пару дней Жерар испытал лёгкое потрясение: агрессивный тон высказываний индийских и пакистанских политиков и военачальников резко переменился, от недавних залихватских ракетно-ядерных амбициозных заявлений не осталось и следа. Складывалось полное впечатление, что на экране появились совершенно другие люди, и слыхом не слыхавшие о воинственных призывах своих предшественников. Элизабет восприняла это спокойно - как должное. Ведьма... Ведьма?

И тут Рану осенило. "Вы знаете, мсье Рану, я хочу вас предостеречь. Эта Аньез ведьма! Мадам Марсо рассказывала..." - так, кажется, верещала эта старая гримза из маленького городка на побережье Па-де-Кале. Ну что ж, попытаемся. Нестандартный подход к решению проблемы зачастую приводит к абсолютно неожиданным результатам.

А кроме того, есть прекрасная возможность вознаградить своё уязвлённое этой паршивкой Сюзан мужское самолюбие. Решено!

* * *

- Удивительно! Истинные амулеты не могут существовать самостоятельно. С прекращением физического воплощения владельца амулет также развоплощается, утрачивая при этом не только свою материальную форму, но и энергоинформационную составляющую. Это же одна из магических аксиом!

- И тем не менее, в данном случае...

-...ошибка исключена. Это именно тот самый амулет. Вот только чей: Натэны или

Коувилла?

- А вот тут мы подходим к самому интересному: объявившаяся в Мире Третьей находка не принадлежала ни Тазоне, ни Эндару. Отец и мать Эн-Риэнанты - две эти воплощённые Сущности - совпали; явление чрезвычайно редкое. Вероятность встречи предназначенных друг другу Инь и Янь исчезающе мала, и если они всё-таки находят друг друга... У всех без исключения Юных Рас существуют красивые легенды на эту тему, а легенды и предания суть отражения реалий Мироздания.

- И что из этого - я имею в виду конкретику?

- А конкретика такова: амулеты обоих прекратили существование, но одновременно они слились и самосоздались, возник новый единый артефакт. Единый, и наделённый способностью функционировать сам по себе. Эта новорождённая псевдосущность спала, - если такой антропоморфизм применим, - пока не попала под воздействие магии. Учёный-абориген оказался личностью незаурядной, он сумел пробудить амулет силой мысли, вызвав в своём сознании яркое видение минувшего - реальное. И талисман активировался и подал знак нашедшему его.

- И дальше?

- А дальше было ещё интереснее: амулет вошёл в контакт с Инь-существом Мира Третьей планеты - с биологической дочерью профессора. Сущность, инкарнированная в физическом теле этой женщины, неожиданно проявила свой магический аспект. Она подключилась к Мировому Зеркалу - с помощью амулета, конечно, - и получила информацию о ближайшем будущем. И реагировала она на эту информацию достаточно адекватно, скажем так. Я просмотрела цепь перерождений этой Первичной Матрицы, и результат ошеломил всех нас, Мудрых. Шесть магических воплощений, и последняя из магических реинкарнаций - Звёздная Валькирия, наша сестра. Поэтому напрашивается решение - я полагаю, ты не будешь против, Селиана, - изъять её из этого Юного Мира.

- Оправданно и принято, Помощница. Но остальные вовлечённые...

- Нейтрализация?

- Однозначно. Степень определите сами - не все же мне за вас решать.

- Среди них есть ещё один любопытный экземпляр. Я бы не прочь подобрать и его, интересная Сущность...

- Оставляю это на твоё усмотрение - ты же у нас любительница магического коллекционирования.

- А что касается самого артефакта?

- Его следует передать Королеве - он по праву принадлежит Эн-Риэнанте. И мне почему-то кажется, что он ей очень пригодится. Действуй, Помощница.

* * *

Мотор верного "рено" исправно урчал-мурлыкал, колёса-лапы привычно наматывали на себя километры великолепного шоссе. Но на этот раз Жерару казалось почему-то, что двигатель поскуливает и жалуется, а сам автомобиль не мчится, а натужно перемещается, подчиняясь лишь подгоняющей его воле водителя. А самого водителя подстёгивало раздражение от полного непонимания всего происходящего.

Аньез его выставила, выставила окончательно и бесповоротно. И причина была вовсе не в банальной накладке, когда два любовника неожиданно встречаются нос к носу из-за того, что их общая подружка допустила досадную ошибку, перепутав даты и время свиданий. Всё получилось гораздо проще, непривычней и... страшней.

Жерар вполне допускал, - особенно после случая с Сюзан, - что и с Аньез может случиться нечто похожее. Поэтому он заранее позвонил ей и предупредил о своём визите. Аньез долго не подходила, а когда наконец сняла трубку, то говорила запыхавшись, словно только что пробежала пяток километров по сильно пересечённой местности, стараясь при

этом уложиться в армейский норматив. Однако мсье Рану решил не акцентировать внимание на этом обстоятельстве: с некоторым удивлением он обнаружил, что для него куда важнее выяснить, сможет ли его любовница помочь ему разобраться с Загадкой, нежели установить факт её верности или неверности.

Профессор приехал в маленький городок на побережье Па-де-Кале под вечер и очень быстро оказался у дома своей приятельницы (слава Богу, автомобильными пробками здесь и не пахло). Жерар прихватил с собой букет цветов и бутылку хорошего вина - всё как обычно. И Аньез встретила его как обычно - сначала.

Дверь распахнулась сразу же после того, как Рану нажал кнопку звонка. На Аньез был тот самый облегчённого типа халатик, который Жерару так нравился, и который на него так безотказно действовал, - и женщина хорошо знала это обстоятельство. Она повисла у профессора Рану на шее, щекоча ему лицо растрепавшейся гривой густых волос цвета воронова крыла и шепча Жерару те самые лишённые смысловой нагрузки слова, которые любовницы обычно шепчут своим любовникам. И право же, не так уж и важна всегда существующая высокая вероятность того, что эти же самые слова вчера, позавчера или даже всего лишь час назад предназначались для ушей другого мужчины.

Аньез без лишних церемоний потянула Жерара к роскошной, громадной по площади кровати, занимавшей почти половину комнаты и явно приспособленной для нужд дружной шведской семьи, однако Рану мягко высвободился из её объятий.

– Дорогая, позволь мне хотя бы умыться с дороги - у нас с тобой впереди вся ночь.

Француженка-испанка-цыганка-мавританка (каких только кровей не намешалось в этом удивительном существе!) не возражала, и пока Жерар плескался в душе, быстренько сервировала низкий прикроватный столик, украсив его принесёнными любовником цветами и бутылкой выдержанного вина.

Когда профессор Рану вышел из ванной, взору его предстало радующее глаз любого истинного француза и настоящего мужчины зрелище: Аньез восседала на своей огромной постели в самой что ни на есть соблазнительной позе. Она слегка откинулась назад, опершись ладонями об одеяло и положив стройные ножки одну на другую таким образом, что и без того минимальная длина её халатика и вовсе сошла на нет, открывая пылливому взору великолепный вид, способный ввести в трепет кого угодно - хоть самого завязатого отшельника-анахорета. Две верхние пуговицы расстегнулись (сами собой, конечно же), слегка обнажая линии смуглой груди - имеющий воображение домыслит невидимое самостоятельно. Женщина слегка наклонила голову - волосы волной рассыпались по обнажённым плечам - и чуть с хитринкой смотрела на Жерара своими невероятными чёрными глазищами. И Жерар в полной мере оценил её магию.

– Аньез, ты просто потрясающая женщина! Избито, но, увы, точнее не скажешь. "Да она же и в самом деле ведьма!" - внезапно понял профессор. - Где были мои глаза раньше!". Ты знаешь, дорогая, а я тебе кое-что привёз - сейчас покажу.

– Интересно, что же это за "кое-что"... - проговорила-пропела Аньез, привставая с постели и потягиваясь всем своим великолепным телом, словно гибкая и сильная дикая кошка, охотящаяся в ночных зарослях на любого зазевавшегося. "Ведьма, как есть ведьма, - подумал Рану. - Веке этак в шестнадцатом-семнадцатом такую давным-давно спалили бы на поспешно сооружённом костре за одни только её глаза... А может быть, уже и сжигали - что там говорит по этому поводу теория реинкарнаций?".

– А вот взгляни, - ответил Жерар и протянул Аньез вынутую из кармана небрежно брошенной на спинку стула куртки - хозяйка этого дома обожала беспорядок - бархатистую замшевую коробочку, в которых обычно хранят небольшие ювелирные изделия. - Взгляни...

Женщина взяла футляр, повертела его, потом откинула крышку, и...

Пронзительный крик хлестнул по ушам Жерара. Крик этот тут же погас - потому что Аньез зажала себе рот ладонью, давя рвущийся наружу вопль. Женщина отскочила назад, опрокинув столик. Жалобно звякнул разбитый бокал, опрокинулась и упала на покрытый ковром пол ваза с цветами. Аньез смяла голой ступнёй (пушистые меховые тапочки слетели

с её ног от быстроты движения-прыжка) букет, даже не обратив на это внимания. Бутылка с красным вином отлетела в угол, ударилась о платяной шкаф, треснула и накрыла комнату веером мелких брызг.

Аньез вжалась спиной в стену, зажимая рот уже обеими руками и безумными глазами глядя на упавший на ковёр чёрно-белый камешек на тонкой сверкающей цепочке. А сам амулет казался угольком, попавшим на ворс: Загадка светилась ярко-алым, и свет этот был *угрожающим*.

— Аньез, ты... - ошарашено пробормотал Рану

— У-уйди, - простонала она. - Уйди, слышишь, немедленно уйди! И заведи *это* ... Я знаю... Предания, ещё от прабабушки... Это смерть... У-хо-о-о-ди-и-и!

— Дорогая, успокойся, что с тобой? Почему...

— Я ничего тебе не скажу! Я хочу жить, понимаешь? Жить! О господи...

Профессор Жерар Рану ничего не понимал. Ну да, конечно, Аньез склонна к безумствам в постели, но чтобы вот так, ни с того ни с сего, на пустом месте, закатить полнометражную истерику со всеми соответствующими эффектами...

А женщина не отрывала глаз от светящейся точки, и во взгляде её перемешались ярость и ужас. Она разительно переменилась: исчезла готовая к любви сытая и сильная дикая кошка. Нет, кошка осталась, но теперь это был хищник, попавший в западню и силящийся разжать сомкнувшиеся беспощадные челюсти охотничьего капкана. Глаза её горели, и Рану показалось даже, что она вот-вот зашипит от боли и бессилия. Лицо Аньез непрерывно менялось, словно бегущая череда сменяющих друг друга фотографий: проступали суровые мужские черты, снова женские, но с оттенком врождённой жестокости, и опять злые мужские. И только глаза оставались всё теми же: чёрными, пронзительными, полыхающими скрытым внутренним огнём.

Жерар нагнулся, подобрал с пола Загадку (тёплая!), и продолжал стоять посередине комнаты, не зная, что же ему всё-таки делать.

Аньез, видя его состояние, неожиданно сменила тон - теперь её голос звучал умоляюще-жалобно:

— Жерар, уйди. Пожалуйста, я прошу тебя! Если ты хоть чуть-чуть меня любишь, уйди... Забудь этот дом и никогда больше сюда не возвращайся... Я ничего не могу тебе объяснить, одно моё неосторожное слово означает для меня немедленную гибель. Пожалей меня, ведь я тебя любила! Уйди, ну пожалуйста, уйди... И унеси с собой это проклятье моего рода...

Рану вдруг почувствовал, что с ним самим происходит что-то неладное. Желание, поднявшееся в нём, когда он вышел из ванной комнаты и увидел Аньез "во всеоружии", исчезло бесследно, а место его занял стремительно затоплявший всё существо профессора самый сильный из всех первобытных человеческих страхов - страх перед Неведомым.

Профессор вздохнул, взял куртку и вышел в прихожую. Аньез последовала за ним, избегая, однако, приближаться к Жерару. В прихожей он потянулся к подруге: ему хотелось всего лишь поцеловать насмерть перепуганную женщину, успокоить и сказать что-нибудь ласковое - он совсем не хотел её терять. Но она отшатнулась так стремительно, что ударилась плечом о дверной косяк. А на лице Аньез Рану заметил несколько красных капелек - следы брызг хорошего выдержанного вина из расколовшейся бутылки.

Дверь захлопнулась, и замок защёлкнулся со звуком, напоминавшим револьверный выстрел. Некоторое время из-за двери доносились приглушённые рыдания, а потом всё стихло: наверное, Аньез вернулась в комнату.

Жерар постоял ещё немного на лестнице, приводя мысли в порядок. Тут он заметил, что всё ещё держит Загадку в руке (коробочка так и осталась там, в комнате Аньез). Рану сунул амулет в карман, машинально отметив, что он снова сделался холодным, и пошёл по ступенькам вниз. Вот тебе и ведьма...

...И вот он гонит машину сквозь ночь, не понимая даже, почему он так поступает. Гораздо разумнее было бы переночевать в каком-нибудь придорожном мотеле, чем мчаться в

темноте по шоссе. Дорога, конечно, хорошая, но ночью вообще-то полагается спать, а не разъезжать без крайней на то нужды. А тут ещё какой-то странный туман выползает из ложбин и стелет свои белёсые космы по асфальту...

Жерар достал сигарету и щёлкнул зажигалкой. Он обычно не курил, но сигареты при себе имел - для таких вот случаев. Голубоватый дым пополз по салону, свиваясь в причудливые кольца. Рану включил радиоприёмник, но тут же выключил его снова - булькающая музыка раздражала. Однако в возвратившейся тишине возникло ощущение затаившейся где-то рядом и потихоньку подбиравшейся опасности...

Жерар думал об Аньез. Жаль, что так получилось - ему будет не хватать этой женщины. "Надо же, сойти с ума от какой-то там безделушки..." - подумал Рану и тут же возразил сам себе: "Брось, ты же прекрасно знаешь, что это за безделушка, и на что она в принципе может быть способна...". И всё-таки интересно, что же имела в виду Аньез. "Проклятье моего рода" - сильно сказано!

И тут вдруг профессор почувствовал липкий холод, ползущий по спине, хотя в салоне автомобиля было тепло. Пожалуй, впервые он задумался о том, какие мрачные тайны могут быть скрыты в безднах человеческого сознания, и насколько опасными могут оказаться любые попытки приподнять хотя бы краешек занавеса, эти тайны окутывающего. Принцип забвения прошлых жизней спасителен для разумного существа; иначе может случиться так, что Носитель Разума не найдёт в себе сил, да просто и не захочет жить снова, если будет знать всё, что ему уже довелось изведать - в том числе и то Зло, которое он когда-то принёс в этот Мир...

Нет, наверно всё-таки лучше свернуть и поискать место для ночлега. Полночь - самое время забраться в постель (и лучше не в одиночестве). Ах, Аньез, Аньез... Какая могла бы быть фантастическая ночь!

Рану посмотрел вперёд, на самую границу очерченного светом фар конуса, отыскивая дорожный указатель. Где-то неподалёку, помнится, должен быть поворот, а за ним в паре километров от шоссе уютный маленький отель. Вот туда-то и следует...

Профессор археологии не успел довести свою мысль до логического завершения, потому что впереди, прямо на середине шоссе, появилась непонятно откуда взявшаяся женская фигура, одетая в нечто вроде плаща небесно-голубого цвета. Женщина неторопливо шла по дороге плывущей походкой, спиной к стремительно приближавшейся машине. Казалось, она полностью погружена в свои мысли и не видит ничего вокруг себя, в том числе и неотвратимо надвигающейся опасности.

Жерар выругался и вдавил клавишу клаксона. Женщина не спеша повернулась, и Рану увидел её лицо - очень красивое, и очень знакомое почему-то лицо. В нём было что-то от Аньез и от... Элизабет! Впрочем, времени для спокойного размышления не оставалось: автомобиль слишком быстро пожирал расстояние, разделявшее его и женщину на дороге. Чёртова кукла! Она что, не понимает, что буквально через пару секунд тяжёлая машина сомнёт её, раздавит и размажет все её прелести по асфальту в кровавую кашу! Или это просто обкурившаяся наркоманка, не различающая уже реальных предметов?

А женщина смотрела Жерару прямо в глаза, и во взгляде этом не было ни тени страха или встревоженности: ничего, кроме равнодушного спокойствия.

Между капотом автомашины и голубым плащом остались считанные метры. Рану отчаянно выругался ещё раз и резко крутанул руль.

Удар.

* * *

- Ну что ж, пусть будет так, как ты хочешь, Лизз. Пусть он останется в живых - достаточно и амнезии. В конце концов, он заслужил: отвернул, не желая сбить женщину и рискуя при этом собой. Он же не знал, - да и знать не мог, - что эфирному дублю не

причинит ни малейшего вреда его металлическая повозка. Но именно поэтому его поступок достоин настоящего Янь-существа. Да и эта инкарнация данной Сущности очень интересна с точки зрения совершенствования духа - не стоит прерывать её до срока...

- Спасибо, сестра.

* * *

— Этому малому чертовски повезло, - проговорил усталый толстый полицейский, провожая взглядом отъезжающий микроавтобус с синей надписью "Ambulance" на белом борту, - придишь ось удара на ладонь левее, и из обломков автомашины пришлось бы извлекать всего лишь хорошо перемолотый фарш. Когда двигатель вдавливался в салон полностью, там уже не остаётся места для мягкого человеческого тела, - сержант Галиньи проработал в дорожной полиции свыше двадцати лет и за это время достаточно насмотрелся на искорёженные останки автотранспортных средств, щедро начинённые тем, во что превратились находившиеся в них люди. Зрелище это давно уже перестало вызывать у него приступы тошноты, но развило некоторую склонность к философствованию, постоянно подкрепляемую наглядными свидетельствами бренности и хрупкости человеческого бытия.

Однако он продолжал оставаться исправным служакой, всегда чётко выполнявшим свои обязанности. Поэтому он нахмурился, заметив, что его напарник, молодой парень, слишком увлёкся разговором с симпатичной телекорреспонденткой в синих джинсах и замшевой куртке вместо того, чтобы заниматься делом.

— Эй, Поль! - крикнул сержант. - Хватит болтать, замерь-ка лучше длину тормозного пути, пока еще остались следы. А то я не поленюсь сообщить Жанет, чем ты занимаешься в рабочее время!

Конечно, вряд ли Жак Галиньи привёл бы свою угрозу в исполнение, тем более что обвинить его коллегу в супружеской неверности в данной ситуации можно было лишь с очень большой натяжкой. Тем не менее, Поль поспешил распрощаться с привлекательной представительницей средств массовой информации (постаравшись, правда, улыбнуться напоследок как можно обворожительнее). Шутки шутками, но за работу платят деньги, и с этим обстоятельством нельзя не считаться.

— Да ладно тебе, старина, - проворчал он, щёлкая рулеткой, - дело-то ясное. Ночь, усталость, хотелось спать - вот и врезался в ограждение. Другие пострадавшие отсутствуют, подразумевать злой умысел вообще нет никаких оснований, сам бедолага, скорее всего, останется жив, так что...

— Не ворчи! - одёрнул его Галиньи. - Во всяком деле необходим порядок, а уж в нашем... Светает, посмотри ещё раз его автомашину, - сержант махнул рукой в сторону груды металлолома, оставшегося от красавца "рено", - вдруг там что-то завалялось.

Поль вздохнул, но спорить не стал. В конце концов, невелик труд. Техники уже свернули свои устрашающего вида приспособления, предназначенные для вырезания из изувеченных автомобильных корпусов чудом уцелевших водителей и пассажиров, так что никто никому мешать не будет. И стало достаточно светло, нет необходимости подсвечивать себе фонариком, скорчившись в три погибели среди рваного железа. Молодой полицейский присел на корточки возле бесформенной груды металла, стекла, резины и обрывков синтетической обивки, отогнул свисавшую металлическую полосу с острыми краями и заглянул внутрь, туда, где когда-то был уютный пассажирский салон, и откуда полчаса назад вытащили находившегося без сознания Жерара Рану.

— Глупости, - пробормотал Поль из чувства противоречия и для подтверждения живучей истины о непроходимой тупости непосредственного начальства, - что тут может заваляться... Только если бриллиантовое кольцо какой-нибудь кинозвезды или пистолет Джеймса Бонда...

И тут парень прикусил язык в прямом и переносном смысле, потому что от удивления

дернулся и стукнулся головой так, что лязгнули зубы. Прямо перед его глазами тихонько раскачивался (это притом, что стояло полное безветрие) зацепившийся тонкой блестящей цепочкой за остатки приборной панели небольшой чёрно-белый кулон.

Полицейский попятился, выпрямился, потирая ушибленную голову, и повернулся к напарнику.

– Эй, сержант! Жак! Посмотри-ка, здесь действительно что-то есть!

Галиньи с неохотой оторвался от требующего полной сосредоточенности занятия - заполнения бланка протокола-отчёта - и подошёл к Полю.

– Что там у тебя?

– Посмотри.

Сержант нагнулся с видимым усилием (пятьдесят лет это не тридцать, и наличие солидного брюшка не располагает к занятиям подобными физическими упражнениями) и некоторое время внимательно рассматривал вспоротое чрево бывшего "рено". Когда же он выпрямился, то лицо его стало красным от натуги и злости.

– Знаешь что, Поль, шёл бы ты со своими шутками куда подальше! Что я тебе, мальчишка, корячиться тут, пока ты будешь давиться со смеху!

Сержант сердито вздёрнул подбородок и двинулся обратно к мигающей огнями полицейской машине, недовольно бурча себе под нос нечто невразумительное. Поль проводил старшего коллегу недоумевающим взглядом и снова заглянул в разбитую машину.

Внутри, на ошмётках приборной панели, *ничего не было*. Пусто. Не доверяя собственным глазам, полицейский протянул руку и ощупал пластмассовые обломки. Ничего. А было ли здесь что-нибудь вообще? Да нет, ему просто померещилось. Ну конечно... Неловко перед Жаком, он, похоже, в самом деле обиделся. Надо будет извиниться. Ничего, всем известно, что старик Галиньи, в сущности-то, добряк по натуре и не злопамятен. Ему, Полю, повезло, что у него такой напарник: и начальству не заложит по пустякам, и маленькую поблажку при случае даст... Другим ребятам хуже.

А всё из-за этих ночных дежурств. Платят гроши, а устаешь как собака! Вот и мерещится чёрте-что... Ночь самим Господом предназначена совсем для других дел, а вовсе не для разъездов от одного места аварии к другому. И всё потому, что ещё не перевелись идиоты, которые мчатся куда-то по ночам, да ещё врезаются при этом друг в друга или в неподвижные препятствия!

Ничего, уже утро. Скоро смена, полчаса езды - и он дома. Позавтракать - и к Жанет под тёплый бочок. Сегодня у жены выходной, и она целый день будет дома. А потом сладко так поспать...

А сержант Жак Галиньи заполнял документы по дорожному происшествию. Дело это серьёзное, документ получается сразу в нескольких разноцветных копиях, сделаешь одну ошибку - испортишь не один лист, а много. Неэкономично - ведь бумага стоит денег! Серьёзный человек должен думать и о мелочах, на что совершенно не способна эта современная молодёжь вроде Поля. У них один ветер в голове, а жизнь - штука серьёзная! Надо зарабатывать деньги, заботиться о детях, которые хоть и выросли уже из коротких штанишек, но в голове-то пока пусто, хи-хи да ха-ха, и больше ничего. Вот появятся у них свои дети, тогда запоют по-другому...

Не переставая про себя ворчать, Жак привычно заполнял бумаги - сноровисто и без ошибок. Почерк у него был красивый, все буквы и цифры выглядели не написанными от руки, а напечатанными на принтере. Начальство всегда отмечало эту его способность и ставило сержанта Галиньи в пример другим. Ну, и премиями, конечно, не обходило. И правильно - компьютеры компьютерами, а бумага, тем более бумага официальная, она бумага и есть!

Дата... Время... Место... Погода... Марка автомобиля... Состояние дорожного покрытия... Обстоятельства аварии... Последствия... Ущерб... Номер санитарного фургона и номер машины техпомощи... Телефоны... Пострадавшие (один)... Наличие (отсутствие) документов... Пол... Возраст... Имя и фамилия... Примечания... Подписи...

Поль стоял у обочины, возле останков "рено" профессора Рану, зевал и курил сигарету за сигаретой - спать хотелось жутко. Проклятая стрелка на часах будто замерла, еле-еле движется, и до конца смены ещё... Скорее бы уж старик Галиньи закончил священнодействовать над бумагами: тогда можно будет заехать на бензоколонку и выпить по чашечке горячего крепкого кофе. А то совсем не жарко, да это и понятно - ведь скоро зима.

* * *

Несколько дней подряд весь Фонд Прево гудел потревоженным ульем, обсуждая случившееся в исследовательской лаборатории. В ту самую ночь, когда злополучный профессор Рану попал в аварию, в лаборатории произошёл взрыв и пожар. Компетентная комиссия, изучавшая обстоятельства загадочного происшествия, пришла к выводу, что причиной всему явилась шаровая молния. Странно, конечно: грозы не было (ну какая гроза в конце октября!), а молния была, но ведь всякое может быть. Природа шаровых молний изучена недостаточно (точнее, совсем не изучена), однако имеются заслуживающие доверия свидетельства появления таких молний во время ясной погоды.

Молния влетела в окно, оставив в стекле аккуратную круглую дыру, описала в помещении лаборатории причудливой формы криволинейную траекторию (её проследили по следам оплавления на стенах, столах и оборудовании) и врезалась в тяжёлый сейф в кабинете Этьена, прошив по дороге две запертые двери.

На бронированной дверце несгораемого шкафа молния проплавила такого же размера и такой же идеально правильной формы сквозное отверстие, как на оконном стекле и на дверях, а внутри стального ящика взорвалась, превратив в пепел всё содержимое сейфа.

Безвозвратно погиб целый ряд документов, в том числе всё, относящееся к так называемой "Загадке": видеокассета, компакт-диск и распечатка полученных результатов. Попутно обнаружилось, что пострадало содержимое винчестеров нескольких компьютеров: к счастью, стиранию и повреждению подверглась только незначительная часть файлов, в основном так или иначе касающихся всё той же "Загадки".

Невольно напрашивалось предположение, что шаровая молния действовала едва ли не разумно (явный нонсенс!), или, по крайней мере, была оснащена неким подобием системы самонаведения. Но в отчёт комиссии эта смелая гипотеза почему-то не попала (потому наверно, что членам комиссии - серьёзным учёным с солидной репутацией - она показалась чересчур смелой).

Возникший пожар погас сам собой, и в целом лаборатория серьёзно не пострадала. Что же касается персонала, то буквально через неделю никто из них не мог даже припомнить, что они занимались какой-то там "Загадкой". Бывает - ведь господин Прево всегда считал хорошую зарплату достаточным основанием для того, чтобы его сотрудники не прохлаждались; и на недостаток загруженности в лаборатории никогда не могли пожаловаться. Где уж тут всё упомянуть при таком объеме работ...

Что же касается самого господина директора, то он тоже никогда больше не упоминал о загадочной штуке, что как-то принёс к нему в кабинет профессор Жерар Рану. А самое интересное заключалось в том, что кое-что в памяти Марселя Прево всё-таки сохранилось. Мсье Прево ощутил мягкое, но настойчивое давление, словно кто-то невидимый осторожно, но неумолимо выжимал из его сознания лишнее. Старый хитрец поддался, однако его капитуляция во многом оказалась поддельной - не зря он в течение многих лет занимался медитативными практиками йогов. Господин директор сберёг знание о факте существования Загадки и почти всё с этим фактом связанное. Но знание это он хранил для себя, а ни в коем случае не для общего, так сказать, пользования. Прево знал о том, что случилось с Рану и другими людьми, прикоснувшимися к тайне "Загадки", и совсем не торопился афишировать свою осведомлённость в этом вопросе. Здоровый инстинкт самосохранения всегда был присущ этому человеку.

Для Марселя Прево вполне достаточным оказалось одно лишь осознание того, что он знал нечто, неизвестное никакому другому обитателю планеты по имени Земля.

Как там сказал Морис Бувэ: "ты заключил самую удачную сделку в своей жизни, старина, - сделку с Вечностью!"

* * *

В ту же ночь сгорел дом и самого Мориса Бувэ, экстрасенса и специалиста по паранормальным явлениям, только причиной пожара была не загадочная шаровая молния избирательного действия, а банальное замыкание электропроводки. Невзирая на обыденность подобного явления, пожар получился основательным - дом выгорел дотла. Останков хозяина среди обгорелых руин полиция не обнаружила, что дало пищу для множества слухов и кривотолков. Но слухи эти достаточно скоро завяли, и общественное мнение согласилось с весьма типичным для обывателей (несмотря на весь научно-технический прогресс) выводом: связь с нечистой силой до добра не доведёт.

Этому в известной мере способствовало сообщение клошара¹⁵ местного значения, бродяги и пьяницы Жана (фамилии этого типа никто не знал). Он заявил, что видел, как горел дом Бувэ, более того, клятвенно утверждал, что из огня выметнулся вверх сияющий луч, скорее даже светящийся столб, внутри которого находилась человеческая фигура с поднятыми к небу руками. Впрочем, кто мог относиться серьёзно к рассказам старого пьянчуги: ведь всем известно, что после двух бутылок дешёвого вина Жан вполне мог сказать, что вторую он распивал в компании с архангелами, поглаживая коленки святой Барбары и наблюдая при этом вознесение святого Августина.

Отцы и матери благополучных семейств терпели существование Жана, поскольку он был существом безобидным. А кроме того, человеку всегда нравится сравнивать себя с кем-то хуже себя и приходить при этом к утешительному выводу, что вот уж у него-то самого по сравнению с этим "кем-то" жизнь очень даже удалась.

* * *

После отъезда Рану Аньез очень долго не могла заснуть (пришлось даже выпить почти полный стакан анисовой водки), а утром проснулась в прескверном расположении духа.

Нет, её не слишком расстроил разрыв с профессором, хотя она и испытывала к нему достаточно искреннюю симпатию. Аньез была женщиной умной и давно поняла, что у их романа нет будущего - рано или поздно они расстанутся. Так уж лучше рано, пока она молода и красива, и пока мужчины сворачивают себе шеи, глядя на неё восхищёнными глазами.

Нет, истинной причиной её мерзкого настроения и даже отвратительного самочувствия была эта самая гадость, которую вчера принёс Жерар.

С детских лет Аньез жадно слушала передающиеся в её роду по женской линии жуткие предания об этом проклятом символе и об угрозе неотвратимой смерти, которую он с собой несёт. Хотя надо сказать, что эти предания не сохранили свидетельств гибели кого-нибудь из прапрабабок Аньез (а среди них было немало цыганских и прочих ведьм), связанной с этим символом. Здесь было что-то другое, привнесённое в память Аньез откуда-то *со стороны*.

"Предводительницы наших Истинных Врагов носили такой знак" - эта непонятная фраза из странного и смутного сна, полного необъяснимых видений, запомнилась Аньез на всю жизнь. И действительно, стоило ей случайно встретить где-нибудь (в книге ли, на экране

¹⁵ Клошар - французский вариант бомжа по призванию.

или в форме изделия) чёрно-белый символ Двух Начал, как у неё тут же возникало то гадливое чувство, какое обычно появляется при виде ядовитого и опасного насекомого.

Но когда она увидела принесённое Жераром, ею овладел самый настоящий ужас, от которого стынет кровь в жилах. Она тут же поняла и почувствовала, что это не копия, не повторенное изображение, а именно то самое Подлинное Проклятье. Не насекомое, а готовая ужалить змея! Этот ужас и заставил её чуть ли не силой вытолкать из своей квартиры профессора Рану: Аньез была готова на всё, лишь бы *это* оказалось от неё как можно дальше.

К магии вообще Аньез относилась достаточно серьёзно, - что совсем не удивительно при такой родословной, - хотя никогда не предполагала наличия у себя самой сколь-нибудь значительных колдовских способностей. Успеха у мужчин, как вполне разумно считала Аньез, она добивалась исключительно за счёт своих превосходных типично женских качеств: чтобы дурить мужикам головы, особого волшебства не требуется.

Аньез взглянула на себя в зеркало и осталась крайне недовольна тем, как она выглядит: тёмные круги под глазами, веки припухли, глаза блестят нездоровым лихорадочным блеском, и вместе с тем в них проступает какая-то обречённость. Чёрт бы побрал этого Жерара с его дурацким подарком!

Лучше всего не ходить бы сегодня на работу, а проваляться целый день в постели, наслаждаясь полным ничегонеделанием, но такое, к сожалению, невозможно. Эта похотливая скотина Мишель, владелица магазина, в котором Аньез работает кассиром, давно уже косится на неё. Особенно после того, как она резко пресекла его домогательства и даже пообещала пожаловаться на него его супруге, крутой и властной мадам, давно и прочно державшей муженька под каблуком. Так что если Аньез просто хотя бы чуть опоздает на работу, эта свинья Мишель не упустит возможности поквитаться с ней, и последствия могут быть очень неприятными - с работой в их маленьком городке туго.

А вызвать врача - и что она ему скажет? И самое главное, что она услышит в ответ от этой воплощённой ходячей добродетели? "Вам надо изменить образ жизни... пора остепениться... подумайте о завтрашнем дне... таблетки тут не помогут...". Интересно, как повёл бы себя этот примерный семьянин, вздумай она намекнуть ему, что якобы совсем не прочь разок-другой проверить, каков он в деле? Небось, запрыгал бы, старый козёл, бекая, мекая и постукивая копытцами! Все они на словах ангелы, только крылышек не хватает...

От таких мыслей настроение несколько улучшилось. Аньез умылась и ещё раз посмотрелась в зеркало. Ну что ж, придётся потратить чуть больше времени на макияж... На работу всё равно идти надо.

Через полчаса Аньез вышла на лестницу и закрыла за собой двери квартиры. Замок щёлкнул, как револьверный выстрел, и ей снова стало не по себе. Она помотала головой и решительно пошла по ступенькам вниз, к выходу на улицу.

Магазин встретил её привычными запахами и привычным шумом. Покупателей по утреннему времени было совсем немного. Аньез принимала наличные, отсчитывала сдачу, прокатывала через сканер кредитные карточки и болтала ни о чём с Женеьевой, кассиром на соседнем аппарате через проход от рабочего места Аньез. В перерыве они вместе пили прекрасный кофе и снова болтали. Заходил Мишель, буркнул что-то нечленораздельное, но Аньез не обратила на него особого внимания, хотя и вежливо улыбнулась. Ощущение неизбывного ужаса, поселившегося в её душе со вчерашнего вечера, исчезло совсем или притаилось где-то очень глубоко и не мешало.

После обеда покупателей стало больше, но это и к лучшему - время до конца рабочего дня пройдёт быстрее. Аньез делала привычную работу, руки её двигались почти автоматически, она выбивала чеки и звякала мелочью, привычно улыбаясь в ответ на привычные комплименты.

Двое темнокожих парней, влетевших с улицы в двери магазина, своих намерений скрывать не стали. Один из них, размахивая короткоствольным револьвером, побежал вдоль стеллажей с продуктами, выкрикивая истошно-угрожающе:

– Не дёргаться! Никому не дёргаться! Это налёт!

Видно было по всему, что мальчишки, - а парням вряд ли исполнилось даже по восемнадцати, - полные профаны и новички в этом деле, однако посетители магазина испуганно роняли на пол банки и коробки и жались к стенам.

Второй налётчик шмякнул на прилавок перед Аньез тёмный пластиковый пакет и взвизгнул, накручивая сам себя:

– А ну, сучка, гони монету! Живо! А не то я попорчу твою смазливую мордочку!

Аньез спокойно посмотрела в вытаращенные глаза парня и не спеша, не делая резких движений, выдвинула разделённый на отделения денежный ящик кассы. Персонал, имеющий дело с деньгами, специально обучают, как вести себя в подобных случаях, чтобы не спровоцировать грабителей на действия, опасные для жизни людей. Одновременно она носком левой ноги нажала кнопку тревожной сигнализации: без всякой, правда, уверенности, что сигнализация сработает - её ведь никогда раньше не приходилось использовать.

Потом она так же спокойно наблюдала, как грабитель лихорадочно, трясущимися руками, запихивает в пакет выручку, комкая купюры и просыпая мимо мелочь. Аньез осталась спокойной, когда налетчики бросились к выходу и прямо в дверях натолкнулись на подоспевших дюжих полицейских, вооружённых автоматами. Сигнализация всё-таки сработала...

Грабителей - вернее, одного из них, с пакетом, - скрутили быстро и умело. Но второй, с револьвером, успел один-единственный раз выпалить наудачу в торговый зал - просто так, от страха и взвинченности, - и был тут же прошит автоматной очередью мгновенно среагировавшего на применение бандитами огнестрельного оружия полицейского.

Одна-единственная пуля, выпущенная из короткоствольного револьвера, попала прямо в висок Аньез. Смерть наступила мгновенно.

...Вооружённый налёт среди бела дня на магазин, да ещё с человеческими жертвами, в маленьком сонном городке, в котором все друг друга знали, и где не происходило ничего заслуживающего внимания со времён Столетней войны, оказался настолько неожиданным событием, что полицейский комиссар департамента счёл своим долгом побывать на месте преступления лично.

Господин комиссар приехал ровно через двадцать две минуты после того, как всё кончилось. Магазин окружала взволнованная толпа, сдерживаемая цепочкой полицейских; а чуть в стороне санитары задвигали в белую машину с синей надписью "Ambulance" на борту носилки, покрытые белой простынёй.

Комиссар полиции сделал им знак подождать, подошёл к микроавтобусу и откинул простыню, укрывавшую лежавшее на носилках тело.

– Наповал, господин комиссар, - сказал врач "Скорой помощи". - Жаль, такая красивая женщина...

Комиссар несколько мгновений смотрел на спокойное лицо женщины на носилках - на нём застыли несколько капелек крови, похожих на капли хорошего выдержанного красного вина, - потом задёрнул простыню и махнул рукой санитарам: везите.

Истинные самосоздавшиеся Амулеты обладают *псевдоразумом*, и их критерии справедливости зачастую весьма отличаются от аналогичных критериев, принятых среди эсков-Магов Высших Рас. Обнаружение в ленте реинкарнаций женщины по имени Аньез воплощения в Чёрном Маге-Разрушителе, уничтоженном Голубыми Амазонками Звёздной Владычицы Тазоны в окрестностях системы Жёлтой звезды задолго до гибели Атлантиды, оказалось достаточным условием для активации беспощадного механизма Возмездия.

Конечно, если бы решение принимала, например, голубая эскиня Селиана или кто-то из её Помощниц, исход был бы другим. Ведь инкарнация Первичной Матрицы Несущего Зло в теле обычной женщины, не одержимой никаким другим бесом, кроме любовного, и не имевшей в свои двадцать девять лет ни детей, ни семьи, ни даже постоянного спутника жизни, уже можно считать искуплением того, что натворил в своё время Адепт Разрушения. И уж однозначно это воплощение было несомненным шагом вперёд по сравнению со

служителем кровожадного ацтекского бога Уицилопочтли, собственноручно резавшего пленников на алтаре и растоптанного копытами испанских коней на пылающих улицах Теночтитлана; или по сравнению с захваченным неподалеку от Скарборо, в Англии, прямо у тела очередной жертвы детоубийцей-людоедом, насмерть забитым при этом дубинами толпы разъярённых крестьян середины семнадцатого века.

Но в подконтрольных Объединению Пяти Мирах бесчисленное множество Носителей Разума, и очень сложно обеспечить беспристрастную справедливость в каждом отдельно взятом случае...

* * *

Белый *потолок*. Голубовато-белые *стены*. Белая *простыня* и белое *одеяло*. Где он? И вообще, кто он?

Рука - его рука - на белой *ткани* одеяла. В *вену* воткнута *игла*, от неё тянется тонкая прозрачная трубочка-шланг. По *трубке* медленно капает-просачивается бесцветная *жидкость*. Капельница. Больница. Место, где проходят *излечение (восстановление)* больные (*повреждённые*) организмы.

Мягкий *свет* за окном. *Облака*. Серое небо. Визуально наблюдаемая газообразная оболочка планеты. Цвет. Оттенки цвета.

Глаза поворачиваются с трудом - словно там, где они *прикреплены* к голове, завелась ржавчина, мешающая им крутиться *нормально*. В *голове* пусто. Нет, не совсем пусто. Медленно возвращается *память*. Память? Ах да, память - *способность разумного существа продолжительное время хранить полученную информацию и пользоваться ею*.

Ощущение тела. Конечности. Процесс возврата памяти - словно оседает плотный туман, и сквозь его белёсые тающие космы проступают кусты и деревья *леса*. Лес. Лес - это совокупность растительных организмов, занимающая некое ограниченное пространство. Туман оседает. Контуры становятся всё более различимыми - но не до конца. Под *корнями деревьев* остаются *пятна темноты*, чёрные ямы, куда *взгляд не проникает*. Там - Непонятное (забытое?). Не важно. Память обширна. Он помнит и *знает* очень многое.

Лес? Лес... Запахи леса и пружинящая подстилка травы и мха под ногами. Он - он? да, он! - быстро шагает через ночной лес, подгоняемый страхом: страхом прикосновения к Запретному. Не надо было говорить этой женщине, кто есть её ребёнок на самом деле ... Но он не мог не сказать ей! И вот теперь он почти бежит по тёмному лесу, затылком чувствуя приближение расплаты. И не хватает воздуха, и ледяная рука тискает сердце. Сердце... Сердце... А мох, в который он почему-то вдруг уткнулся лицом, - мокрый...

Да нет же, это ложная память (или как там эта память называется?). При чём здесь какой-то старик-кудесник, живший тысячу восемьсот лет назад? Он - профессор Жерар Рану. Имя (кличка?). Персональный признак-код, выражаемый звуковыми или зримыми символами. Знак (ярлык?). Род деятельности. Специальность - сфера применения способностей, опыта и умения индивидуума, оказывающая то или иное влияние на окружающее и оцениваемая социумом по субъективной шкале ценностей.

Устал. Думать трудно. Больно. Здорово же его шарахнуло. Удар он помнит. От машины, наверно, остались одни только обломки. Ему, Жерару Рану, невероятно повезло - он остался жив, и, похоже (судя по ощущениям), руки-ноги и прочие детали на месте. Автомобиль - техногенное приспособление для физического перемещения материальных объектов в пространстве вдоль опорной плоскости при помощи колёс и двигателя, основанного на принципе получения энергии в результате химической реакции окисления углеводородного топлива.

Очертания больничной комнаты (*палаты*?) сделались чёткими. Он здесь не один. Кроме него в палате ещё один человек. Женщина. Её зовут Анн-Мари. Это его жена. Семья. Относительно произвольно образуемый симбиоз двух разнополых взаимодополняющих друг

друга существ, предназначенный для оптимальной реализации репродуктивной, а также некоторых иных функций.

Вид у Анн-Мари предельно утомлённый. Наверно, она здесь уже давно. Глаза покраснели от слёз и бессонницы. На лице залегли синие с желтизной тени. Измучилась, бедняжка...

— Анни...

— Жерар, боже ты мой... Жерар, - глаза женщины стремительно заполняются слезами. Слезы огромные, тяжеленные даже на вид... Как такие относительно тонкие *реснички* их удерживают? - Как ты, дорогой мой?

Жена. *Мать его детей.* Сын. Дочь. *Элизабет ... Женщина в голубом* на ночном шоссе. Резкая пронзительная боль. Провал - он натолкнулся в процессе возвращения памяти на *чёрную яму запрета* и полетел в пустоту.

Когда окружающее прояснилось, и стены палаты перестали медленно вращаться вокруг больничной койки, на которой лежал профессор Рану, Анн-Мари сидела уже рядом с кроватью и держала руку Жерара в своих ладонях.

— Как ты себя чувствуешь? Ты пробыл в реанимации без сознания шесть дней... Я чуть с ума не сошла... Мне всё время казалось, что ты уже умер или вот-вот умрёшь... Доктора ничего не понимали... Полное прекращение активности головного мозга, какой-то научный термин... Не клиническая смерть, нет, как-то по-другому... А ты пришёл в себя... Ох, Жерар... Жан-Пьер, он так за тебя переживает! Он был здесь вчера и приедет сегодня...

— Анни... спасибо тебе... за всё...

— Жерар...

...мать его детей, мать его дочери Лизетты... Элизабет ?!

— Мари... а Лизет... она...

— С ней всё хорошо, дорогой, всё хорошо. Она уехала... ах да, ты же не знаешь... в Австралию, нет, в эту, как там её, в Аргентину... Она обязательно напишет, девочка обещала... Не беспокойся, с Лизет всё в порядке...

Конечно, ну конечно же... Элизабет... Она уехала... Далеко, *очень далеко*, как она и собиралась... Девочка обязательно будет счастлива, по-другому и быть не может... *Женщина в голубом ...*

А Анн-Мари даже не замечает разницы между Австралией и Аргентиной. Или Лизетта уехала в Южную Африку? Впрочем, это уже не имеет никакого значения... Лишь бы Элизабет была счастлива, - а она будет счастлива, потому что она вернулась *домой*...

И снова Чёрная Яма на пути медленно пробирающейся через оседающий туман Памяти... Неважно... Всё неважно... Что-то такое было, что-то очень существенное... Нет, *не помню ...*

Пройдёт. Всё нормально. Он, Жерар Рану, просто в рубашке родился. Повалается ещё пару недель в этой уютной клинике и вернётся к прежней, хорошо знакомой и нравящейся ему жизни. И хорошо, что в этой его жизни существует Анн-Мари. Первая женщина забывается, точнее, она просто превращается в некий символ. И точно так же превращаются в смутные тени все прочие женщины. И остаётся последняя женщина - жена. Альтернатива - только одиночество под вечер жизни.

Интересно, когда же всё-таки Лизетта соберётся написать беспокоящимся за дочь родителям? Конечно, коль скоро она встретила наконец-то настоящую любовь, то время у неё для эпистолярных трудов найдётся не так скоро, как хотелось бы... Однако хочется верить, что маленькая Лизет не превратилась по мере взросления в законченную эгоистку, и что она вспомнит о тех людях, которые подарили ей земное бытие - пусть даже не спрашивая её собственного мнения по этому вопросу.

Преодолевая слабость, Жерар приподнял руку и осторожно коснулся ладонью мягких волос Анн-Мари, уже пробитых кое-где серебряными нитями. И тут профессор Рану услышал невероятно далёкий, но ясно различимый и такой знакомый голос: *Папа, спасибо тебе за всё. Всё хорошо, папа... Я люблю вас...*

Голос умолк, и уже через секунду профессор не смог бы сказать, действительно ли он что-то слышал или же ему просто почудилось...

* * *

Если бы простой человеческий взгляд - пусть даже оснащённый каким-то техническим приспособлением - смог зафиксировать эту картину, то разум человеческий был бы потрясён её фееричностью.

...Среди бесчисленных звёзд, на фоне бархата Первозданной Тьмы, в позе спокойного отдыха расположилось Инь-Существо. Женщина. Эскиня. Она полулежала на невидимой опоре, и небрежная грация сквозила в каждой чёрточке её облика. Именно так представляли себе небожителей теологические учения всех Юных Рас...

Королева Объединения Пяти любила отдыхать именно так: среди звёзд. Она скользила взглядом по искрам бесчисленных Миров, и понятие "отдых" не подразумевало полной бездеятельности её сознания.

Звёздная Королева медленно перебирала пальцами, пропуская через них тончайшую - но такую прочную - цепочку с висящим на ней магическим камнем. Чередовались свет и тень, голубой отблеск скользил то по белой с тёмной точкой половинке Инь, то по чёрной с белой точкой - Янь. Частица тех, кого она так упорно разыскивала вот уже триста лет - стандартных лет, - была теперь с ней. "Я слышу вас, - думала Эн-Риэнанта, касаясь кончиками пальцев чуть тёплой поверхности артефакта, - и я верну вас...". И амулет отвечал - отвечал суровым голосом Вселенского Воителя Эндара, стража звёздных дорог, и более мягким, но строгим голосом Хранительницы Жизни Натэны.

"Мы подождём, дочь, - говорил Коувилл. - У тебя сотни Миров, и ты за них в ответе. И за этот Мир, Мир Третьей планеты системы Жёлтой звезды, качающийся на самом краю бездонной пропасти, ты тоже в ответе. Помни об этом! А мы - мы подождём..."

"Мы подождём, дочь, - говорила Таэона. - Ты найдёшь нас - обязательно. И ещё - ты найдёшь свою любовь, настоящую, такую, какую нашли мы. Я верю в это, Энна, - нет, не верю, - знаю. Теперь знаю..."

Эн-Риэнанта держала амулет Инь-Янь в руке - не пришло ещё её время надеть на шею заветный символ, ибо истинная любовь не коснулась пока её сердца. Но это время придёт - Энна верила матери.

На прекрасной шее Звёздной Владычицы красовался другой амулет, который она сотворила для себя постоянным напоминанием о Поиске. На голубоватой цепочке плавно вращался маленький шар, меченный несимметричными светлыми и тёмными пятнами и окутанный голубым ореолом. Приглядевшись, искушённый понял бы, что шарик этот являл собой точную миниатюрную копию Третьей планеты окраинной галактической системы Жёлтой звезды - именно такой она видна извне, из открытого пространства Привычного Мира Галактики.

Магиня затратила немало сил, зато теперь у неё был Вещун. Свечение вокруг амулета периодически прошивали быстрые разноцветные взблески - следы магических сущностей в эгрегоре планеты и в примыкающей к ней области Тонкого Мира. Золотистые, серебряные, зелёные, голубые... Эскиня ждала фиолетовой вспышки: ведь не только Коувилла называли Фиолетовым Магом - после тысяч и тысяч тантрических слияний Таэона приняла добрую толику алого, и оттенок её магии тоже изменился.

И она дождалась - яркая фиолетовая искра прошла Вещун. "Вы здесь, - прошептала Эн-Риэнанта, - вы воплощены - оба. Наконец-то... Время пришло".

Время пришло, и Духи Времени стягивали его бурлящие тугие потоки, свивая...

КОЛЬЦО ВРЕМЁН

2004 год.

"Ну и какого чёрта тебя понесло сюда? Ты ведь сбился со счёта, сколько раз здесь был! Такой денёк! Ребята давно уже на Вуоксе... Вечером они разобьют палатки, разожгут костёр, будут жарить шашлыки и пить вино, смеяться и танцевать... Стемнеет, от воды поползут пряди белого тумана, а в небе загорятся звёзды... И публика расплзётся парочками по кустам - кто обниматься-целоваться, а кто и... А Светка точно не будет долго горевать о твоём отсутствии, и скучать она тоже не будет... Так стоило ли из-за идиотской размолвки упускать такую девчонку?"

Подобные не слишком весёлые мысли посещали голову молодого парня лет двадцати двух, поднимавшегося по каменной лестнице в Большой зал Центрального Военно-Морского музея. Парень был самым обычным: в джинсах, кроссовках, в лёгкой рубашке и с короткой стрижкой - таких парней в огромном Санкт-Петербурге тысячи и тысячи.

А ситуация действительно получилась на редкость дурацкая: они всей своей тёплой компанией собрались провести выходные на Карельском перешейке, на природе, со всеми прелестями, сопутствующими такому виду отдыха. И чёрт его дёрнул зацепить в разговоре с подружкой болезненную тему - ведь знал же он, очень хорошо знал её мнение по вопросу денег, карьеры и престижа! Слово за слово, и...

"Для меня парень, который зарабатывает меньше трёхсот баксов в месяц - это вообще не парень!" - резко бросила Светка, когда он пытался что-то вякать на тему о том, что деньги ещё не всё, и что работа должна нравиться, и что... Вот и нарвался! Конечно, не стоило принимать столь категоричное суждение на свой счёт - ведь они-то ещё студенты... Хотя многие старшекурсники заранее столбят себе места в престижных фирмах, где проходят практику и подрабатывают во время учёбы - о будущем надо беспокоиться заранее. Тут Светка, как ни крути, права: сам себе не поможешь - никто тебе не поможет! И всё-таки поднадоела ему, честно-то говоря, её оголтелость в отношении денег. Что ж теперь, кроме бабок и нет ничего на свете?

"На Свете точно нет..." - сложился в уме пошловатый каламбур, однако общего мрачного настроения не развеял.

Настроение чуть улучшилось, когда юноша вошёл в зал. Он давно заметил странную особенность своей натуры: здесь, в Военно-Морском музее он всегда почему-то ощущал *себя как-то...* - даже слово-то не подобрать. Он полюбил бывать в музее ещё со школьных лет, и каждый раз при посещении Большого зала им овладевало непонятное, но щемяще-приятное чувство. И ещё: его тянуло в дальний левый угол зала, посвящённый русско-японской войне: именно в этом месте *ощущение* было наиболее острым. Ни романтические модели фрегатов восемнадцатого века, ни стремительные формы боевых кораблей середины века двадцатого такой остроты не вызывали.

Молодой человек знал наизусть едва ли не всё о кораблях русско-японской: годы постройки, водоизмещение, вооружение, скорость хода - вплоть до фамилий командиров. Иногда даже корабли эти ему снились, причём не в виде моделей, а живую - пенящими волны. Разные хобби бывают у людей...

Парень остановился перед моделью эскадренного броненосца "Бородино". Чёрный корабль плыл под стеклом, поблескивая лакированными бортами и щетинясь дулами башенных орудий. Юноша чуть прикрыл глаза - он знал, что силуэт корабля всё равно останется перед его внутренним взором.

"И сколько же всего снарядов в него попало? - думал он. - Сколько он вынес перед тем, как опрокинуться и унести на дно весь свой экипаж - за исключением одного матроса? Броненосец перевернулся под вечер, когда уже темнело..."

...Лица коснулся упругий ветер, напоённый йодистым дыханием моря. Тихо шлёпались о бортовую броню невысокие волны, и протяжно-истошно вопили чайки... Палящее тропическое солнце в синеве неба над головой... На баке, под сенью тяжёлых двенадцатидюймовых стволов башии главного калибра, замерла выстроенная "во фронт" команда - белая стена матросских роб, окаймлённая золотом погон офицерских мундиров.

Идеально выдраенная деревянная палуба, которой можно коснуться рукой в белой перчатке без малейшего риска испачкаться...

- Здравия желаем, ваше...гитество!

"Орёл" был точно таким же, словно брат-близнец... А в Цусимском бою у левого орудия носовой башни японский снаряд отшиб половину ствола... И был смертельно ранен командир...".

Молодой человек перевёл взгляд на кормовую оконечность броненосца и тут сквозь стекло саркофага, хранящего модель славного корабля, вдруг увидел девушку.

Она стояла перед стендом-витриной с выполненным из папье-маше рельефным макетом Порт-Артура и внимательно рассматривала старинные фотографии героев его обороны. В следующий миг ноги парня сами выполнили требуемый маневр: он обогнул стеклянный параллелепипед и направился напрямик к незнакомке. Он ещё даже не понял, что же заставило его так поступить - благоговейная музейная тишина мало напоминала шумную атмосферу дискотеки, где можно запросто подойти к приглянувшейся девчонке и потанцевать с ней или поболтать без тени стеснения, - он шёл и ни о чём не думал.

Девчонка как девчонка, каких тысячи и тысячи в Питере. Лет этак девятнадцати, в светлых брючках и топики; длинные каштановые волосы спадают на спину. На шее шнурок от футляра с сотовым телефоном, а между пояском и краем топики полоска смуглого тела в ладонь шириной - понятно, девушка одета по последней молодёжной моде "пупок и мобильник".

И ещё парень понял, что она красивая. Именно *понял*, а не разглядел - девушка-то стояла к нему вполоборота. Ведь как бывает: оценишь стройную фигурку, а приглядишься - мордочка-то и подкачала... Но в данном случае ошибки быть *не могло* - незнакомка красива, он *знал это*, потому что где-то *уже видел её раньше*...

"Интересно знать, и что эта Барби здесь делает? - такой была первая оформившаяся мысль. - Таким красоткам место на подиуме, где разгуливают топ-модели; или в офисе крутой фирмы (классная секретарша широкого профиля "на все руки и прочие части тела мастерица"); или, на крайняк, в навороченной тачке при самодовольном мачо с золотой цепью на толстой шее... Такие - если верить западным фильмам - вертят бёдрами на пляжах Майами и Коста-Дорада, транжиря деньги богатых любовников, по возрасту годящихся им в отцы, - а то и в деды. И уж во всяком случае, девушки с таким экстерьером равнодушно глядят на сверстников, если те не принадлежат к золотой молодёжи и не могут походя оставить в элитном ночном клубе пару тысяч баксов за вечер...

И всё-таки, чего ради она оказалась в пыли музея (да ещё столь специфического) в июльский выходной, когда на улице такая дивная погода? Ей что, заняться больше нечем? Не свидание же она назначила под знамёнами флота российского у моделей давным-давно погибших или пущенных на слом кораблей! А, она, наверно, переводчица, сопровождающая группу каких-нибудь чопорных англичан, интересующихся историей флота вообще и русского в частности... Но где же тогда её подопечные? Отошли все разом пописать?"

Вся эта мысленная обойма провернулась в голове молодого человека за те считанные секунды, пока он преодолевал разделявшие его и девушку метры. И ещё он понял, что красавица смотрит на немые отпечатки истории не просто так, а с настоящим неподдельным интересом и с какой-то затаённой грустью. И это внезапное открытие окончательно сбило парня с толку.

Девушка почувствовала его приближение (не услышала шаги, а - он отчётливо понял это! - именно *почувствовала*), оторвалась от фотографий столетней давности и повернулась. Она действительно оказалась красивой; и лицо её было именно таким, каким парень себе его и представлял; а потом молодой человек *услышал*...

На нас надвигается Тьма, Чёрная Тень из Неведомого. Всё то, что происходит сейчас в России, - это не просто то, о чём мы знаем из истории других стран. Это гораздо страшнее и кровавее - и необъяснимее... За всем происходящим стоит какая-то чудовищная сила. Я не могу понять и сказать, откуда я это знаю - я чувствую...

Бороться с этой Тьмой выше человеческих сил, мы можем только бежать. Где-то там, очень далеко, дальше, чем мы можем себе представить, есть способные противостоять Тени, но до них так вот запросто не докричишься. А мы - мы можем лишь спастись бегством в зыбкой надежде уцелеть...

Юноша с трудом отлепил от нёба непослушный язык и вытолкнул всего три слова:

– Тебя зовут... Наташа?

– Тебя зовут... Андрей? - эхом отозвалась девушка.

...Они вышли на улицу, крепко-крепко держась за руки, словно боясь потерять друг друга снова .

Их встретил ослепительный летний день: бездонная голубизна неба с белыми пушинками редких облаков, взъерошенная лёгкой рябью синь водной глади Невы, зелень листвы, золотые брызги отскакивающих от оконных стёкол солнечных зайчиков, седина древнего камня стрелки Васильевского острова. И нигде - *нигде* ! - не было ни единого *чёрного* пятна.

* * *

1996 год

Самое противное в длинном рейсе - долгие переходы: это когда судно занудливо наматывает мили на гребной винт, неспешно топая от одного порта до другого в течение трёх-четырёх недель. За всё это время ничего, как правило, не происходит: время на борту течёт себе тихой речкой в замшелых берегах распорядка дня "сон-еда-работа"; и сутки сменяются, похожие друг на друга, словно заклёпки в переборке. Тоскливости добавляется, если пересекаешь штормовые широты, где постоянно качает, и где толком ни поесть (потому как суп так и норовит выплеснуться из тарелки прямо в физиономию), ни поспать (если предварительно не расклинишься руками-ногами - иначе будешь всю ночь ползать по койке взад-вперёд вслед за валкими размахами своего плавучего жилища). И ещё хуже, когда настроение у тебя паршивое по каким-либо веским причинам.

Балкер¹⁶ "Профессор Бехтерев" шёл из Австралии на Бразилию с грузом руды, засыпанной во все его пять объёмистых трюмов. По расчётам штурманов, от Аделаиды до Сантуса ходу двадцать четыре дня, а за кормой осталась только половина дороги. Теплоход ещё не добрался до траверза мыса Доброй Надежды, за которым до берегов Южной Америки простиралась Атлантика. А качать начало прямо после выхода из Аделаиды, в Большом Австралийском заливе, и завершения болтанки не предвиделось вплоть до порта назначения. Сороковые широты - они и есть те самые ревущие сороковые; моряки минувших эпох ничуть не преувеличивали их мерзкий нрав.

Виктор просыпался в половине восьмого (привычно, до будящего звонка из центрального поста), мылся-брился и спускался в кают-компанию. Там он так же привычно и без особого аппетита поедал завтрак (кофе или чай, яичница или бутерброд, иногда какая-нибудь каша), потом переодевался в робу и выходил на открытую палубу, на корму, где не так задувало. Используя оставшиеся до начала рабочего дня минуты, курил, глядя на катящиеся вровень с высоченным бортом серые - аккурат под цвет его настроения - глыбы волн, прошитые извилистыми нитями пены. Докурив и выкинув окурочек, он вызывал лифт и съезжал в дышащие теплом и наполненные запахом машинного масла и дизельного топлива корабельные внутренности, встречавшие его деловитым урчанием работающих механизмов. В центральном посту собиралась к восьми утра вся машинная команда, и свершался ежедневный ритуал: сменялась вахта, а рабочая бригада получала ценные указания - кому чего разбирать-чинить-ремонттировать. Всё как всегда.

¹⁶ Балкер - судно, перевозящее насыпные и навалочные грузы (зерно, уголь и т.п.).

Проблем по работе у Виктора не было - дело своё он знал, - но основания для душевного дискомфорта имелись. Считая себя человеком неглупым, Виктор прекрасно понимал, что он сам во всём виноват, но когда это и кому подобное понимание так уж здорово помогало?

В Австралии они расслабились, мягко говоря, не слабо. Вечер в баре неподалеку от порта закончился дракой, оставившей кое-кому из экипажа (в качестве австралийских сувениров) синяки и ссадины, - хорошо ещё, что близкого знакомства с местной полицией удалось избежать. И всё бы ничего, если бы Виктор, следуя некоторым особенностям широкой русской души, не решил продолжить праздник жизни уже на борту. В результате он на следующий день не вышел на работу, а на третий хоть и появился в машине, однако ползал там в сомнамбулическом состоянии.

Естественно, подобное поведение одного из офицеров не вызвало повышенного восторга у капитана, и тучи над головой грешника сгустились. Ситуация усугублялась тем, что Виктор уже пребывал в "чёрном списке" из-за того, что ещё на перелёте до Сингапура он начал интенсивно отмечать начало контракта и несколько злоупотребил халявным спиртным на борту авиалайнера. А теперь, после очередного прокола, ему наверняка светил очень серьёзный разбор полётов в офисе судоходной компании - с вполне прогнозируемыми последствиями. Так что основания для пессимизма наличествовали.

И кому какое дело до того, что Корнеев Виктор, сорока двух лет от роду, ещё в ранней юности сознательно - наперекор желанию родителей, кстати, - выбравший профессию моряка и проплававший после окончания мореходки и до настоящего времени двадцать лет на самых разных судах, вдруг понял, что внутри у него словно что-то сломалось. Ему стало *неинтересно* : если раньше, ступая на палубу очередного судна, он жадно вдыхал специфический корабельный запах, сотканный из множества оттенков, и волновался, чувствуя лёгкое подрагивание палубы под ногами, волновался, словно при первой встрече с новой женщиной, обещавшей незнакомые и неизведанные ранее ощущения, то в этот раз, когда сменный экипаж добрался наконец на катере до стоявшего на рейде Сингапура "Бехтерева", Виктор не почувствовал ничего, кроме раздражения. Значит, для него пришла пора уходить на берег...

Но это всё лирика, а суровая правда жизни такова, что уж если ты пришёл сюда работать, то работай, а не занимайся самокопаниями, от которых никому нет никакой пользы. Экипаж теплохода состоял из прагматиков, строго придерживавшихся незатейливой истины: а попробуй-ка где-нибудь ещё заработать такие деньги, которые тебе платят здесь! Вот отработаешь свои шесть месяцев, положишь в карман греющую душу приличную пачку "зелёных", вернёшься домой, а там - "хочешь - спать ложись, хочешь - песни пой!", как говорится.

И капитан, конечно, прав - на его месте сам Виктор наверняка поступил бы точно так же: не хватало ещё в довесок ко всем капитанским заботам грузить себе голову беспокойством о пьянках команды! Да, действия капитана по отношению к проштрафившемуся подчинённому оправданы, и строить из себя незаслуженно обиженного нечего. Однако имелось одно "но".

Отец-командир вызывал у Виктора чувство глухой неприязни вовсе не из-за своих карательных действий по отношению к нему, Виктору Корнееву. Дело в том, что капитан принадлежал к категории людей старой социалистической закваски, которых в изобилии штамповал конвейер по производству "человека нового типа", а подобных персонажей Виктор не переваривал органически. Кэп неплохо вписался в новые условия, оставив служение былым светлым идеалам, но прежних благоприобретённых привычек не бросил. И ярче всего это проявлялось в мухлёжке с питанием команды.

Вкусная еда в рейсе - это одно из немногих удовольствий, коих люди в море лишаться не должны. А когда четыре с лишним месяца питаешься одной бараниной с рисом, да при этом постоянно выслушиваешь жалобы прячущего хитрые глазки кока на дороговизну продуктов на берегу...

Вот только не надо тарыхтеть as a prick in empty canister!¹⁷ Рассказывайте эти душещипательные истории кому другому, а не опытным морякам, видевшим на своём веку не один пароход, не одного капитана и не одного кока! На прошлом контракте, на контейнеровозе той же самой компании, кормёжка была на порядок лучше: на столах были и виноград, и мороженое, и даже креветки. У шипшандлеров в том же Сингапуре или в Индии всё можно купить, не выходя за пределы отпущенных на питание сумм - если, конечно, суммы эти не ужимать с вполне определённой целью, слегка прикрытой удобным словечком "экономия". Знаем мы, откуда ноги растут - в данном случае бараньи.

На пятом месяце рейса у людей многое может вызвать раздражение, а уж что касается еды... Тем более, что поделаться с этой паскудной ситуацией ничего было нельзя, даже не рекомендовалось - во избежание нежелательных оргвыводов - громко распространяться на эту тему: служба внутренней информации начальства на судах с русскими экипажами (пусть даже под либерийским флагом) сохранилась нетленной с советских времён. И действовала эта информационная служба по принципу "на баке пукнул, на корме сказали: обкакался". А если к тому же у тебя у самого рыльце в пушку, то...

В последнее время Виктор избегал появляться в кают-компании, когда там ел капитан. Но на этот раз они обедали вместе, хотя и за разными столами, строго следуя субординации. Виктор дохлёбывал суп, удерживая норовящую спрыгнуть на палубу тарелку, когда услышал голос смаковавшего второе блюдо капитана:

— Эх, и хороша же баранинка! Удачно мы закупились в Австралии...

В глазах потемнело. Виктор осторожно разжал пальцы, стиснувшие вилку, - ни в чём не повинный столовый прибор жалобно звякнул о столешницу, - и опустил веки. И тут перед глазами моряка возникла странная картинка.

...Какая-то оживлённая городская улица, похожая на бразильскую (Виктору уже доводилось бывать в стране, где так много диких обезьян), много людей и много машин, резво снующих туда-сюда по проезжей части: в Бразилии правила уличного движения - понятие несколько эфемерное. И посередь всего этого живописного антуража по тротуару важно шествовал капитан в сопровождении кока и двух матросов, натужно волочащих объёмистые пакеты: продотряд, понятное дело. А потом...

Автомобиль вылетел неизвестно откуда. Наверно, водитель не справился с управлением, или в его моторизованной телеге образца тысяча лохматого года что-то отказало, но так или иначе, машина вылетела на тротуар и врезалась прямёхонько в строй продовольственной экспедиции.

Людей раскидало, словно тряпичных кукол. Кто-то закричал, народ засуетился, забегал, а виновница торжества застыла, уткнувшись покорёженным капотом в белую стенку дома, едва не въехав в витрину какой-то лавчонки.

Капитана подняли на ноги, осторожно поддерживая грузное тело с двух сторон. Похоже, он не очень сильно пострадал; вот только на левой стороне его лысоватой головы красовался и набухал солидный кровоподтёк...

В груди у Виктора вспух горячий ком, набряк и покатился вверх, к горлу. Корнеев резко встал, оставив нетронутой "баранинку" с чечевицей, и ушёл к себе в каюту. Там он долго лежал на спине, глядя в белый подволок, и спохватился только тогда, когда на часах было уже без пяти минут час. Пора в машину - обеденный перерыв кончился.

* * *

Заявление во Дворец Бракосочетания на Английской набережной Андрей и Наташа

¹⁷ Желаящие могут посмотреть перевод этого вкусного выражения в англо-русском словаре. Только следует обратить внимание, что "укол" - это лишь одно из значений слова "prick".

подали на следующий после их встречи день. Они сделали бы это сразу же по выходу из музея, будь у них при себе паспорта. Молодые люди ещё не успели представить друг друга своим родителям, и вовсе не потому, что по зачастую присущей молодости категоричности считали этот архаичный ритуал излишним. Нет, просто для них всё прочее меркло перед *главным* - перед самым фактом их неожиданной встречи; встречи, казавшейся невозможной. И они торопились сделать то, что не успели сделать сто лет назад.

Принимавшая заявления строгая дама хотела было напомнить несведущим девушке и парню, что во Дворце существует очередь, и что ждать придётся от двух до четырёх месяцев, а если они хотят удобное время, да ещё на выходных, то и того больше (хотя, конечно, это вопрос решаемый...), но почему-то вдруг осеклась, так и не начав свою длинную тираду. Посмотрев на Андрея с Наташей и ощутив на себе их взгляды (не то чтобы неприятные, но какие-то *странные*), служительница Гименея вдруг поняла, что этой паре непременно нужно пожениться, и чем скорей, тем лучше. Поэтому она, перелистав свою "книгу судеб", нашла нужную дату в начале осени и записала на неё молодых людей, скрыв непривычное для себя самой смятение за неуклюжими фразами: "Вы знаете, вам повезло... Как раз одно свободное окошко..."

А работница загса, ведавшая оформлением торжества и видевшая на своём веку тысячи и тысячи самых разных пар, поймала себя на том, что этой паре абсолютно безразлично всё, что она им рассказывает - все эти машины, услуги фотографа и прочее. Ей показалось даже, что эти её очередные клиенты пребывают где-то не здесь, и что между ними и ею невидимая стена. И когда жених с невестой ушли, она вздохнула с облегчением: пара была вежливая и очень симпатичная, но *странный*...

Выйдя из дворца, Андрей и Наташа повернули налево. Они уже знали, куда пойдут - их трепетная нить понимания друг друга настолько окрепла, что слова не требовались.

Идти было недалеко - не больше тысячи шагов. Они молчали, пока не дошли до того места, где когда-то стоял храм, и где теперь за оградой возвышалась небольшая часовня.

— Это здесь, - сказала Наташа.

— Да, это здесь, - подтвердил Андрей.

— Сюда приходила моя прапрабабушка, - объяснила Наташа, - а имя прапрадеда было выбито на памятной доске. Я мало что слышала, дедушка не любил об этом рассказывать. Говорил, что прадед, напившись, бормотал что-то бессвязное о каком-то проклятии и ругал свою мать. Зато я помню другое - пришедшее в память *извне*...

— А мой прадед работал в органах, - добавил Андрей. - Бабушка была маленькой, когда за ним пришли, но она запомнила слова, сказанные им домашним перед тем, как его увели: "Я виноват, но не в том, в чём меня обвинят. Меня накажут за *другую* вину..."

Светило солнце, сыпавшее с голубого неба тысячи янтарных зайчиков, купавшихся в Неве. И нигде - *нигде*! - не было ни единого *чёрного* пятна.

Хотя, если присмотреться *очень* внимательно...

* * *

Собственно говоря, этот порт и портом-то назвать было нельзя - так, портопункт. Метров на триста в море вытянулся хлипкий Т-образный причал, оборудованный ленточным транспортёром. У поперечной перекладки этого громадного "Т" едва хватило места для тридцатисесть тысяч тонн туши "Бехтерева", а по транспортёру на берег бесконечным потоком шла и шла руда из бездонных трюмов балкера, ссыпаемая в приёмные бункера грейферами его палубных кранов. Не порт, а недоразумение.

На берегу тоже ничего примечательного не наблюдалось - до города как такового отсюда километров тридцать. Кособокая будка с сонным охранником, поставленная тут просто ради приличия, а дальше начинался самый настоящий "шанхай" - скопление каких-то убогих жилых строений, сооружённых, похоже, из всего мало-мальски пригодного для

строительных целей материала. И всё-таки это был берег, которого моряки не видели чуть ли не месяц. До города на такси можно добраться за каких-то полчаса, а там всё, что твоей душеньке угодно: и кабачки, и дискотека, и не слишком неприступные девушки - продукт латиноамериканского темперамента, помноженного на дикую местную нищету.

Правда, в здешних злачных местах можно и на неприятность нарваться - вроде кастета в лоб или ножа в бок, - но не заметно, чтобы это обстоятельство сильно влияло на энтузиазм матросов. Русским, конечно, далеко до моряков-филиппинцев - те вообще разделяют все порты захода на плохие и хорошие исключительно по уровню цен на интимные услуги аборигенов, - однако россияне ведь тоже люди-человеки со всеми присущими этим существам слабостями.

Виктор на берег не ходил вполне сознательно: зачем усугублять своё и без того шаткое положение? Случись что - всё, кранты, приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Да и не так долго осталось до окончания контракта: выгрузимся здесь, в следующем бразильском порту (кажется, в Витории) возьмём сою на Штаты, а там на крыло - и домой! И в этот последний вечер - выгрузка заканчивалась, и на утро намечался отход, - он остался верен себе. Но к третьему механику на огонёк всё-таки заглянул - не сидеть же в четырёх стенах своей уже осточертевшей за пять месяцев рейса каюты. Выпили, но в меру - бутылку "бокарди" на троих, - поболтали и разошлись по койкам. Виктор защёлкнул за собой дверь каюты (на стоянке так всегда поступали по ставшей автоматической привычке) и лёг спать.

Первым чувством, посетившим его поутру, было чувство некоторого удивления: они по-прежнему стояли у причала, и на отход Корнеева никто не будил. Странно...

Спустившись в машинное отделение и взглянув на белые, неестественно напряжённые лица соплавателей, он сразу понял: что-то стряслось.

— В чём дело? Чего стоим? Погода нелётная? - бодро спросил Виктор.

— А ты что, ни хрена не знаешь? - вот ведь дивная привычка отвечать вопросом на вопрос!

— Я вообще-то тихо-мирно спал и никого не трогал, - пояснил Корнеев.

— Зато нас тронули, - очень ядовито ответили ему. - Да ещё как: на семнадцать тысяч баксов!

Тут-то всё и прояснилось: вчера вечером (точнее, уже ночью, когда разгрузка завершилась, и на борту закрыли трюма и ожидали портового чиновника для оформления документов) теплоход атаковали. История весьма типичная для бразильских вод, где бандитские шайки нападают на торговые суда и на ходу, и особенно на стоянках в не слишком охраняемых местах.

Часом позже, в курилке, второго штурмана, как непосредственного свидетеля ночного инцидента, слушали так, как, наверно, никогда не слушали ни одного пророка ни одной из существующих религий.

— А я слышу - шум! - вдохновенно повествовал помощник. - Ясен хрен, выскакиваю на палубу, а там - картина Репина "Не ждали"! Пятеро дюжих хлопчиков - то ли негры, то ли мулаты, - и все с вот такими мачете! Вахтенного матроса прижали к фальшборту - тот только рот открывает, но молча, как рыба об лёд. Меня увидели - и ко мне, вот он я, тут как тут, ешьте с маслом! Пушку в лоб - веди, мол, к капитану, а то башку продырявим...

— По-английски? - зачем-то спросил кто-то.

— По-китайски! - огрызнулся штурман. - Тебе бы ствол приставили, враз бы полиглотом заделался. Залезли в лифт, поехали. Заходим всей делегацией в капитанский офис, ну и... В общем, эти проворные ребяташки предельно доходчиво разъяснили мастеру: гони money, fuck you.

— А он?

— А что он? Начал было изображать из себя негибавшего коммуниста, грудью вставшего на защиту расхищаемой социалистической собственности, - не дам ключа от сейфа, и всё тут! Пришлось выдать ему открытым текстом: ты чего, старый мудень, они же

тебя пришьют и не чихнут, тут у них шкура человечья дешевле банановой кожуры! Ну и они от себя тоже веский аргумент добавили - рукояткой пистолета по репе. Подействовало... Выгребли из сейфа всю наличку - и ходу, ноги-ноги, несите мою задницу. Вот теперь стоим, ждём, пока полицейские власти придут: протокол, то да сё...

— Искать будут?

— Кого? - недоумённо уточнил рассказчик.

— Да пиратов этих...

— Счас! Уже по горячим следам так и побежали! Они же тут все одним миром мазаны: кроме Бразилии, такого бардака больше нигде нет, ни в одной южноамериканской стране. Ясен хрен, бандюки с властями повязаны - все в доле! Хорошо ещё, по каютам не пошли шерстить, торопились. С радиста обручальное кольцо сняли, он им под руку подвернулся, а так никого не...

Второй помощник неожиданно замолчал, и тут же всем стало ясно, почему: с ведущего на верхние жилые палубы внутреннего трапа спускался капитан, и взгляды всех собравшихся в курилке тут же сошлись на нём, как будто притянутые магнитом. Когда же капитан подошёл к ожидавшим его слов людям, Корнеев вздрогнул.

На левой стороне лысоватой капитанской головы красовался солидный набухший кровоподтёк - надо полагать, след того самого "веского аргумента" налётчиков. И выглядел этот кровоподтёк - несмотря на то, что был густо замазан йодом, - ну точь-в-точь как в том *видении*, что посетило Виктора двумя неделями раньше.

* * *

Море кипело. Вокруг содрогающегося под ударами корпуса обречённого корабля непрерывно вырастали и тут же опадали, рассыпались диковинные деревья: без ветвей, без листьев - одни только могучие стволы, сотканые из корчившейся от бешеной ярости шимозы белой пены. Шестьдесят четыре орудия шести броненосных крейсеров вице-адмирала Камимурь беглым огнём добивали русский эскадренный броненосец "Ослябя".

С начала сражения не прошло и получаса, а судьба "Осляби" была уже предрешена. Из-за нелепого маневрирования русской эскадры броненосец стал лёгкой мишенью для противника, и японские корабли, разворачиваясь, один за другим посылали "Ослябе" очередную порцию урчащей смерти, закованной в стальные цилиндрические оболочки. Чёрные дымные гривы частых попаданий рвали тело корабля, порождая огненные смерчи пожаров. Броня сопротивлялась фугасным снарядам, но от высокой температуры взрывов она плавилась и текла. Корабль плакал от боли и бессилия жгучими раскалёнными слезами...

"Ослябя" медленно оседал, зарываясь растерзанной носовой частью в волны. Появился крен на левый борт, неотвратимо увеличивающийся. Люди ощущали приближение конца, но, скованные долгом и воинской дисциплиной, оставались на своих местах.

Высоченный водяной столб взметнулся выше дымовых труб - тяжёлый снаряд ударил в середину левого борта на уровне ватерлинии. Крепёжные болты броневой плиты лопнули, плита отвалилась, и следующий снаряд легко проломил обшивку, вырвав громадный кусок железа. Броненосец покатился вправо, выпадая из общего строя эскадры и всё быстрее валясь на левый борт.

Из внутренних помещений наверх хлынул поток людей, на пятки которым уже наступал врывающийся в корабельные недра поток воды. Люди катились по вставшей дыбом палубе, ломая руки и расшибая головы, и срывались в море.

— Дальше от борта! Чёрт возьми, вас затащит водоворотом! Дальше отплывайте! - кричал командир, почти повиснув на тентовой стойке мостика.

Его, погибавшего вместе со своим кораблём, хорошо было видно с воды, несмотря даже на густой дым, продолжавший истекать из трёх лёгших почти горизонтально огромных труб. И матросы, ненавидевшие своего командира за его граничащую с жестокостью

жесткость по отношению к нижним чинам и за маниакальную приверженность к внешнему лоску, всё ему простили...

Среди качавшихся на волнах человеческих голов продолжали падать снаряды, однако у прыгнувших за борт всё-таки были шансы спастись - к гибнущему титану уже спешили вёрткие русские миноносцы. Но две сотни человек машинной команды не смогли покинуть корабль. В машине, наглухо закупоренной бронёй, не было взрывов и пожаров, не было убитых и раненых, но когда броненосец опрокинулся, машинисты и механики так и остались там, под броневой палубой, - в одном на всех просторном железном гробу.

...Свет погас, палуба стала подволоком, в горячей душной тьме истошные крики людей смешались с грохотом и лязгом срывающихся с креплений и падающих тяжестей. Темноту окрасило багровым - из распахнутых топок котлов сыпался непрогоревший уголь, превративший корабельное подземелье в жуткое подобие ада. А правая машина всё ещё продолжала работать, тупо шевеля своими железными суставами, дёргающимися под давлением оставшегося в магистралях пара. И стальные лапы шатунов рвали на части попадавших под них обезумевших людей, и разлетались брызгами осколки человеческих костей...

* * *

1997 год

О центре "Возрождение" узнала жена Виктора - Татьяна. Услышала случайно - многое в нашей жизни зависит от случайностей. Они решили посмотреть, что же это такое - просто так, ради интереса. Оказалось действительно интересно - и сам центр, и его руководитель Сергей Терехов. Да, паранормальное стало модным в России конца XX столетия, однако девяносто пять процентов новоявленных адептов этого "паранормального" не стоили того, чтобы тратить на них хотя бы полчаса времени. К счастью, Терехов входил в оставшиеся пять процентов. Он не окутывал свои занятия мистическим туманом многозначительной недоговорённости, а проще говоря - не вешал людям лапшу на уши за их же деньги. Сергей Терехов объяснял азы - примерно так, как детям объясняют значение букв для того, чтобы научить их читать. А уж дальше - сам решай, стоит тебе лезть в дебри или нет.

И на эту лекцию пойти явно стоило: приглашённый Тереховым профессор Долгих был личностью, причём личностью яркой. Он отнюдь не принадлежал к весьма многочисленному племени псевдомагов, доморощенных экстрасенсов и "докторов эзотерических наук", хотя и занимался тем, чему в не столь уж отдалённые времена "развитого социализма" тут же навесили бы ярлык "чертовщина". Этот человек вознамерился получить зафиксированные современными приборами данные о явлениях, относящихся к категории мистических, - и получил. Результаты проведённых им на основе эффекта Кирлиан исследований изменения биополя умерших от разных причин людей вызвали смешанную реакцию коллег учёного: с одной стороны, бред околонульный, а с другой - ведь что-то в этом есть...

А то, о чём Долгих говорил сейчас, было интересно всем собравшимся в зале.

— Мыслеформы - это вещь очень опасная. А ожившие мыслеформы - и негативные в первую очередь, поскольку они более всех прочих способны к реальному действию, - опасны вдвойне. Причём чем большее количество ментальной энергии вложено в создание мыслеформы, тем выше её активность. Поясню на примере. Возьмём талантливо сделанный фильм: чем выше мастерство режиссёра, сценариста и актёров, чем выше качество работы, тем выше жизнеспособность порождённой этим произведением искусства мыслеформы. А если речь идёт о возможном событии, обычно влекущим за собой катастрофические последствия, то тогда резко возрастает вероятность повторения сюжета в реальной жизни.

Ко всему прочему, материализовавшаяся мыслеформа подпитывается человеческими эмоциями, и если такой фильм заставляет людей сопереживать, плакать или ужасаться - мыслеформа растёт и крепнет, и обретает самостоятельность. И в конце концов она начинает

жить своей собственной жизнью и вмешивается в жизнь тех, кто так неосторожно её создал. Понимаете теперь, насколько могут быть страшны художественные творения - особенно кинофильмы, - повествующие о вероятном ужасном и аккумулирующие эмоциональную энергию множества людей? Наши предки подозревали - а некоторые даже наверняка знали - об этом. Вот хотя бы выражение "накликать беду" или поговорка "Не буди лихо, пока оно тихо!" - улавливаете глубинный смысл?

— Александр Ильич, вы имеете в виду воздействие искусства на людей - на молодых в первую очередь, - формирующее у них определённый поведенческий стереотип?

— Нет, вы меня не так поняли, - ответил Долгих. - То, о чем вы сейчас сказали - это епархия социопсихологии: подражание киношным героям и их поступкам, допустимость их этики - или, скажем, полного отсутствия этики. В какой-то мере моя работа с этим соприкасается, но не более того.

— Значит, фильм-катастрофа, - спросил кто-то из зала, - если следовать вашей логике, может стать причиной катастрофы реальной?

— Может, - подтвердил профессор. - Маловероятно, что будет вызвано землетрясение или цунами, но вот рукотворный катаклизм - взрыв какого-нибудь завода по производству боевых отравляющих веществ, например, - это вполне возможно. И тут ещё имеет значение количественная характеристика: чем больше обсасывается какая-либо разрушительная тема, тем большее число людей так или иначе на ней концентрируется. Более того, неприятные последствия может вызвать и мысль одного-единственного человека - если эта мысль сильная и попадающая в резонанс. Заметьте, адепты восточных духовных практик избегают медитации на негатив - они прекрасно знают, чем это может кончиться. Так что думайте, о чём вы думаете, простите за каламбур.

* * *

Монета тихо звякнула о другие такие же монеты, уже лежавшие внутри церковной кружки.

— Благослови тебя Господь, дочь моя... - привычно пробормотал священник, заученно осеняя крестным знаменем молодую женщину в тёмном платке. Он хотел добавить от себя ещё что-нибудь приличествующее моменту, но осёкся: что-то во взгляде чёрных глаз на миловидном её лице смутило священника, и *странным* показалось ему выражение этих глаз. Уж не бесовское ли - чур, чур, меня! Но святой отец быстро забыл о странной женщине: люди - старики, женщины, дети - шли и шли; и падали в кружку медные и серебряные монеты, и шуршали ассигнации.

...Июльский день был ярким и солнечным, на набережной собралось великое множество народу, и плыл над Невой колокольный звон.

— Освящается храм в память моряков флота российского, положивших живот свой в далёких водах во славу андреевского флага и России...

Пел хор; и молчала толпа, в которой нарядные платья дам из благородных и мундиры блестящих флотских офицеров перемешались с одежками простого люда; и всхлипывали метавшиеся над невской водой чайки...

Теперь она часто приходила сюда, в храм. Входила внутрь, зажигала свечу и долго стояла перед медной доской, на которой поимённо были указаны все матросы и офицеры, погибшие в Цусимском бою на броненосце "Ослябя". Женщина отыскивала в списке машинистов единственное дорогое ей имя, осторожно касалась пальцами выбитых в металле букв и что-то беззвучно шептала. А перед другими такими же досками, увенчанными именами других кораблей, стояли другие женщины, часто державшие за руки притихших детей. Женщина хотела бы приходить сюда чаще, но времени не хватало - у неё тоже рос сын, и его надо было кормить и одевать, и надо было платить за угол, и поэтому надо было работать.

Ей было очень тяжело одной. Она была ещё молода и привлекательна, и глаза мужчин часто останавливались на ней. Иногда, сдаваясь под натиском собственной бунтующей плоти (или просто ради денег, которых вечно не хватало - много ли заработаешь стиркой!), она уступала домогавшимся её, но дальше одной-двух коротких встреч дело не шло. Вероятно, она могла бы снова выйти замуж, но мужчины нутром чуяли постоянное присутствие тени того, кто сгинул в волнах Японского моря, и эта тень их отпугивала. Кому это интересно делить кров и ложе с женой, вечно думающей о мёртвом другом, да ещё растить при этом чужое дитя! А сама она и не пыталась пойти в своих отношениях с мужчинами на самый примитивный женский обман, в который они, несомненно, поверили бы. Наверно, это было неправильно, но тут она ничего не могла с собой поделать.

А сын... Её отношение к сыну было каким-то странным. Ей почему-то не нравилось, что он похож на неё, а не на погибшего мужа. Больше того, иногда она чувствовала нечто вроде вины за то, что не сумела родить тому, кого любила каждой своей жилочкой, сына, который стал бы повторением отца. И она снова и снова приходила в храм, и просила прощения за свой очередной краткий грех супружеской неверности перед погибшим мужем. Хотя какой же это грех: живым жить, а мёртвым - покоиться в мире...

Время шло, и пришла новая война, а потом всю огромную страну потрясла невиданная смута. Рушились привычные понятия, разваливался уклад, с которым свыклись, и человеческая жизнь обесценивалась точно так же, как бумажные деньги, годящиеся только на то, чтобы топить ими печь-буржуйку.

Новая власть кричала на всех углах о своей заботе о простом труженике, но женщине не стало от этого легче жить. Правда, из прежнего полуподвала её переселили в бывшую господскую квартиру, нарезанную на комнатки для двух десятков жильцов, но особой радости это ей не принесло. Там, в своём старом жилище, она была хозяйкой, и всё напоминало ей о том безвозвратно ушедшем времени, когда она любила и была любимой - пусть даже недолго. А здесь, на общей кухне, жильцы шипящими голосами под такое же гадючье шипение примусов выясняли, кто у кого крадёт спички, и кто не гасит за собой свет в отхожем месте. Хорошо ещё, что при любой власти люди имеют привычку пачкать бельё, но при этом предпочитают всё-таки ходить в чистом, а значит, хорошая прачка без работы не останется.

Сын вырос и устроился на судостроительный завод учеником слесаря, но работать не стал. Вместо этого он пошёл, как он объяснил матери, "по комсомольской линии" - что это за линия такая, она никак не могла уразуметь. Бог с ним, с сыном: верит, что жизнь наладится, и что всем станет очень даже хорошо - и пусть себе верит. Всё равно он мало-помалу удалялся от неё, и это она понимала.

Как-то раз осторожно и исподволь она завела с сыном разговор о женитьбе, о детях, втайне лелея безумную надежду на внука, который будет точной копией деда и утешением ей в не столь уже далёкой старости. И была буквально ошарашена резкой сыновней отповедью.

— Да ты что, мать? Какая жена? Не будет в новом обществе никаких жён и мужей! Понравятся мужик с бабой друг другу и лягут спать вместе без всяких там поповских выдумок. А любовь - так это вообще буржуазный предрассудок!

Вот оно как... А она и слов-то таких раньше не слыхивала...

Сын уходил, но храм - Храм по-прежнему оставался с ней.

* * *

1997 год

"Всё, продаю свою "малышку" к чертям собачьим! - думал Виктор, барабанив пальцами по пластмассе рулевого колеса. - Число машин в городе растёт в геометрической прогрессии: они размножаются, словно бактерии в питательном бульоне! Ещё пара лет, и Питер

задохнётся от автомобильных пробок, а у меня нет ни малейшего желания участвовать в этом выходящем из-под контроля процессе. И потом, я покупал машину для того, чтобы быть свободным: поехал, куда захотел и когда захотел. А какая тут, к чёрту, свобода, - та же толпа, только моторизованная!"

Впереди горел красный. Корнееву оставалось сделать левый поворот и нырнуть в проезд, ведущий к зданию НИИ, где работала Татьяна... Но по правилам надо дожидаться зелёного, пропустить встречный поток машин и лишь затем поворачивать - если успеешь. Машин на встречной полосе хватает, да и за кормой уже пристроилась какая-то "ауди" цвета "металлик" - а ребята на таких тачках с правилами не очень-то считаются.

- Ты чё, чайник, заснул? - Ну вот, с приветом и искренним уважением: в открытое левое окно всунулась объёмистая физиономия, увенчанная короткой стрижкой. - Чего встал, блин, дорогу загораживаешь? Заворачивай, если собрался!

Водитель "ауди" не усидел - вышел чинить разборки. Как это так, понимаешь: какая-то занюханная "таврия" - по сути, тот же "запорожец", - и смеет путаться под ногами! И у кого - у него !

В сложившейся ситуации Виктор не счёл разумным вступать в дискуссию. Он молча выжал сцепление и включил передачу. "Вообще-то мордатый прав, - подумал он, - свернуть самое время: на пешеходном переходе никого, а встречные машины стоят. Жди потом, пока они пройдут, - в аккурат до следующего "красного". Не хрен-то и нарушение..."

И всё-таки, уже сворачивая в проезд, Корнеев ощутил закипавшее в нём раздражение: никак не мог он свыкнуться с оголтелым человеческим хамством, хотя и видел этого хамства за свою жизнь более чем достаточно.

"Новые хозяева жизни, ядрёна кочерыжка, - помешали ему, видите ли! Да этому мордату просто хотелось лишний раз потешить самолюбие и заодно повыпендриваться перед своей фифой, - сумрачно размышлял Корнеев, пока его "малышка" осторожно пробиралась по выбоинам в изношенном асфальте. Он успел заметить в зеркало заднего вида сидевшую в "ауди" девушку со сделанным из косметики неживым личиком. Её ног Виктор, естественно, не разглядел, но резонно предположил, что у подружки мордатого они росли прямо от коренных зубов - плавали, знаем. - Чтоб у тебя колесо лопнуло..."

Последняя мысль получилась острой и злой - и тут Корнеева *обожгло*. В груди вспух горячий ком, лопнул и покатился вверх, к горлу. Какое знакомое ощущение: совсем как тогда, в кают-компании "Бехтерева"...

Он не успел ещё проехать пятидесяти метров, отделявших проходную НИИ от дороги, когда его настиг резкий визг тормозов, скрежет и звонкий шелест сыплющегося на асфальт стекла.

Та самая "ауди" беспомощно замерла поперёк улицы, засыпав мостовую вокруг мелким стеклянным крошевом. А в её правый искорёженный бок вцепился бампером грузовичок, и вцепился плотно. Отсюда не видно, что там и как, но уже можно сказать, что обоим дверцам - и задней, и передней, - наверняка хана. Вот мордатый, кажется, не пострадал: вылез и ожесточённо машет руками на почёсывающего в затылке водилу грузовичка. Эпитетов не слышно, но - судя по мимике и жестикуляции - они вряд ли могут быть рекомендованы в качестве образчика изящной словесности.

"Я же не хотел этого..." - несколько растерянно подумал Виктор.

"Нет, ты хотел. Хотел! Возможно, не именно ДТП, но чего-то в этом роде. Обида материализовалась..." - очень отчётливо прозвучало вдруг в его мозгу.

* * *

Облако белёсой пыли рассеивалось медленно и неохотно, а среди развалин того, что некогда было храмом, копошились серые люди. Глаза их были пусты, а припорошенные пылью лица безжизненны: они походили на мертвецов, чьей-то злой волей подъятых из

могил для исполнения чёрного дела. И живые мертвецы, повинувшись, тупо шевелились среди руин, растаскивая обломки.

Белые росчерки охрипших от плача чаек затопила и смыла чёрная волна - несметное крылатое полчище ворон, слетевшихся со всех окрестных деревьев, затмило небо; и свет померк, отступая перед тьмой.

Женщина стояла и смотрела на казнь Храма, и в груди её ворочался зверь, и рвал ей тело изнутри своими острыми когтями, силясь выбраться наружу.

Автомобиль возник перед ней внезапно и бесшумно, точнее, женщина, оглохшая от непереносимого горя, не услышала шума мотора. Автомобиль походил на хищное чудище, поблескивающее лакированной чёрной шкурой, а на его заднем сидении сидел человек во френче и фуражке.

Женщина знала этого человека по его многочисленным портретам, хоругвями качавшимися над людскими толпами во время октябрьских демонстраций: это был большой начальник, правитель города и наместник самого великого вождя. Большой начальник равнодушно бросил взгляд на останки убитого Храма, а потом заметил одинокую женщину в чёрном неподалёку от своего автомобиля, и она явно заинтересовала его гораздо больше, нежели гряда битого кирпича.

Красивый и крепкий самец, он любил женщин, и они любили его: редкая могла устоять перед его мужским обаянием, подкреплённым принадлежащей ему властью над огромным городом. Даже если большой начальник и думал в этот момент о своём предстоящем этим вечером свидании со знаменитой балериной, он не мог не отметить другую женщину, оказавшуюся в его поле зрения - ведь чем больше женщин, тем лучше! Но когда глаза их встретились, то уверенному в себе и не знавшему колебаний человеку в звероподобном автомобиле стало жутковато: от женщины *повеяло смертным холодом*, от которого нет спасения. И большой начальник тронул за плечо шофёра: мол, поехали!

Вернувшись домой, женщина легла: ни сидеть, ни тем более стоять сил у неё не осталось. Она лежала и смотрела в растрескавшуюся скверную побелку потолка, пока не пришёл сын.

Увидев мать лежащей, сын несколько обеспокоился. Не то чтобы это был приступ сыновней любви, просто мать была для него привычным жизненным атрибутом, позволявшим не беспокоиться самому о нудных житейских мелочах вроде приготовления еды или пришивания пуговиц.

– Ты чего, мать? Не заболела, часом?

– Они разрушили Храм... - глухо сказала женщина, по-прежнему глядя в потолок. - Они убили его...

– А-а... А я-то думал, случилось что. Да эти церкви все повзрывать надо - опиум для народа! Попы помогали буржуям пить рабочую кровь, а мы...

Женщина вскинулась так резко, что старая кровать жалобно застонала.

– Ты хоть думаешь, что ты говоришь, щенок? - голос её, обычно мягкий и ровный, сделался похожим на шипение разъярённой змеи. - Это же могила твоего отца, другой-то у него нет, и не было, разве что море синее... Ты тогда был ещё совсем несмышлёныш, и ты его не помнишь, но это же твой отец! Ты мне больше не сын - ступай, иди к своим товарищам-убийцам!

Сын попятился к двери, не зная, что сказать, и не находя нужных слов. А она снова легла и молча отвернулась лицом к стене.

...Ночью женщине приснился страшный сон: медные доски с именами погибших моряков русского флота в огне плавильной печи. От жара они таяли, буквы расплывались и становились неразборчивыми, и металл плакал от боли и бессилия жгучими раскалёнными слезами...

Она снова и снова приходила к тому месту, где раньше высился Храм, и долго стояла там, молча и неподвижно. Она как-то сразу постарела на много лет и растеряла все остатки своей былой красоты, превратившись вдруг из статной сорокасемилетней женщины в

дряхлую старуху. Мужчины быстро утратили к ней всякий интерес, но её это не трогало: ночи теперь остались ей для молитв.

Кому молилась женщина? Господь милосерд, и разве можно просить Его о ниспослании кары небесной на головы людские? Но может, есть и другой Бог, куда более суровый и не взирающий равнодушно на несправедное разрушение святилищ? А если преступников в силах покарать только сам Сатана - ну что ж, тогда она будет молиться Сатане!

Сын теперь появлялся у неё очень редко и торопливо уходил снова. Они почти не разговаривали, и она знала лишь, что он живёт у какой-то женщины, работающей, как и он сам, "по партийной линии". Живёт во грехе и в блуде - мать не признавала современного понятия "расписались". Какие же это муж и жена без венчания? У женщины теперь не было сына, и Храма тоже не было...

А через два с лишним года радио и газеты взорвались истерикой по поводу происков "подлых врагов народа, трусливо убивших" большого начальника. И тогда в первый раз за всё время, прошедшее с того злого дня, когда женщина смотрела на умирающий Храм, на её губах появилась улыбка.

Она видела, как это было .

...Огромный пустой коридор и он, тот человек из чёрного автомобиля, уверенно шагающий по поскрипывающему под его крепкими ногами паркету. И другой человек, серый и безликий, вывернувшийся откуда-то сбоку и ставший за спиной большого начальника. А потом в руке у серого появился чёрный наган, коротко плюнул огнём, и из простреленного затылка человека во френче и фуражке разлетелись брызгами осколки человеческой кости...

* * *

2001 год

Виктор Иванович Корнеев стоял на палубе антикварного теплохода "Синильга", грузившего лес в маленьком финском порту Ловиса, и смолил папиросу - старому доброму "Беломору" он так и не изменял, несмотря на теперешнее обилие в магазинах и ларьках любых западных сигарет.

Дальние рейсы остались в прошлом: теперь Корнеев работал суперинтендантом в солидной судоходной компании и если и бывал на пароходах, то совсем в ином качестве и кратковременно - в командировках. Он вёл свою группу судов (одним из которых и была древняя "Синильга"), отвечал за их техническое состояние и снабжение, за своевременное прохождение очередных регистровых освидетельствований и оформление соответствующих документов, за ремонт, за оперативное разрешение то и дело возникавших с его подопечными судами форс-мажорных ситуаций. В общем, делал всё от него зависящее, чтобы суда его группы исправно ходили из порта в порт и возили грузы или ловили рыбу, принося судовладельцам желаемую прибыль.

Все дела на борту "Синильги" закончены, можно отправляться обратно в Питер. На машине час до границы и часа три после её пересечения - чистой езды не так много. Всё зависит от того, как долго они проторчат на КПП в Торфяном - там можно и зависнуть, - а при хорошем раскладе оказаться дома около полуночи вполне реально.

И где там Сашку черти дают? Уехал час назад по местным магазинам - его кошка, тварь избалованная, жрёт только "Вискас", и не изготовленный в Одессе на Малой Арнаутской, а исключительно настоящий, зарубежного разлива, - и пора бы ему уже вернуться. Животных Виктор любил, но его домашний питомец по кличке Капот, полосатый котёнок с ангельским голоском и бандитской мордой, исправно поедая отечественное мясо и рыбы головы и не претендовал на деликатесы из так называемых цивилизованных стран.

В кармане куртки заверещал сотовый телефон. Корнеев вынул трубку - на дисплее высветился его домашний номер. "Интересно, - подумал Виктор, нажимая кнопку, - что там

такое? Вряд ли Татьяна стала бы звонить на трубку по международному тарифу только из-за того, что Капот-бестия расколотил очередную чашку или прищемил лапу. Мобильник служебный, и платит фирма, но список звонков иногда проверяют, и можно нарваться на выговор за перерасход лимита в личных целях".

— Да, Танюша.

— Витя, вы там уже знаете? - голос жены дрожал от волнения.

— Знаем что?

— В Америке какой-то грандиозный теракт, самолёты врезались в здания World Trade Center на Манхэттене! Тут по телевизору чуть ли не по всем программам крутят повторы. Ты когда вернёшься?

— Мы уже собираемся. Не волнуйся, через несколько часов буду дома.

...Очень поздно ночью (или очень рано утром - три часа пополуночи можно считать и так, и этак) они с Таней сидели перед телевизором, на экране которого шла и шла одна и та же видеозапись.

...Чёрный дым, вытекающий из горящей башни Всемирного Торгового Центра в Нью-Йорке... Медленно летящий на уровне средних этажей громадного небоскрёба самолёт... Вот он разворачивается, и... По серому телу второго здания словно полоснул исполинский клинок, из длинной резаной раны, пересёкшей почти всю толщу гигантского сооружения, выплёскивается пылающая кровь смертельно раненого титана... Потом башня плавно оседает вертикально вниз, стоямя, не отклоняясь в сторону, словно проваливаясь под землю... Клубы густой серой пыли растекаются по ущельям улиц... И люди: бегущие, кричащие, плачущие...

Когда в очередной раз появился кадр с изображением мечущихся в панике людей, Корнеев вдруг сказал жене:

— Знаешь, а ведь это, - и он показал глазами на телеэкран, по которому медленно и неотвратно расползлось серое облако, похожее на неведомого монстра, глотающего одну за другой замершие посередине улицы автомашины, - я уже где-то видел. Только вот никак не могу вспомнить название фильма...

* * *

Лютотой блокадной зимой старая женщина лежала под ворохом одежды в насквозь замороженной комнате в осаждённом городе. Тьма и стужа царили во всей пустой квартире, в которой к тому времени уже не осталось ни единой живой души. А темноту за крест-накрест заклеенными окнами окрасило багровым - на город сыпались бомбы из распахнувшегося настежь чёрного неба...

Женщина умирала и знала, что умирает. Но она не могла позволить себе уйти, пока не убедится в том, что возмездие свершилось полностью. Перед глазами её шла череда смутных видений - она видела тех серых людей, которые убили Храм. И люди эти умирали - один за другим - точнее, их тоже убивали.

Большинство из них слизнула кроваво-мутная волна, обрушившаяся на город вскоре после гибели большого начальника. Женщина видела, как пустые глаза живых мертвецов наполняются животным ужасом при виде чёрного нагана в руке исполнителя вынесенного "врагам народа" приговора; видела их скрюченные смертной судорогой уродливые тела на нарах лагерных бараков; видела, как их трупы засыпают комьями мёрзлой земли прямо в котлованах ударных строек. Последних из уцелевших проглотили волны Балтики вместе с тонувшими судами таллинского каравана и растерли в кровавую грязь гусеницы рвущихся к городу вражьих танков. И женщина внимательно следила, как умирает *каждый* из этих людей. Она не понимала, *как* она может видеть всё это, но знала - виденное ею *истинно*.

Проводив последнего, женщина тихо-тихо вздохнула: "Спасибо тебе, Господи, - кем бы ты ни был...". А потом она закрыла глаза, и на губах ей во второй - и теперь уже в

последний - раз после смерти Храма появилась, да так и застыла, улыбка...

* * *

Ключевой Мир собственного домена Звёздной Владычицы Эн-Ризнанты, наши дни.

- Кто она?

- Шестьдесят стандартных лет назад она была в этом Мире верховной друидессой одного полудикого племени. И в том воплощении она пересеклась с воплощением Коувилла. Незаурядная Сущность и очень совершенная Первичная Матрица. Но очень неоднозначная. Я чуть-чуть опоздал в этот осаждённый город...

- Город... Неужели его жители заслужили всё обрушившееся на них только за то, что был взорван этот храм - всего лишь одно из сотен и тысяч разрушенных в Захваченной стране святилищ?

- Победители всегда рушат храмы прежних богов и воздвигают вместо них капища новой веры - в истории Юных Рас тому множество примеров. Всё дело в том, что это был за Храм: не только и не столько место религиозного поклонения, сколько виртуальный некрополь доблестно павших воинов. И вот этот некрополь потревожили... Но, конечно, основную роль сыграла Сущность, воплощённая в этой женщине. Она горячо и искренне возвала к Слепым Силам - а их, как тебе хорошо известно, лучше не беспокоить. Они ведь могут и откликнуться - что и произошло.

- И воплощения всех, так или иначе причастных к гибели Храма...

- ...были насильственно прерваны. И быстро: никто из них не пережил даже начала Великой войны. А заодно Слепые Силы обрушились и на сам город - для них ведь нет особой разницы между отдельной личностью и целым народом. На то они и Слепые...

- Да, Чёрные Разрушители наверняка оценили бы эту Инь-Сущность, воплотись она в следующий раз среди них. Надеюсь, её следующее воплощение будет не слишком скоро.

- А мне почему-то кажется, что она инкарнируется в самое ближайшее время. И именно здесь, в этом самом Мире.

* * *

2004 год

"Плохо видно... Результат моего неумения? Хотя я вроде бы всё сделал правильно... А может, всё это бред и чушь собачья? Не будем спешить с выводами - неизвестно ещё, что там увидит Татьяна..."

Он действительно всё сделал правильно - как учили. Избавился от ощущения тела - от кончиков пальцев ног до головы, - а затем старательно провёл сборку. Полёт получился очень реальным - даже голова закружилась - и вхождение в тёмный туннель-спираль тоже. Но вот когда дело дошло до кадров - после перехода за момент рождения, - то пошла полная тусклятина. А акцентироваться и *помогать* нельзя - исказишь подлинное содержание того, что видишь, подменишь действительное желаемым.

...Земля с высоты птичьего полёта. Зелёные густые роицы, дуга морского берега и череда сизых волн, накатывающаяся на прореженные песчаными пляжами скалы. Остров - почему-то кажется, что это именно остров, хотя и большой. А время... Время - полторы тысячи лет назад как минимум, или даже ещё раньше. Третий-четвёртый век от Рождества Христова, так?

...Хижина (интерьер смутен), огонь в очаге (в костре?) посередине. Светловолосая женщина с лучистыми глазами и ощущение исходящего от неё тепла. Мужчина (лица не разглядеть), крепкий и уверенный в себе. А я - я на ворохе звериных шкур (мягкий и густой мех), и лет мне от силы пять-шесть, и я смотрю на мужчину и женщину (родители?) снизу

вверх. Взгляда мужчины я не ощущаю, а вот устремлённый на меня взгляд женщины... Во взгляде женщины тревога... За меня? Обычное беспокойство матери? Нет, тут что-то другое...

...Ночной лес. Темные тела громадных деревьев, ветви которых переплетены где-то там, наверху, в сплошной свод. Багровое пламя большого костра и сосредоточенные лица людей, выхваченные из темноты отсветом пламени. Много людей. Высокая женская фигура, закутанная в длинное одеяние (плащ?). Цвета плаща не разобрать - женщина стоит на самой границе света и тьмы. Ощущение угрозы... Женщина что-то говорит, но смысл её речений тьмен...

...Топот ног - и ощущение боевого азарта. Пальцы правой руки крепко сжимают рукоять топора. А рядом - бегущие люди, горячее дыхание и запах пота, бряцанье оружия. Земля быстро мелькает под ногами, шорох травы, и кажется, что не бежишь, а лежишь. Острый холодок - смесь ярости, страха и желания боя. Третий компонент этого коктейля - превалирующий. А впереди - плотная цепь воинов, одетых в железо. Это враги, и сейчас главное - добежать до них!

...Перемешано - какие-то вообще неразличимые картинки (звёзды в чёрной пустоте - а это ещё с какого бока припёка?). Голос... Опасность, большая опасность! Свист летящих копий - и удар. В грудь - слева. Земля встаёт на дыбы и рушится мне на лицо. Тьма...

Виктор открыл глаза. Таня сидела в кресле напротив, расслаблено опустив руки на подлокотники. Она ещё там, но ничего, скоро вернётся. Прерывать же медитацию внешним воздействием не рекомендуется - мало ли что...

— Ну, рассказывай, - попросил он, когда она наконец-то глубоко вздохнула, слегка качнула головой и тоже открыла глаза, - что ты видела?

Совпадений было мало, очень мало, но имевшие место быть поражали своей детальной точностью. Правда, похоже, в *том времени* они не встретились...

— Послушай, а эта женщина... - спросил Виктор, закончив свой рассказ.

— Какая? У костра?

— Нет, другая - моя мать. Это, часом, не ты была, а?

— Этого я не помню... Нет, вряд ли. Мы с тобой ориентировались на одновременные воплощения, совмещённые во времени или хотя бы минимально разнесённые по срокам. Я видела время более позднее. Средневековье, лет на триста-четыреста позже... Ты будешь смеяться - но я была мужчиной! Я даже чувствую, - она провела ладонью по левому плечу, - тяжесть этого дурацкого железа! Нет, от мод того времени трудно впасть в восторг. У меня был повтор: какое-то горящее поселение, храпящие кони, лязг, крики, запах крови и дыма. И снова та сцена, когда меня убили... Помнишь, я уже рассказывала?

Виктор помнил. У Татьяны была странная фобия - она терпеть не могла, когда в автобусе кто-то стоял позади неё. "У меня ощущение, что это тип за спиной сейчас ка-а-а-к шарахнет меня по темечку, и моя бедная головушка разлетится, как лопнувший арбуз! Бр-р!" - сказала она как-то. И самое интересное, что до причины этого страха удалось докопаться.

Оказывается, ей в облинии рыцаря (или что-то в этом роде) простых и диких времён раннего Средневековья, некий оппонент в споре на полосах заточенного железа взял да и развалил такой полосой - то бишь мечом - голову лихим ударом сзади. С железом тогда обращаться явно умели - не спас даже шлем. Но ещё интересней - фобию удалось излечить. Татьяна несколько раз прокручивала "видеозапись", и сумела всё-таки обернуться за миг до того, как на неё упал роковой удар, и отклониться. После этого она перестала обращать внимание на "типов за спиной".

— Так ты же "переиграла ситуацию". Сколько ж тебя ещё убивать-то можно?

— Прошлого не изменишь, свершившееся - свершилось. Физическую оболочку моего реинкарнационного предка уколошили, это факт. Я просто "сыграла желаемое", зато теперь чувствую себя спокойно. Я только убрала след, но и этого вполне достаточно. А ты, небось, - Татьяна ехидно прищурилась, - не прочь как можно реальнее переиграть ситуацию из юности твоего текущего воплощения, когда ты так и не понял прозрачных намёков

оставшейся с тобой наедине девчонки, вёл себя как телёнок, и не произвёл ожидавшихся от тебя очень конкретных действий? Да ладно, ладно, чего уж там...

Виктор смолчал. Развивать эту тему бессмысленно - встретившись в зрелом возрасте, они с Танюшкой продолжали дико ревновать друг друга к прошлому, несмотря на прожитые вместе годы (язык мой - враг мой, понаболтали друг дружке всякого в приступе взаимной откровенности). Вместо этого он встал, скинул футболку и подошёл к зеркальному шкафу.

– Ты чего, Вить?

– Следы, говоришь, - пробормотал он, разглядывая себя в зеркале. - Они остаются не только в памяти, но и на физических оболочках - иногда. Всё взаимосвязано - помнишь?

– Ну и что?

– Иди сюда. Смотри...

На загорелой смугловатой коже груди Виктора, чуть выше левого соска, выделялся светлый ромбик, слегка вытянутый вдоль вертикальной оси. Такие штуки получаются, когда на пляже наклеивают на тело всевозможные наклёпки - вплоть до вырезанных из бумаги букв. Но они-то забыли когда были на море, где можно вволю насладиться горячим солнцем!

– Это... Это то, о чём ты рассказывал, да? След от...

– Умгу. Наконечники римских метательных копий - пилумов - были гранёными, и в сечении получался почти правильный квадрат. Рана от такого наконечника выглядит именно так. Правда, мне сначала было не очень понятно, почему ромб - ромбовидную прорезь оставило бы копье с плоским наконечником. Но потом я *вспомнил* ... Дротик вонзился мне в грудь сверху, описав в воздухе дугу, а затем под своим весом он чуть опустился, растянув рану.

Таня осторожно провела пальцами по светлому пятнышку - кожа как кожа.

И всё-таки... Совпадение? Или тело *помнит* ?

– Помнит не тело, - Татьяна не удивилась, что муж отвечает ей на невысказанный вопрос: они очень часто думали об одном и том же почти синхронно, - помнит первичная матрица. Хорошая у неё память... А это, - Виктор ткнул пальцем в грудь, - *отражение* .

– Память... - задумчиво повторила Таня. - Кстати, а ты помнишь ту молодую пару?

– Которая заказывала у нас катер на свадьбу? - уточнил Виктор. Покинув стены своего разваливающегося НИИ, Татьяна теперь на пару с мужем работала в агентстве, занимавшемся организацией всевозможных праздников на воде. - У них ещё венчание в Никольском соборе?

– Да, этих ребят. Ты знаешь, когда я с ними разговаривала, у меня было ощущение, словно я смотрю в зеркало. Поверхность зеркала зыбкая, она колеблется, но это зеркало, и я вижу в этом зеркале... себя! *Себя* - в облике этой молоденькой девчонки! У неё была царапина на левой руке - и у меня зачесалось кисть в том же месте, на сгибе.

– Помню, - со странной интонацией произнёс Виктор, внимательно глядя на жену. - У меня было точно такое же чувство. Этот парень - *я* ! Или точная моя *копия* - не внешняя, конечно...

– У них заказ в сентябре. Но я обязательно сделаю им хорошую погоду, хотя *чистить* небо осенью не так просто. Но для них я уж постараюсь...

– Ничуть не сомневаюсь, что у тебя всё получится, ведьма ты моя любимая! - Виктор улыбнулся и чмокнул Татьяну в нос. - А потом мы с тобой исполним нашу с тобой давнюю мечту - съездим в Мексику. Мне почему-то очень хочется увидеть пирамиды ацтеков... Я бы даже сказал, что мне хочется туда *вернуться* - хотя мы с тобой там никогда не были.

Последнее было верным лишь отчасти - сам-то Виктор однажды побывал в Мексике (давно, ещё до встречи с Татьяной). Правда, маленький портовый городок Лазаро Карденас, где они простояли под разгрузкой около двух недель, - это не Мехико, раскинувшийся на месте Теночтитлана, древней столицы рухнувшей под мечами испанских конкистадоров империи Анауака. Не было в этот захудалом пыльном городишке ни ступенчатых теокалли, ни капищ языческих богов - единственным намёком на прошлое был шоколад "Монтесума", продававшийся в местных лавочках. Зато была там молодая преподавательница из Мехико,

приехавшая на побережье отдохнуть. Её звали Мария (хотя полное её имя было куда длиннее)...

Виктор не знал, что в далёкой стране за океаном растёт девочка по имени Мерседес¹⁸ - дочь Марии. Янь очень часто пересекается с Инь мимолётно с тем, чтобы никогда больше не встретиться. Ничего не изменилось за пятнадцать тысяч лет, прошедших с того дня, как эск Эндар покинул один Юный Мир, в котором осталась спасённая им Лю.¹⁹ Алый Маг-Воитель так и не увидел своего сына, рождённого Лю после их короткой, похожей на вскрик, любви.

* * *

Ключевой Мир собственного домена Звёздной Владычицы Эн-Ризнанты, наши дни.

– У меня ощущение, - сказала Селиана, пытливо глядя на появившуюся перед ней Магиню-Мудрую, - что ты хочешь мне что-то сообщить, Помощница.

– Ты права, Глава Синклита, - подтвердила та, почтительно склонив голову. - Есть новости: Разыскиваемые воплощены на Третьей планете системы Жёлтой звезды, и они встретились. Но...

– Что "но"? Договаривай!

– Их две пары - причём равнозначные. Мы, Маги Синклита, проверяли вшестером - разницы между этими двумя парами Предполагаемых практически нет.

– Да, Помощница, - медленно проговорила Верховная Мудрая, - вот это новость... Придётся разбираться самой - хотя бы для того, чтобы объяснить Эн-Ризнанте.

Отпустив Магиню Синклита и оставшись одна в Зале Принятия Решений, Селиана довольно долго размышляла - новость было неожиданной даже для неё, Верховной Мудрой.

"Могу себе представить, какой будет реакция Энны, - мысленно усмехнулась эскиня. - Во всяком случае, восторга такое сообщение у неё явно не вызовет. Тем более что объяснить подобный феномен затруднительно - можно только предполагать. Скорее всего, это опять какой-то фокус Тонкого Мира - нечто похожее на историю жрицы Танит, только на другом уровне".

Сосредоточившись, Селиана позвала и тут же услышала мыслеответ Эн-Ризнанты - похоже, Звёздная Королева ждала зова Главы Синклита.

- У тебя новости, Мудрая?

- Да, Королева.

- Хорошие или плохие?

- Важные, Королева.

«Конец первой книги»

Санкт-Петербург, 2003-2006 гг.

¹⁸ Героиня романа "Крик из будущего".

¹⁹ Роман "Страж звёздных дорог".